

ISSN 2076-2577 (Print)
ISSN 2541-982X (Online)

Финно-угорский мир Finno-Ugric World

Том 14, № 4. 2022

Журнал основан в 2008 г.
Выходит ежеквартально

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77–70644 от 3 августа 2017 г.

Территория распространения журнала – Российская Федерация, зарубежные страны

Подписной индекс в Объединенном каталоге «Пресса России» – 42059

Учредитель и издатель:

федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».
430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

Адрес редакции:

430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68
Телефон: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Главный редактор *Н. П. Макаркин*

Дата выхода 29.12.2022.
Формат 70 × 108 1/16. Усл. печ. л. 12,0.
Тираж 1000 экз. (1-й завод – 100 экз.).
Цена свободная. Заказ № 1181

Отпечатано в типографии
Издательства Мордовского университета
430005, Республика Мордовия, г. Саранск,
ул. Советская, 24

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», 2022

The journal was founded in 2008.
Published quarterly

Registered by The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media Certificate ПИ № ФС77–70644 August 3, 2017

Distributed In Russian Federation and foreign countries

Subscribe index: 42059,
Catalog “The Press of Russia”

Founder and Publisher:

Federal State
Budgetary Educational
Institution of Higher Education
“National Research
Ogarev Mordovia
State University”
68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

Editorial board:

68 Bolshevistskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia
Phone: +7 8342 474423, +7 8342 478220
WWW: <http://csfu.mrsu.ru>
E-mail: journal@csfu.mrsu.ru

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Released on December 29, 2022.
Format 70 × 108 1/16. Press sheets 12.0.
Circulation 1000 copies (1st – 100 copies).
Free price. Order No. 1181

Printed in the Publishing House of National
Research Ogarev Mordovia State University
24 Sovetskaya Str., Saransk
430005, Republic of Mordovia, Russia

© National Research Mordovia State University, 2022

Редакция журнала «Финно-угорский мир Finno-Ugric World» строит политику издания на общепринятых этических принципах научных публикаций. Редакция поддерживает Кодекс этики научных публикаций, сформулированный Комитетом по этике научных публикаций, а также руководствуется Декларацией Ассоциации научных редакторов и издателей «Этические принципы научных публикаций».

Редакционная политика формулируется с учетом этических норм работы редакторов и издателей, закрепленных в Кодексе поведения и руководящих принципах наилучшей практики для редактора журнала (Code of Conduct and Best Practice Guidelines for Journal Editors), разработанном Комитетом по публикационной этике (Committee on Publication Ethics).

Редакция открыта для взаимодействия с профессиональными научными ассоциациями и отраслевыми сообществами с целью обеспечения высокого качества работы ученых.

Редакция не оказывает платных или агентских услуг. Публикация в Журнале бесплатная. Редакция не взимает плату с авторов за подготовку, размещение и печать материалов.

Редакция не навязывает авторам цитирование статей, ранее опубликованных в Журнале, с целью искусственного улучшения его наукометрических показателей, а также принципиально не оказывает такую «помощь» другим изданиям или конкретным авторам.

«Финно-угорский мир Finno-Ugric World» – журнал открытого доступа (Open Access): все пользователи могут абсолютно свободно и бесплатно читать, загружать, копировать, передавать, а также ссылаться на публикуемые материалы в соответствии с принципами Будапештской инициативы открытого доступа (BOAI).

Авторы сохраняют за собой авторские права и предоставляют Журналу право публикации работы. Неисключительные права на использование материалов Журнала принадлежат ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» как учредителю и издателю.

В Журнале может быть опубликован любой автор, представивший ранее не опубликованный материал.

Журнал считает своей миссией распространение на территории Российской Федерации и за рубежом научных знаний о финно-угорских народах, популяризацию их языков, народной культуры и искусств, истории. Исходя из понимания данной миссии, редакция Журнала публикует материалы, посвященные результатам исследований лингвистических, исторических и этнографических, культурологических проблем финно-угорских народов. Также публикуются информационные сообщения о важных научных событиях, семинарах, симпозиумах и конференциях, связанных с тематикой издания.

Материалы Журнала доступны по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0 Всемирная.

Допускается свободное воспроизведение материалов Журнала в личных целях и свободное использование в информационных, научных, учебных и культурных целях в соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации. При цитировании ссылка на Журнал обязательна. Иные виды использования возможны только после заключения соответствующих письменных соглашений с правообладателем.

The editorial board of the journal "Finno-Ugric World" is committed to generally accepted ethical principles of Journal publications. The editors support Code of Ethics of Journal Publications, developed by Committee on Ethics of Journal Publications (Moscow, Russia), and Declaration of the Association of Journal Editors and Publishers "Ethical Principles of Journal Publications".

The editorial policy is based on ethical norms of the work of editors and publishers written in Code of Conduct and Guidelines for Best Practice for the Editor of the Journal, developed by the Committee on Publication Ethics.

The Editors shall be open for cooperation with professional scientific associations and industry-specific communities to ensure high quality work of scientists.

The editorial board does not provide paid services. All publications in the Journal are free. The editorial board does not charge the authors for the preparation, download and printing of materials.

The editors shall never impose citing papers, which were previously published in the Journal, on the authors, for the purpose of improving its scientometric indicators, as well as shall not provide other journals or specific authors with such "help".

The "Finno-Ugric World" is an open access Journal which means that all content is freely available without charge to the user or his/her institution. Users are allowed to read, download, copy, distribute, print, search, or link to the full texts of the articles, or use them for any other lawful purpose, without asking prior permission from the publisher or the author. This is in accordance with the BOAI definition of open access.

The authors retain copyright holder exclusive rights over their articles and assign copyright to the Journal. Non-exclusive rights to use the papers of the Journal belong to National Research Mordovia State University as a founder and publisher.

The Journal publishes any author, if he presents a material not released before and not supposed to be published simultaneously in other journals. Receipt of articles for publication is effected permanently.

The Journal seeks to develop Finno-Ugric Studies, dissemination of their languages, folk culture and arts, and the history in the territory of the Russian Federation and abroad. In order to fulfil these aims the Journal welcomes the articles on the various aspects in linguistics, literature, culture, history and ethnography of the Finno-Ugric peoples. It also regularly includes the information about important sciences events, seminars, symposiums and conferences relevant to the Journal.

All the materials of the "Finno-Ugric World" journal are licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

Free reproduction of the Journal's materials is allowed for personal, information, research, academic or cultural purposes in accordance with the Civil Code of the Russian Federation. When quoting, a link to the Journal is required. Other types of reproduction are only possible following the written agreement of the copyright holder.

- Макаркин Николай Петрович** – председатель совета, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения (г. Саранск, Россия), makarkin@mrso.ru
- Бахлова Ольга Владимировна** – доктор политических наук, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), olga.bahlova@gmail.com
- Бояркин Николай Иванович** – доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), bojarkin_ni@mail.ru
- Братчикова Надежда Станиславовна** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорской филологии ФГБОУ ВО «МГУ имени М. В. Ломоносова» (г. Москва, Россия), n.bratchikova@mail.ru
- Вичинене Дайва** – доктор гуманитарных наук, профессор, заведующий кафедрой этномузыкологии Литовской академии музыки и театра (г. Вильнюс, Литва), daivarster@gmail.com
- Глухова Наталья Николаевна** – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков и лингвистики Центра гуманитарного образования ФГБОУ ВО «Поволжский государственный технологический университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gluhnatalia@mail.ru
- Жеребцов Игорь Любомирович** – доктор исторических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), zherebtsov@mail.illhkomisc.ru
- Илюха Ольга Павловна** – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), iljuha@krc.karelia.ru
- Кауппала Пекка** – доктор философии, доцент Центра изучения России и Восточной Европы Хельсинкского университета (г. Хельсинки, Финляндия), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Кондратьева Наталья Владимировна** – доктор филологических наук, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет» (г. Ижевск, Россия), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Корнишина Галина Альбертовна** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), kornishina@ Rambler.ru
- Лууттонен Иорма** – доктор философии, профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания Туркуского университета (г. Турку, Финляндия), luutonen@utu.fi
- Мартынова Марина Юрьевна** – доктор исторических наук, профессор, руководитель Центра европейских исследований Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН, (г. Москва, Россия), martynova@iea.ras.ru
- Матичак Шандор** – доктор филологических наук, заведующий кафедрой финно-угорского языкознания Дебреценского университета (г. Дебрецен, Венгрия), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Миннихметова Татьяна Гильничихметовна** – доктор философии, независимый исследователь Института Европейской этнологии Инсбрукского университета (г. Инсбрук, Австрия), minnijah@hotmail.com
- Мишанин Юрий Александрович** – доктор филологических наук, профессор, заместитель директора по межэтническим отношениям Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, председатель Межрегиональной общественной организации мордовского (мокшанского и эрзянского) народа (г. Саранск, Россия), mordvarf@mail.ru
- Мосина Наталья Михайловна** – доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), natamish@ Rambler.ru
- Муллонен Ирма Ивановна** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия), mullonen@krc.karelia.ru
- Нуриева Ирина Муртазовна** – доктор искусствоведения, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Уральского отделения РАН (г. Ижевск, Россия), nurieva-59@mail.ru
- Попов Александр Александрович** – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора отечественной истории Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), doctor_popov@mail.ru
- Пустаи Янош** – доктор филологии, профессор, директор НН «Collegium Fenno-Ugricum» (г. Бадачоньтомай, Венгрия), janos_pusztay@hotmail.com
- Ракин Анатолий Николаевич** – доктор филологических наук, главный научный сотрудник сектора языка Института языка, литературы и истории Коми научного центра Уральского отделения РАН (г. Сыктывкар, Россия), anatolij.rakin@mail.ru
- Родняков Алексей Викторович** – секретарь совета, заместитель руководителя Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» (г. Саранск, Россия), aleviro@mail.ru
- Сейленталь Тыну** – доктор филологии, заведующий финно-угорским отделением Тартуского университета, председатель Программы родственных народов (г. Тарту, Эстония), seilu@ut.ee
- Тултаев Петр Николаевич** – председатель президиума Совета ООД «Ассоциация финно-угорских народов Российской Федерации» (г. Саранск, Россия), afunf@yandex.ru
- Тулуз Ева** – доктор философии, профессор Центра исследований Европы и Евразии Национального института восточных языков и цивилизаций (г. Париж, Франция), evatoulouze@gmail.com
- Шаланки Жужанна** – доктор филологии, доцент кафедры финно-угроведения Университета им. Лоранда Этвеша (г. Будапешт, Венгрия), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Шилов Николай Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры юридических дисциплин ОЧУ ВО «Еврейский Университет» (г. Москва, Россия), n_shilov@uni21.org
- Шкалина Галина Евгеньевна** – доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культуры и искусств ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет» (г. Йошкар-Ола, Россия), gshkalina@mail.ru

- Nikolay P. Makarkin** – Chairman of the Board, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies (Saransk, Russia), makarkin@mrsu.ru
- Olga V. Bahlova** – Doctor of Political Sciences, Professor, Department of General History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), olga.bahlova@gmail.com
- Nikolay I. Boyarkin** – Doctor of Arts, Professor, Lead Research Fellow, Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), bojarkin_ni@mail.ru
- Nadezhda S. Bratchikova** – Doctor of Philology, Head of the Department of Finno-Ugric Philology, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), n.bratchikova@mail.ru
- Daiva Vyčiniėnė** – Doctor of Arts, Professor, Head of the Department of Ethnomusicology, Lithuanian Academy of Music and Theater (Vilnius, Lithuania), daivarster@gmail.com
- Natalia N. Glukhova** – Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages and Linguistics, Center for Humanitarian Education, Volga State University of Technology (Yoshkar-Ola, Russia), gluhatalia@mail.ru
- Igor L. Zherebtsov** – Doctor of History, Professor, Director of the Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), zherebtsov@mail.illhkomic.su
- Olga P. Ilukha** – Doctor of History, Lead Research Fellow, History Section, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), iljuha@krc.karelia.ru
- Pekka Kauppala** – Ph. D., Associate Professor, Center for the Study of Russia and Eastern Europe, Helsinki University (Helsinki, Finland), pekka.kauppala@saunalahti.fi
- Natalia V. Kondratieva** – Doctor of Philology, Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, Udmurt State University (Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru
- Galina A. Kornishina** – Doctor of History, Professor, Department of History of Russia, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), kornishina@rambler.ru
- Jorma Luutonen** – Ph. D., Professor, Department of General and Finno-Ugric Linguistics, University of Turku (Turku, Finland), luutonen@utu.fi
- Marina Yu. Martynova** – Doctor of History, Professor, Head of the Center for European Studies, Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, (Moscow, Russia), martynova@iea.ras.ru
- Sándor Maticsák** – Ph. D. {Philology}, Professor, Head of the Department of Finno-Ugric Linguistics, University of Debrecen (Debrecen, Hungary), maticsak.sandor@arts.unideb.hu
- Tatiana G. Minniyahmetova** – Ph. D., Independent Researcher, Institute for European Ethnology, University of Innsbruck (Innsbruck, Austria), minnijah@hotmail.com
- Yuri A. Mishanin** – Doctor of Philology, Professor, Deputy Director for Interethnic Relations of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia, Chairperson of Interregional Public Organization of Mordovian (Moksha and Erzya) People (Saransk, Russia), mordvarf@mail.ru
- Natalya M. Mosina** – Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), natamish@rambler.ru
- Irma I. Mullenon** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russia), mullenon@krc.karelia.ru
- Irina M. Nurieva** – Doctor of Arts, Lead Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Izhevsk, Russia), nurieva-59@mail.ru
- Alexander A. Popov** – Doctor of History, Professor, Senior Research Fellow, Sector of Domestic History, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), doctor_popov@mail.ru
- János Pusztay** – Ph. D. {Philology}, Professor, Director of the Collegium Fenno-Ugricum (Badacsonytomaj, Hungary), janos_pusztay@hotmail.com
- Anatoliy N. Rakin** – Doctor of Philology, Senior Research Fellow, Language Sector, Institute of Language, Literature and History of Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Syktyvkar, Russia), anatolij.rakin@mail.ru
- Aleksei V. Rodniakov** – Secretary of the Board, Deputy Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Mordovia State University (Saransk, Russia), aleviro@mail.ru
- Tõnu Seilenthal** – Ph. D. {Philology}, Head of the Finno-Ugric Branch of the University of Tartu, Chairperson of the Kindred Peoples Programme (Tartu, Estonia), seilu@ut.ee
- Pyotr N. Tultaev** – Chairperson of the Presidium of the Council of Association of Finno-Ugric Peoples of the Russian Federation (Saransk, Russia), afunrf@yandex.ru
- Eve Toulouse** – Ph. D., Professor, Center for European and Eurasian Studies, National Institute of Oriental Languages and Civilizations (Paris, France), evatoulouze@gmail.com
- Zsuzsanna Salánki** – Ph. D. {Philology}, Associate Professor, Department of Finno-Ugric Studies, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary), salanki.zsuzsanna@btk.elte.hu
- Nikolai V. Shilov** – Doctor of History, Professor, Department of Legal Disciplines, Jewish University (Moscow, Russia), n_shilov@uni21.org
- Galina E. Shkalina** – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Culture and Arts, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russia), gshkalina@mail.ru

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

М. П. Безенова. Особенности оформления падежных маркеров в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке	392
О. А. Богатова, А. В. Митрофанова, С. В. Рязанова. Мордовский поселок как место и сообщество исторической памяти: коллективные нарративы и репрезентации	402
Л. И. Вавулинская, А. В. Чебаковская. Профилактика безнадзорности и преступности несовершеннолетних в Карелии в 1920–1960-е гг.	418
М. С. Выхрыстюк. Памятник сибирской письменности «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого: историко-культурологический обзор	437
А. К. Гагиева. Поземельно-хозяйственная функция общины крестьян Коми края в XVIII в.	445
Т. П. Девяткина, С. С. Панфилова. Домашние животные и птицы в традиционных обрядах мордвы: финно-угорский контекст	453
Е. В. Захарова. Разработка геонформационного ресурса по топонимии Карелии: историко-культурный аспект	463
Т. В. Пашкова, А. П. Родионова. Целебные свойства ягод в народной медицине карел (из опыта полевых исследований)	474
Е. А. Шаронова, О. П. Ингл. Образ Жизни в эпосе «Масторава» А. М. Шаронова	486

СОБЫТИЯ, ЛЮДИ, КНИГИ

В. Н. Максимов. Verba volant, scripta manent	495
Ф. Я. Хабибуллина, И. Г. Иванова. Русскоязычная марийская литература в зеркале авторологической парадигмы	498
Е. Н. Ломшина, Е. Н. Антипкина. Сохраняя традиции: создаем будущее. Культурно-исторический проект по сохранению культурного наследия народов Мордовии	500
О. И. Налдеева. Финно-угорский мир В. И. Рогачева	502
Е. Н. Тязин. Дмитрий Степанович Желтов. Неизвестные страницы биографии	507

HISTORICAL STUDIES

M. P. Bezenova. Special features of case marking forms in the first printed New Testament in the Udmurt language	392
O. A. Bogatova, A. V. Mitrofanova, S. V. Riazanova. A Mordovian settlement as a site and community of historical memory: collective narratives and representations	402
L. I. Vavulinskaja, A. V. Chebakovskaja. Prevention of child neglect and juvenile delinquency in Karelia in the 1920–1960s	418
M. S. Vykhrystyuk. A written monument of Siberian writing “A brief description of the Ostyak people” by Grigory Novitsky: historical and cultural analysis	437
A. K. Gagieva. Land and economic function of the peasants’ community of the Komi region in the XVIII century	445
T. P. Devyatkina, S. S. Panfilova. Domestic animals and birds in traditional rites of the Mordovians: Finno-Ugric context	453
E. V. Zakharova. Development of a geographic information system for toponyms of Karelia: historical and cultural aspect	463
T. V. Pashkova, A. P. Rodionova. Healing properties of berry plants in Karelian folk medicine (based on field research)	474
E. A. Sharonova, O. P. Ingle. The image of Life in the epic “Mastorava” by A. M. Sharonov	486

EVENTS, PEOPLE, BOOKS

V. N. Maksimov. Words can fly off, but the signs remain	495
F. Ya. Khabibullina, I. G. Ivanova. Russian-language Mari literature in the mirror of the autological paradigm	498
E. N. Lomshina, E. N. Antipkina. Keeping traditions: we create the future. Cultural and historical project to preserve the cultural heritage of the peoples of Mordovia	500
O. I. Naldeeva. Finno-Ugrian world of V. I. Rogachev	502
E. N. Tyazin. Dmitry Stepanovich Zheltov. Unknown pages of the biography	507

Особенности оформления падежных маркеров в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке

Мария Петровна Безенова

Удмуртский институт истории, языка и литературы

Удмуртского федерального исследовательского центра

Уральского отделения РАН,

Ижевск, Россия,

Институт системного программирования им. В. П. Иванникова РАН,

Москва, Россия

Введение. Статья посвящена описанию падежных маркеров имени существительного печатных Евангелий на удмуртском языке, которые являются важнейшими источниками для изучения формирования падежной системы, а также морфологии удмуртского языка в целом.

Материалы и методы. Источниковой базой исследования послужил корпус текстов переводных Евангелий от Матфея и Марка на глазовском и сарапульском наречиях удмуртского языка, изданных в 1847 г. Анализ проведен методом сопоставления языкового материала письменных источников с данными удмуртского литературного языка и его диалектов.

Результаты исследования и их обсуждение. В ходе исследования в оформлении падежных показателей памятников были выявлены три основные особенности: а) образование аккузативных форм множественного числа простого склонения во всех источниках с помощью маркера **-ызь**; б) функционирование в памятниках в творительном, местном, исходном и переходном падежах в соответствии с **ы**-овыми маркерами литературного языка показателей с **и**-овой инициальной; в) наличие в тексте Евангелия на сарапульском наречии наряду с основным суффиксом **-ынь**, с помощью которого образуется множественное число имен существительных в инструментале, показателя **-энь**. Кроме того, в памятниках на глазовском наречии были зафиксированы формы вторичных локальных падежей, а также случаи употребления эгрессивных форм в функции элатива.

Заключение. При анализе падежных показателей первых удмуртских Евангелий были выявлены особенности различного характера, которые объясняются как нормами правописания, так и диалектными чертами языка рассмотренных источников.

Ключевые слова: удмуртский язык, памятники письменности, падежная система, морфологические показатели, диалекты удмуртского языка

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ № МК-1631.2022.2.

Для цитирования: Безенова М. П. Особенности оформления падежных маркеров в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 392–401. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.392-401.

Введение

Работа над переводом текста Четвероевангелия на удмуртский язык началась в 1818 г. с открытием Вятского комитета Российского библейского общества, но по различным причинам растянулась практически на 30 лет¹. К публикации переводов Евангелий от Матфея и Марка приступили лишь в 1847 г., а переводы Евангелий от Иоанна и Луки так и остались

ненапечатанными. Эти рукописи, по данным Б. И. Каракулова [6, 127], хранятся в Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга².

Статья посвящена описанию падежных показателей имени существительного первых печатных Евангелий на удмуртском языке: на глазовском наречии от Матфея³ и Марка⁴ и на сарапульском наречии от

¹ История появления первых книг на удмуртском языке подробно изложена в кн.: Лупшовъ П. Н. Христианство у вотяковъ въ первой половинѣ XIX вѣка. Вятка, 1911.

² ЦГИА СПб. Ф. 808. Оп. 1. 1821 г. Ед. хр. 177.

³ См.: Отъ Матѣя святое Благовѣствованіе // Господа нашего Иисуса Христа Евангелія отъ св. евангелистовъ Матѣя и Марка на русскомъ и вотякомъ языкахъ, Глазовскаго нарѣчія. Казань, 1847. Далее: Матфей Глаз.

⁴ См.: Отъ Марка святое Благовѣствованіе // Там же. Далее: Марк Глаз.

Матфея⁵. Эти издания представляют собой первые наиболее объемные связанные тексты на удмуртском языке и являются важнейшими источниками для изучения формирования падежной системы, а также морфологии удмуртского языка в целом.

Обзор литературы

Комплексного лингвистического анализа первых переводов Евангелий от Матфея и Марка на удмуртский язык на данный момент не существует. Частные аспекты обозначенной тематики отражены в отдельных работах В. К. Кельмакова [9; 10], Б. И. Каракулова [7], Л. М. Ившина [3; 5], А. Ф. Шутова [18; 19] и некоторых других исследователей. Наиболее подробно на сегодняшний день описаны графика и орфография этих изданий в монографии Л. М. Ившина «Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века» [4].

Материалы и методы

Источниковой базой исследования послужил корпус текстов первых переводов Евангелий от Матфея и Марка на глазовском наречии и Евангелия от Матфея на сарапульском наречии удмуртского языка⁶.

Выявление особенностей оформления падежных маркеров в письменных памятниках проводится методом сопоставления языкового материала источников с данными удмуртского литературного языка и его диалектов. По возможности затрагиваются вопросы происхождения морфологических маркеров с целью выявления инновационного либо архаичного характера особенностей, отраженных в анализируемых памятниках.

Результаты исследования и их обсуждение

Система склонения имени существительного современного литературного удмуртского языка включает 15 падежей: именительный (номинатив), винитель-

ный (аккузатив), родительный (генитив), разделительный (аблатив), дательный (датив), творительный (инструменталь), лишительный (абессив), соответственный (адвербиаль), местный (инессив), входный (иллатив), исходный (элатив), отдалительный (эгрессив), переходный (пролатив), предельный (терминатив), направительный (аппроксиматив) [21, 16].

В диалектах удмуртского языка количество падежей варьируется от 12 до 21. Так, во многих периферийно-южных и некоторых центрально-южных говорах количество падежей сократилось до 12 за счет замещения адвербиальных, аппроксимативных, а также в отдельных случаях терминативных форм послеложными конструкциями⁷. В то же время в отдельных говорах удмуртского языка, а именно в бесермянском наречии, среднечепецком и нижнечепецком диалектах северного наречия, количество падежей возросло до 21 вследствие возникновения серии вторичных пространственных падежей [8, 173; 13, 72–74; 17, 184].

Падежные системы анализируемых памятников в количественном отношении не соответствуют литературной (табл. 1–3). В меньшей степени это касается Евангелия на сарапульском наречии: в нем по сравнению с удмуртским литературным языком отсутствуют лишь эгрессивные формы, что, вероятно, объясняется их «относительно невысокой дистрибутивной нагрузкой» [11, 193]. В системе склонения Евангелий на глазовском наречии представлены 17 членов парадигматического ряда. Кроме 15 падежей, идентичных литературным, нам удалось зафиксировать формы вторичных пространственных падежей: приблизительного инессива и приблизительного иллатива:

Матфей Глаз.: *улонъ-нйнь* ‘в жизни’
2INE – литер. *улонын, улонъ-нэ* ‘в жизнь’
2ILL – литер. *улонэ, кертонъ-няды* ‘в ваши поясы’
2ILL-POSS.2PL – литер. *керттонады*;

Марк Глаз.: *даулашоннйнь* ‘на мятеже’
2INE – литер. *даллашоннын, люкаськóньôсьнйнь* ‘на собраниях’

⁵ См.: Господа нашего Иисуса Христа Евангелия отъ св. евангелиста Матѳея на русскомъ и вотяжскомъ языкахъ, Сарапульскаго нарѣчія. Казань, 1847. Далее: Матфей Сар.

⁶ Тексты Евангелий размещены в Корпусе памятников письменности удмуртского языка. URL: <http://udmcorp.usudman.ru/>.

⁷ См.: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: учеб. пособие для высш. учеб. заведений. 2-е изд. Ижевск, 2006. С. 117–118.

PL-2INE – литер. *люкаськонъёсын, ошоннэ* ‘на распятие’ 2ILL – литер. *ошонэ, пэясъкóнънэ* ‘в ложь’ 2ILL – литер. *пöясъконэ, терэнэ* ‘к начальнику’ 2ILL – литер. *тöро доры, улонънэ* ‘в жизнь’ 2ILL – литер. *улонэ, ужасьёснэ* ‘к рабочим’ PL-2ILL – литер. *ужасьёс доры, улонънядэ* ‘в твою жизнь’ 2ILL-POSS.2SG – литер. *улонад, вераськонънязэ* ‘в его речь’ 2ILL-POSS.3SG – литер. *вераськоназ, люкасконнязэ* ‘на его собрание’ 2ILL-POSS.3SG – литер. *люкаськоназ*.

Маркеры новой серии локальных падежей характеризуются элементом **-н’-**, который присоединяется препозитивно «ко всем первичным пространственным падежным формантам, за исключением аппроксиматива (**-лан’**)»⁸. Предположительно возникновение данного элемента в удмуртском языке связано «с трансформацией серии послелогов с основой **дин’-** ‘у, около, при, возле’, которая, в свою очередь, возникла от имени существительного **дин’** ‘основание, комель; близость, околица» [8, 174]. Так как «в отличие от обычных пространственных падежей новая серия местных падежей на **-н’-** (**-н’ын, -н’ыс’, -н’ыс’эн, -н’э, -н’ым’и, -н’оз’**) обозначает местонахождение около кого-либо, движение от, мимо кого-либо, к кому-либо и т. д.»⁹, для наименования вторичных локальных падежей в удмуртском языке многие лингвисты употребляют термин «приблизительно-местные» падежи [8, 173; 16, 287]. С. А. Максимов, считая, что термин не полностью раскрывает содержание этих форм, предлагает называть их «жилищно-местными», поскольку «они обозначают не просто местонахождение около кого-(чего-)либо, движение по направлению к кому-(чему-)либо и т. д., а выражают нахождение в доме (домашнем очаге, жилище, в пределах усадьбы), который принадлежит кому-либо, направление движения в дом (жилище), принадлежащий кому-либо, и т. д.» [14, 34].

Форманты вторичных пространственных падежей «используются только с

ограниченным количеством лексем: преимущественно их употребляют применительно к одушевленным именам, выражающим лицо, человека» [8, 173]. С этой точки зрения формы вторичных локальных падежей, выявленные в памятниках на глазовском наречии, несколько специфичны: они образованы как от одушевленных, так и от неодушевленных имен существительных. Логично предположить, что на определенном этапе развития рассматриваемые показатели, не имея каких-либо ограничений в употреблении, могли присоединяться практически ко всем именам существительным.

На сегодняшний день функционирование форм вторичных пространственных падежей отмечено в нижнечепецком и среднечепецком диалектах северного наречия [8, 173; 16, 285–286], а также в бесермянском наречии удмуртского языка [13, 72–74; 17, 184]. Подобные формы в глазовском диалекте были зафиксированы в конце XIX в. финским ученым Ю. Вихманном, ср.: *tumizhñ* ‘у его матери’¹⁰, *tumizhē (no) aizhē* ‘к ее матери и ее отцу’¹¹. Маркеры вторичных локальных падежей с элементом **-н’-** присутствуют и в диалектах коми-пермяцкого языка [1, 138–141]. Несмотря на это, по мнению большинства ученых, новая серия падежей в удмуртском и коми языках представляет собой инновационное явление, возникшее в период самостоятельного развития каждого из языков [12, 23; 14, 44; 15, 103–111; 20, 198].

Помимо отличий в количественном составе падежных систем памятников некоторые особенности наблюдаются и в оформлении отдельных падежных показателей в соответствии с литературными нормами.

1. Формы множественного числа простого склонения в винительном падеже во всех памятниках маркируются показателем **-ызь**:

Матфей Сар.: *висись-йóсьызь* ‘больных’ PL-ACC – литер. *висисьёсты* / *висисьёсыз*, *иворьёсьызь* ‘вести’ PL-ACC – литер. *иворьёсты* / *иворьёсыз*, *ижсь-йóсьызь* ‘овец’ PL-ACC – литер. *ыжсьёсты* / *ыжсьёсыз* и др.;

⁸ Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. С. 118.

⁹ Там же.

¹⁰ См.: Wichmann Y. Wotjakische Sprachproben. I: Lieder, Gebete und Zaubersprüche. Helsingfors, 1893. S. 114.

¹¹ См.: Wichmann Y. Wotjakischer Wortschatz. Helsinki, 1987. S. 165.

Таблица 1. Падежные маркеры имен существительных в простом склонении

Table 1. Case markers for nouns in the simple declension

Падеж / Case	Единственное число / Single				Множественное число / Plural			
	Матфей Сар. / Matthew Sarapul	Матфей Глаз. / Matthew Glazov	Марк Глаз. / Mark Glazov	Литер. / Standard Udmurt	Матфей Сар. / Matthew Sarapul	Матфей Глаз. / Matthew Glazov	Марк Глаз. / Mark Glazov	Литер. / Standard Udmurt
Номинатив	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅
Аккузатив	-эзь/-езь ∅	-эзь/-езь ∅	-эзь/-езь ∅	-эз/-ез ∅	-ызь	-ызь	-ызь	-ты/-ыз
Генитив	-лэнь	-лэнь	-лэнь	-лэн	-лэнь	-лэнь	-лэнь	-лэн
Аблатив	-лэсь	-лэсь	-лэсь	-лэсь	-лэсь	-лэсь	-лэсь	-лэсь
Датив	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы
Инструменталь	-энь/-енъ -ынь/-инъ	-энь/-енъ -ынь/-инъ	-энь/-енъ -ынь/-инъ	-эн/-ен -ын	-ынь	-ынь	-ынь	-ын
Абессив	-тэкъ	-тэкъ	-тэкъ	-тэк				-тэк
Адвербиаль				-я				-я
Инессив	-ынь/-инъ	-ынь/-инъ	-ынь/-инъ -нъ	-ын -н	-ынь	-ынь	-ынь	-ын
Приблизительный инессив		-нинъ	-нинъ	—			-нинъ	—
Илллатив	-э/-е	-э/-е	-э/-е ∅	-э/-е ∅				-ы
Приблизительный илллатив		-нэ	-нэ	—			-нэ	—
Элатив	-ысь/-исъ	-ысь/-исъ	-ысь/-исъ	-ысь	-ысь	-ысь	-ысь	-ысь
Эгрессив			-ысьэнь -сьэнь	-ысен -сен				-ысен
Пролатив	-ыти/-ити -эти	-ыти/-ити -эти	-ыти/-ити -ти	-ытй -тй -этй			-ти	-тй
Терминатив	-озь	-озь	-озь	-озь				-озь
Аппроксиматив	-лань	-лань		-лань				-лань

Матфей Глаз.: муртъёсызь ‘людей’ PL-ACC – литер. муртъёсты / муртъёсыз, палэсьёсызь ‘части’ PL-ACC – литер. палэсьёсты / палэсьёсыз, черёсызь ‘болезни’ PL-ACC – литер. черёсты / черёсыз и др.;

Марк Глаз.: кунъёсызь ‘государства’ PL-ACC – литер. кунъёсты / кунъёсыз, пинальёсызь ‘детей’ PL-ACC – литер. пинальёсты / пинальёсыз, тодысьёсызь ‘знающих’ PL-ACC – литер. тодысьёсты / тодысьёсыз и др.

Как видим, в литературном языке аккузатив во множественном числе оформляется маркерами **-ты** и **-ыз**, которые «используются на равноправных началах. Это удобно стилистически и для выражения существительных двух прямых дополнений в одном предложении»¹². Что касается диалектов удмуртского языка, здесь наблюдается опре-

деленное противопоставление: формант **-ты** характерен для говоров северной диалектной зоны, которая охватывает северное и бесермянское наречия, а также часть срединных говоров; маркер **-ыз** представлен в говорах южной диалектной зоны, к которой относятся южное наречие и южная часть срединных говоров¹³. При этом оба суффикса, по мнению большинства ученых, восходят к прапермскому периоду [12, 117–118]. В связи с этим в памятниках на глазовском наречии аккузативные формы множественного числа, по всей вероятности, должны были быть оформлены суффиксом **-ты**. Функционирование маркера **-ызь** в Евангелиях как на сарапульском, так и на глазовском наречии в определенной степени подтверждает «наддиалектный характер» языка первых печатных Евангелий на удмуртском

¹² Грамматика современного удмуртского языка: Фонетика и морфология. Ижевск, 1962. С. 93.

¹³ См.: Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии. С. 119.

Таблица 2. Падежные маркеры имен существительных в притяжательном склонении (формы индивидуального обладателя)

Table 2. Case markers for nouns in the possessive declension (forms of the individual possessor)

Падеж / Case	Одно обладаемое / One Possessed				Много обладаемых / Plurale Possessed			
	Матфей Сар. / Matthew Sarapul	Матфей Глаз. / Matthew Glazov	Марк Глаз. / Mark Glazov	Литер. / Standard Udmurt	Матфей Сар. / Matthew Sarapul	Матфей Глаз. / Matthew Glazov	Марк Глаз. / Mark Glazov	Литер. / Standard Udmurt
Номинатив	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅
Аккузатив	-э/-е	-э/-е	-э/-е	-э/-е	-э/-е	-э/-е	-э/-е	-э/-е
Генитив	-лэнь	-лэнь	-лэнь	-лэнь				-лэнь
Аблатив	-лэсь	-лэсь	-лэсь	-лэсь				-лэсь
Датив	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы	-лы
Инструменталь	-эны-/ -ены-/ -ыны-/ -ины-	-эны-/ -ены-/ -ыны-/ -ины-	-эны-/ -ены-/ -ыны-/ -ины-	-эны-/ -ены-/ -ыны-/ -ины-				
Абессив				-тэк				-тэк
Адвербиаль	-я	-я		-я				-я
Инессив	-а-	-а-	-а-	-а-/-я-	-а-	-а-	-а-	-а-
Иллатив	-а-/-я-	-а-/-я-	-а-/-я-	-а-/-я-	-а-	-а-	-а-	-а-
Приблизительный иллатив			-ня-	-				-
Элатив	-ысьты-/ -исьты-	-ысьты-/ -исьты-	-ысьты-/ -исьты-/ -сьты-	-ысьты-/ -сьты-				-ысьты-
Эгрессив				-ысены-				-ысены-
Пролатив			-ти-/ -ыти-/ -ити-	-тй-/ -ытй-				-тй-
Терминатив	-озь-а-	-озь-а-	-озь-а-	-озя-/-ёзя-				-озя-
Аппроксиматив				-лань				-лань

языке, отмечаемый Л. М. Ившиным [4, 178–184], В. К. Кельмаковым¹⁴, Б. И. Каракуловым¹⁵, Л. Л. Карповой¹⁶ и другими исследователями.

2. В тексте Евангелия от Матфея на сарапульском наречии множественное число имен существительных в творительном падеже наряду с основным суффиксом **-ынь** в нескольких случаях образуется присоединением показателя **-энь**:

Матфей Сар.: *валэктись-йось-энь* ‘наставниками’ PL-INS – литер. *валэктисьёсын*, *перезьйосьэнь* ‘пожилыми’ PL-INS – литер. *пересьёсын*, *тодысьйось-энь* ‘знающими’ PL-INS – литер. *тодисьёсын*, *Фарисеосэнь* ‘фарисеями’ PL-INS – литер. *фарисейёсын*.

¹⁴ См.: Кельмаков В. К. Очерки истории удмуртского литературного языка: учеб. пособие. Ижевск, 2008. С. 41–42.

¹⁵ См.: Каракулов Б. И. О диалектных особенностях памятников удмуртской письменности XIX в. // Пермь-стика: Вопросы диалектологии и истории пермских языков. Ижевск, 1987. С. 107.

¹⁶ См.: Карпова Л. Л. Фонетика и морфология среднечепецкого диалекта удмуртского языка: дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1997. С. 31.

Вероятно, выявленные примеры не указывают на какие-то диалектные особенности языка памятника, а скорее всего образованы по аналогии с формами единственного числа, поскольку абсолютное большинство форм множественного числа имен существительных в творительном падеже в данном Евангелии все-таки образовано присоединением суффикса **-ынь**.

3. В творительном, местном, исходном и переходном падежах в соответствии с **ы**-овыми маркерами литературного языка в Евангелиях встречаются показатели с **и**-овой инициальной. Данные нестандартные соответствия, по нашему мнению, также не указывают на диалектную черту

Таблица 3. Падежные маркеры имен существительных в притяжательном склонении (формы коллективного обладателя)

Table 3. Case markers for nouns in the possessive declension (forms of the collective possessor)

Падеж / Case	Одно обладаемое / One Possessed				Много обладаемых / Plurale Possessed			
	Матфей Сар. / Matthew Sarapul	Матфей Глаз. / Matthew Glazov	Марк Глаз. / Mark Glazov	Литер. / Standart Udmurt	Матфей Сар. / Matthew Sarapul	Матфей Глаз. / Matthew Glazov	Марк Глаз. / Mark Glazov	Литер. / Standart Udmurt
Номинатив	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅	∅
Аккузатив	-эсь/-есь	-эсь/-есь	-эсь/-есь	-эс/-ес				-эс/-ес
Генитив				-лэн				-лэн
Аблатив	-лэсь	-лэсь	-лэсь	-лэсь				-лэсь
Датив				-лы				-лы
Инструменталь	-эны-/ -ены- -ыны-/ -ины-	-эны-/ -ены- -ыны-/ -ины-	-эны-/ -ены- -ыны-/ -ины-	-эны-/ -ены- -ыны- -ины-	-ыны-	-ыны-	-ыны-	-ыны-
Абессив				-тэк				-тэк
Адвербиаль	-я	-я	-я	-я				-я
Инессив	-а-	-а-	-а-	-а-/-я-	-а-	-а-	-а-	-а-
Иллатив	-а-/-я-	-а-/-я-	-а-/-я-	-а-/-я-	-а-	-а-	-а-	-а-
Приближительный иллатив		-ня-		-				-
Элатив				-ысьты-				-ысьты-
Эгрессив				-ысены-				-ысены-
Пролатив				-тй- -ытй-				-тй-
Терминатив				-озя-/-ёзя-				-озя-
Аппроксиматив				-лань				-лань

текстов, а объясняются орфографически нормами этих источников, т. е. **и**-овые форманты представляют собой варианты **ы**-овых и присоединяются к следующим основам:

а) с конечной гласной:

Матфей Сар.: *кииньзы* ‘их рукой’ INS-POSS.3PL – литер. *кыынызы, бакчайнъ* ‘в саду’ INE – литер. *бакчаын, дунье-исъ* ‘из мира’ ELA – литер. *дуннеысь* и др.;

Матфей Глаз.: *интийнъ* ‘в месте’ INE – литер. *интыын, шайгуйсь* ‘из могилы’ ELA – литер. *шайгуысь, киттй* ‘за руку’ PROL – литер. *кыитй* и др.;

Марк Глаз.: *кииньдъ* ‘твоей рукой’ INS-POSS.2SG – литер. *кыыныд, тюрмайнъ* ‘в тюрьме’ INE – литер. *тюрмаын, ву-йсь* ‘из воды’ ELA – литер. *вуысь, бакцяисътызь* ‘из его сада’ ELA-POSS.3SG – литер. *бакчаысьтыз, дуниттй* ‘по миру’ PROL – литер. *дуннеытй* и др.;

б) на мягкие согласные:

Матфей Сар.: *пель-иньзы* ‘их ухом’ INS-POSS.3PL – литер. *пельынызы, заповгдь-*

йнъ ‘в заповеди’ INE – литер. *заповедьын* и др.;

Матфей Глаз.: *пель-йнъ* ‘ухом’ INS – литер. *пельын, пель-иньзы* ‘их ухом’ INS-POSS.3PL – литер. *пельынызы, Израелйнъ* ‘в Израиле’ INE – литер. *Израильын* и др.;

Марк Глаз.: *палэнъ-азитй* ‘на стороне’ PROL – литер. *палэн азьытй*;

в) на согласный **ж**:

Матфей Сар.: *пыжйнъ* ‘в лодке’ INE – литер. *пыжын, пыжъ-йсь* ‘из лодки’ ELA – литер. *пыжысь*;

Матфей Глаз.: *пыжйнъ* ‘в лодке’ INE – литер. *пыжын, пыжъ-йсь* ‘из лодки’ ELA – литер. *пыжысь*;

Марк Глаз.: *пыжйнъ* ‘в лодке’ INE – литер. *пыжын, пыжйсь* ‘из лодки’ ELA – литер. *пыжысь*.

В остальных случаях употребляются **ы**-овые суффиксы:

Матфей Сар.: *ымынъ* ‘ртом’ INS – литер. *ымын, сюлмынымъ* ‘моим сердцем’ INS-POSS.1SG – литер. *сюлмыным, улонйнъ* ‘в жизни’ INE – литер. *улонын, шаирйсь*

‘из страны’ *ELA* – литер. *шаерысь*, *юртысьтызь* ‘из его дома’ *ELA-POSS.3SG* – литер. *юртысьтыз* и др.;

Матфей Глаз.: *нимынь* ‘именем’ *INS* – литер. *нимын*, *кылынызь* ‘его словом’ *INS-POSS.3SG* – литер. *кылыныз*, *карынь* ‘в городе’ *INE* – литер. *карын*, *инмынь* ‘в небе’ *INE* – литер. *инмын*, *коросысь* ‘из гроба’ *ELA* – литер. *коросысь*, *синмысьтыдь* ‘из твоего глаза’ *ELA-POSS.2SG* – литер. *синмысьтыд* и др.;

Марк Глаз.: *мылынь кыдынь* ‘с желанием’ *INS* – литер. *мылкыдын*, *нимыныдь* ‘твоим именем’ *INS-POSS.2SG* – литер. *нимыныд*, *шурынь* ‘в реке’ *INE* – литер. *шурын*, *карысь* ‘из города’ *ELA* – литер. *карысь*, *кускытызь* ‘за его пояс’ *PROL-POSS.3SG* – литер. *кускытыз* и др.

Отметим, что употребление *и*-овых вариантов показателей инессива и элатива в соответствии с *ы*-овыми в литературном языке после основ с конечной гласной встречается и в более позднем памятнике – в переводе на удмуртский язык «Закона Божия» (1912 г.) [2, 60–61].

При анализе падежных систем первых удмуртских печатных Евангелий нам удалось выявить важную, на наш взгляд, особенность в семантической структуре одной из падежных форм. Оказалось, что формы отдалительного падежа, маркированные суффиксами *-ысьэнь/-сьэнь*, в Евангелии от Марка на глазовском наречии употребляются в функции исходного падежа:

Марк Глаз.: *Иерусалимысьэнь-но Идумеясьэнь-но, Иорданъ шуръ тупалась-но; Тиръ Сидонъ-котырынъ улысь-йосъ-но, кылыса Солэсь ужь-йоссэ, тужь унд Сидинязь лыктызы*. «И изъ Иерусалима, и изъ Идумеи, и изъ за-Иордана; и живущие около Тира и Сидона, услышавъ, что Онъ творилъ, въ великомъ множествѣ пришли къ Нему»; *Джитъ луэмъ-берэ Сó потызь карысьэнь*. «Когда же насталъ вечеръ, Онъ вышелъ вонъ изъ города»; *Сó кышнô валь тодылымтэ Инмаръэзъ, вытыэнь Сирофиникиянысьэнь; сюль воризъ-но Солы, медь Со поттодъ шайтанъ-эзъ нль-пучкысь солэнь*. «(А женщина та была язычница, родомъ Сирофиникиянка [= из сирофиникиян. – М. Б.];) и просила Его, чтобы Онъ выгналъ бѣса изъ дочери ея».

Данная особенность характерна и для некоторых современных удмуртских говоров, а именно для слободского говора нижнечепецкого диалекта, а также глазовского и ярского говоров среднечепецкого диалекта северного наречия удмуртского языка [8, 180].

Заключение

Итак, при анализе падежных маркеров в первых печатных Евангелиях на удмуртском языке были выявлены особенности различного плана, которые объясняются как орфографическими нормами, так и диалектными чертами языка этих письменных источников. В частности, причиной употребления во всех памятниках показателей с *и*-овой инициальной в соответствии с *ы*-овыми маркерами литературного языка в инструментале, инессиве, элативе и пролативе являются определенные стандарты правописания этих источников. Функционирование форм вторичных пространственных падежей (приблизительного инессива и приблизительного иллатива) и употребление эгрессивных форм в функции элатива в Евангелиях на глазовском наречии, на наш взгляд, представляют собой две важные особенности инновационного характера, которые свидетельствуют о диалектной принадлежности этих памятников. В то же время следует отметить отсутствие в падежной системе Евангелия на сарапульском наречии каких-либо серьезных отклонений от современного удмуртского литературного языка. Возможно, дальнейшее описание морфологии этого памятника позволит выявить определенные диалектные черты и в этом источнике.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>литер.</i>	литературная форма, литературный язык
1, 2, 3	первое, второе, третье лицо
2ILL	приблизительный иллатив
2INE	приблизительный инессив
ACC	аккузатив
ELA	элатив
INE	инессив
INS	инструменталь
PL	множественное число
POSS	посессивный показатель
PROL	пролатив
SG	единственное число

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология / АН СССР. Ин-т языкознания. М.: Наука, 1975. 252 с.
2. Безенова М. П. К особенностям перевода «Закона Божия» (1912 г.) на удмуртский язык: именная морфология // Урало-алтайские исследования. 2020. № 1. С. 53–70. DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-53-70.
3. Ившин Л. М. Еще раз к вопросу о времени публикации первых книг на удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13, № 2. С. 216–222. DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-216-222.
4. Ившин Л. М. Становление и развитие удмуртской графики и орфографии в XVIII – первой половине XIX века. Екатеринбург; Ижевск: УрО РАН, 2010. 234 с.
5. Ившин Л. М. Традиции удмуртской грамматики 1775 года в памятниках письменности первой половины XIX века // Евразийское межкультурное пространство в исторической ретроспективе: сб. ст. Ижевск, 2013. С. 419–423.
6. Каракулов Б. И. Удмурт литературной кылэн сюресэз: XVIII–XXI дауръёс = История удмуртского литературного языка XVIII–XXI века. Ижевск: Удмуртия, 2006. 207 с.
7. Каракулов Б. И. Язык удмуртского перевода Евангелий, изданных в 1847 году // Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: История, современность, перспективы: материалы науч. конф. (Сыктывкар, 17–19 мая 2000 г.). Сыктывкар, 2000. С. 467–469.
8. Карпова Л. Л. Диалекты северного наречия удмуртского языка: формирование и современное состояние: моногр. Ижевск: Мар-Шак, 2020. 563 с.
9. Кельмаков В. К. О языке и стиле первопечатного Евангелия от Матфея на «сарapulьском наречии» удмуртского языка I // Permiek, finnek, magyarok: Írások Szij Enikő 60. születésnapjára. Budapest, 2004. С. 537–546. (Urálisztikai Tanulmányok; vol. 14).
10. Кельмаков В. К. Об «орфографии» первопечатного Евангелия от Матфея на «сарapulьском наречии» удмуртского языка // Вестник Удмуртского университета. 2007. № 5. С. 17–24.
11. Кондратьева Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 256 с.
12. Кондратьева Н. В. Формирование падежной системы в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 154 с.
13. Люкина Н. М. Фонетико-морфологические особенности языка лекминских и юндинских бесермян: моногр. Ижевск: Удм. ин-т истории, языка и литературы УрО РАН, 2016. 199 с.
14. Максимов С. А. Вторичные пространственные падежи в удмуртском языке: эволюция исследования и терминологии, причины формирования // Урало-алтайские исследования. 2018. № 1. С. 33–48.
15. Некрасова Г. А. Система L-овых падежей в пермских языках: происхождение и семантика. Сыктывкар: Коми науч. центр УрО РАН, 2002. 168 с.
16. Тепляшина Т. И. О новых удмуртских падежах // Congressus Quintus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars VI: Dissertationes sectionum: Phonologica et morfologica, syntactica et semantic. Turku, 1981. С. 285–292.
17. Тепляшина Т. И. Язык бесермян. М.: Наука, 1970. 287 с.
18. Шутов А. Ф. Первые памятники удмуртской письменности: переводные с церковнославянского и русского евангелия и азбуки // Язык и общество: материалы респ. науч.-практ. конф. Ижевск, 2004. Вып. 1. С. 6–7.
19. Шутов А. Ф. Сложноподчиненные предложения в удмуртском языке: на материале двух евангелий // Проблемы удмуртской и финно-угорской филологии: межвуз. сб. науч. тр. Ижевск, 1999. С. 329–335.
20. Baker R. The Development of the Komi Case System: A Dialectological Investigation. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1985. 266 p.
21. Winkler E. Udmurt. München: Lincom, 2001. 85 p. (Languages of the World; materials 212).

Поступила 15.02.2022; одобрена 23.06.2022; принята 29.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. П. Безенова – кандидат филологических наук, научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, Института системного программирования им. В. П. Иванникова РАН, mary_kaj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0493-2193>

Special features of case marking forms in the first printed New Testament in the Udmurt language

Maria P. Bezenova

*Udmurt Institute of History, Language and Literature,
Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Izhevsk, Russia,*

*Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russia*

Introduction. This article considers the nominal case markers in the first printed New Testament in the Udmurt language. These manuscripts are known as the first sources for studying the process of the case system formation, as well as the morphology of the Udmurt language as a whole.

Materials and Methods. The research was conducted on the basis of the corpus of the texts published in 1847, which comprise Gospels of Matthew and Mark translated in the Glazov and Sarapul dialects of the Udmurt language. The analysis was carried out by comparing the linguistic material of the written sources with the data of the Standard Udmurt language and its dialects.

Results and Discussion. During the study, three main features were identified in the case indicators of monuments: a) formation of accusative plural forms in the simple declension in all sources with the help of the marker **-ЫЗЬ**; b) use of the forms with the initial **и** in the first books instead of **Ы**-forms in Standard Udmurt in the instrumental, inessive, elative and prolativ cases; c) the presence of the marker **-ЭНЬ** in the text of the New Testament in the Sarapul dialect, alongside with the common suffix **-ЫНЬ**, which serves as the means for building nominal plural forms in the instrumental case. In addition, the manuscripts in the Glazov dialect demonstrate forms of secondary local cases, as well as instances of using egressive forms in the function of elative.

Conclusion. Analysis of the case markers in the first Udmurt New Testament demonstrated special features of different nature, which can be explained by orthography as well as dialectal features of the studied sources.

Keywords: Udmurt language, written monuments, case system, morphological indicators, Udmurt dialects

Acknowledgments: This work was supported by the grant of the President of the Russian Federation No. MK-1631.2022.2

For citation: Bezenova MP. Special features of case marking forms in the first printed New Testament in the Udmurt language. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2022;14;4:392–401. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.392-401.

REFERENCES

1. Batalova RM. Komi-Permyak dialectology. Moscow; 1975. (In Russ.)
2. Bezenova MP. The peculiarities of the translation of “God’s law” (1912) into Udmurt: nominal morphology. *Uralo-altaiskie issledovaniia = Ural-Altaic studies*. 2020;1:53–70. (In Russ.). DOI: 10.37892/2500-2902-2020-36-1-53-70.
3. Ivshin LM. Revisiting the question about the time of publication of the first books in the Udmurt language. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniï = Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2019;13;2:216–222. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2019-13-2-216-222.
4. Ivshin LM. Formation and development of Udmurt graphics and spelling in the XVIII – first half of the XIX century. Ekaterinburg; Izhevsk; 2010. (In Russ.)
5. Ivshin LM. Traditions of the Udmurt grammar of 1775 in the written monuments of the first half of the XIX century. *Evrasiiskoe mezhhkul’turnoe prostranstvo v istoricheskoi retrospektive: sb. st. = Eurasian intercultural space in historical retrospective*. Collection of articles. Izhevsk; 2013:419–423. (In Russ.)
6. Karakulov BI. History of the Udmurt literary language of the XVIII–XXI centuries. Izhevsk; 2006. (In Udm.; In Russ.)
7. Karakulov BI. The language of the Udmurt translation of the Gospels published in 1847. *Korennye etnosy severa Evropeiskoi chasti Rossii na poroge novogo tysiacheletia: Isto-*

- riia, sovremennost', perspektivy: materialy nauch. konf.* = Indigenous ethnic groups of the north of the European part of Russia on the threshold of a new millennium: History, modernity, prospects. Materials of a scientific conference. Syktyvkar; 2000: 467–469. (In Russ.)
8. Karpova LL. Dialects of the northern dialect of the Udmurt language: formation and current state. Monograph. Izhevsk; 2020. (In Russ.)
 9. Kel'makov VK. On the language and style of the early printed Gospel of Matthew in the “Sarapul dialect” of the Udmurt language I. *Permie, finnek, magyarok: Írások Szij Enikő 60. születésnapjára*. Budapest; 2004;14:537–546. (In Russ.)
 10. Kel'makov VK. On the “spelling” of the first-printed Gospel of Matthew in the “Sarapul dialect” of the Udmurt language. *Vestnik Udmurtskogo universiteta* = Bulletin of Udmurt University. 2007;5:17–24. (In Russ.)
 11. Kondrat'eva NV. The case category of a noun in the Udmurt language. Izhevsk; 2011. (In Russ.)
 12. Kondrat'eva NV. The formation of the case system in the Udmurt language. Izhevsk; 2011. (In Russ.)
 13. Liukina NM. Phonetic and morphological features of the language of Lekma and Yunda Besermians. Izhevsk; 2016. (In Russ.)
 14. Maksimov SA. Secondary spatial cases in the Udmurt language: the evolution of research and terminology, and the reasons for their formation. *Uralo-altaiskie issledovaniia* = Ural-Altai Studies. 2018;1:33–48. (In Russ.)
 15. Nekrasova GA. System of L-cases in the Perm languages: origin and semantics. Syktyvkar; 2002. (In Russ.)
 16. Tepliashina TI. About new Udmurt cases. *CIFU*. Turku; 1981;4:285–292. (In Russ.)
 17. Tepliashina TI. The language of the Besermians. Moscow; 1970. (In Russ.)
 18. Shutov AF. The first monuments of Udmurt writing: translated from the Church Slavonic and Russian gospels and the alphabet. *Iazyk i obshchestvo: materialy resp. nauch.-prakt. konf.* = Language and society. Materials of the republican scientific-practical conference. Izhevsk; 2004;1:6–7. (In Russ.)
 19. Shutov AF. Complex sentences in the Udmurt language: based on two Gospels. *Problemy udmurtskoi i finno-ugorskoi filologii: mezhevuz. sb. nauch. tr.* = Problems of Udmurt and Finno-Ugric philology. Interuniversity collection of scientific papers. Izhevsk; 1999:329–335. (In Russ.)
 20. Baker R. The Development of the Komi Case System: A Dialectological Investigation. Helsinki; 1985.
 21. Winkler E. Udmurt. München; 2001;212.

Submitted 15.02.2022; reviewing 23.06.2022; accepted 29.09.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. P. Bezenova – Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Udmurt Institute of History, Language and Literature, Udmurt Federal Research Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, Ivannikov Institute for System Programming of the Russian Academy of Sciences, mary_kaj@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0493-2193>

Мордовский поселок как место и сообщество исторической памяти: коллективные нарративы и репрезентации

Ольга Анатольевна Богатова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Анастасия Владимировна Митрофанова

*Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
Финансовый университет при Правительстве РФ,
Москва, Россия*

Светлана Владимировна Рязанова

*Пермский федеральный исследовательский центр
Уральского отделения РАН,
Пермь, Россия*

Введение. В статье обобщаются результаты исследования социальных практик и нарративов народной коммеморации жертв массовых политических репрессий в п. Круглом Zubovo-Полянского района Республики Мордовия, основанном в качестве постоянного поселения в период коллективизации.

Материалы и методы. Теоретической базой исследования послужили социальные теории «мест памяти» и коллективных травм. Методика сбора эмпирических данных соответствовала дизайну кейс-стади, включая наблюдение, глубинные интервью и анализ содержания публикаций в средствах массовой информации. Данные анализировались методами насыщенного этнографического описания и нарративного дискурс-анализа.

Результаты исследования и их обсуждение. В статье описываются социальный контекст локальной коммеморации, выявляются основные этапы и практики создания «места памяти» в поселке в виде сооружения самодельного памятника из мореного дуба с мемориальной табличкой и его последующей медиатизации. Анализируются местные дискурсы и нарративы социальной памяти и материальные аспекты коммеморации, идентифицируются региональные, российские и международные мнемонические акторы, выступающие в качестве агентов процесса культурной травмы. Выявляется и интерпретируется содержание конкурирующих нарративов виктимизации и девиктимизации местного сообщества.

Заключение. На основе данных полевого исследования деконструируются медийные нарративы истории поселка, выявляются две различные модели ее описания, делается вывод об их обусловленности различными моделями коммеморации социальной травмы – «терапевтической», сфокусированной на аспектах лишений и утраты групповой идентичности, и «макроисторической», базирующейся на интерпретации травмы как аспекта социальных трансформаций, процесс которых содержит предпосылки для ее «проработки».

Ключевые слова: «место памяти», историческая память, социальная травма, культурная травма, насыщенное описание, социальная память, коммеморация, «сообщество памяти»

Для цитирования: Богатова О. А., Митрофанова А. В., Рязанова С. В. Мордовский поселок как место и сообщество исторической памяти: коллективные нарративы и репрезентации // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 402–417. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.402-417.

Введение

Предмет исследования составляют социальные практики и нарративы коммеморации жертв массовых политических репрессий в Республике Мордовия на примере народного мемориала в п. Круглом. Главный тезис, который авторы обосновывают

в данной статье, заключается в вариативности нарративов и интерпретаций событий, ставших объектом коммеморации, транслируемых как местными спикерами, так и массмедийными мнемоническими акторами за пределами местного сообщества.

В исследовании ставилась цель установления смыслов публичной коммеморации жертв массовых политических репрессий посредством «насыщенного описания» связанных с ней объектов, нарративов и практик. К числу задач относились характеристика социального контекста коммеморации, включая важнейшие события истории поселка, основанного раскулаченными крестьянами в период коллективизации, выявление заинтересованных локальных, российских и международных мнемонических акторов и их мотивов, реконструкция местных нарративов социальной памяти, описание культурных репрезентаций и материальных аспектов коммеморации.

Объектом исследования был избран поселок в Zubovo-Полянском районе Мордовии, основанный в качестве постоянного поселения крестьянами из соседнего села Журавкино на рубеже 1920–1930-х гг. и благодаря средствам массовой информации получивший широкую известность в качестве «места памяти» и «сообщества памяти». Последнее в настоящее время включает как немногих постоянных жителей, так и уроженцев поселка, проживающих в других регионах, и их потомков.

Обзор литературы

Актуальность темы статьи обусловлена возросшим интересом российского научного сообщества к проблемам коллективной памяти. Современные исследования социальной памяти (*memory studies*) носят междисциплинарный характер, так как, по определению А. И. Завадского, их предметом является не столько само прошлое, сколько отношение к нему индивидов и групп в настоящее время [4, 337]. Парадигмальная для *memory studies* социологическая концепция М. Хальбвакса исходит из тезиса о существовании «рамок коллективной памяти, на которые опирается память индивидуальная» [12, 327]. При этом данные рамки характеризуются как совокупность коллективных представлений, идей, писанных и неписанных правил и оценок, при помощи которых общество или группа интерпретирует исторические события, определяя их

значимость для своих членов, а также необходимость их запоминания или забвения, формируя социально одобряемые схемы исторического повествования, нарративы истории сообщества как «социокультурные инструменты коллективной памяти» [10, 77].

Впоследствии указанная концепция была дополнена французским историком П. Нора, обосновавшим значимость для конструирования коллективных воспоминаний социально признанных «мест памяти» – институтов и объектов, служащих для хранения и трансляции информации о прошлом, включая монументы, книги по истории, музеи, архивы и т. д., и являющихся «инструментами памяти в истории» [8, 43]. Вклад в развитие исследований социальной памяти внесли также концепции социальной травмы и «контрпамяти», под которой понимается «память оппозиционная, враждебная господствующей коллективной памяти, обладающая подрывным потенциалом» [6, 87; 18, 187]. Содержание «контрпамяти», по определению Я. Зерубавель, составляет «отличный от господствующей общей повествовательной конструкции нарратив, отражающий взгляды лиц, вытесненных на обочину общества» [6, 87].

Создание контрнарративов коллективной памяти связано с конструированием культурной травмы, которую Р. Айерман определяет как дискурс манифестации коллективного страдания через его публичную артикуляцию и репрезентацию, опосредовано факторами признания и «борьбы за смысл» [22, 679–680]. Данное событие отождествляется с социальным кризисом или «травматизирующим инцидентом», если оно пагубно повлияло на коллективную идентичность пострадавшей группы [1, 17] или необратимым образом изменило ее [1, 6]. При этом конструирование культурной травмы зависит от наличия у травмированной группы ресурсов для ее осознания и социально приемлемого описания, вследствие чего инициируется через определенный временной интервал после травматизирующих событий, а при отсутствии необходимых ресурсов или групповых

установок может не осуществиться вообще [9, 61; 22, 680].

Исследователи различают травмирующие события, послужившие источником страданий, и коллективную травму как феномен, опосредованный социальной памятью и дискурсом. При этом коллективная травма (социальная или культурная), в отличие от индивидуальной психологической травмы, рассматривается как социальный конструкт, включающий описание и интерпретацию травмирующего события в общественном мнении и его репрезентации в культуре сообщества [7; 21]. Например, П. Штомпка определяет «травму социальных изменений» как непосредственную реакцию коллективного сознания на радикальные социальные изменения, характеризующую интересубъективным «производством значений» – слухов, мифов и иных коллективных нарративов, которое, по его мнению, отличает коллективную травму от индивидуальной [20, 160]. Культурная травма способствует формированию «мнемонических сообществ», которые создают собственные «места памяти» и нарративы, трансформирующие травму и заново связывающие прошлое и будущее [21, 548; 23, 302; 26, 112].

Актуальность исследований социальной памяти и коллективных травм обусловливается глобальной тенденцией к «реполитизации истории», появлению социального запроса на конструирование образов «практического прошлого» (usable past) и актуальной мемориальной культуры на основе коммуникативной, коллективной и культурной (медиатизированной) исторической памяти [2, 215–216]. Как отмечает Б. Бевернаж, от историков в современном мире ожидают участия в «проработке» социальных травм в форме экспертизы и формирования нарративов прошлого, которые способствовали бы общественному согласию [15; 17, 232]. С другой точки зрения, современное историческое знание испытывает влияние неакадемических режимов производства знания о прошлом, характерных для институтов политического урегулирования конфликтов и «переходного правосудия» [16].

В связи с этим значимым направлением memory studies является исследование памяти самих травмированных групп, а также деятельности различных мнемонических акторов, которые занимаются меморизацией групповой истории, создавая репрезентации, нарративы и «места памяти», способствующие «проработке» коллективной травмы посредством ее историзации. Данным проблемам посвящены труды Н. Акагавы, П. Гободо-Мадикизелы, Дж. Олика, К. Симко, А. Эррл и других исследователей [9; 11, 7; 21; 23; 26; 28; 29]. В частности, изучением увековечивания памяти жертв массовых политических репрессий на постсоветском пространстве и в бывших социалистических странах занимаются З. Богумил, Д. Колева, И. Нарский, Д. О. Хлевнюк, Г. Б. Юдин и др. [14; 18; 19; 24; 25; 27].

К числу актуальных проблем исследований социальной травмы относятся дискуссионные аспекты социальной «проработки» травматического прошлого, с одной стороны, предвосхищенные выводами М. Хальбвакса о динамике коллективной памяти как постоянной «реконструкции» прошлого путем «переработки» коллективных воспоминаний с целью устранения «всего, что могло бы разделять индивидов, отдалять друг от друга группы» [12, 337], а с другой – основанные на аналогии между индивидуальным посттравматическим расстройством и коллективной травмой, нуждающейся в терапии [29], чтобы «восстановить коллективное психологическое здоровье, устранив социальное вытеснение и вернув память... посредством публичных действий» и культурных репрезентаций травмы [1, 14].

В предметном поле современных российских исследований социальной памяти именно с обсуждением коллективной травмы сталинских репрессий связана актуализация проблемы «контрпамяти». При этом некоторые авторы определяют «вторую память» как «память о тех судьбах, которые не ложатся в нарратив государства-триумфатора, – о национальных меньшинствах, о жертвах репрессий и гражданских конфликтов» [14, 29], в рамках обобщенной оппозиции государства

Результаты исследования и их обсуждение

и гражданского общества. Ряд исследователей, критикуя характерную для этой концепции предпосылку о гражданском обществе как гомогенном мнемоническом субъекте, подчеркивают множественность и партикуляризм негосударственных групповых нарративов коллективной памяти [13, 34–35].

Материалы и методы

Методологической базой исследования послужили теории «мест памяти» и культурной травмы как социального конструкта, формируемого заинтересованными мнемоническими акторами в процессе публичного социально санкционированного определения от имени травмированного сообщества природы травмы, ее причин и способов устранения, обязательного распределения ролей жертв, виновников и спикеров травмы [1, 22–23]. Методика сбора эмпирических данных соответствовала дизайну кейс-стади, включая наблюдение, глубинные интервью и анализ содержания публикаций в средствах массовой информации. Данные анализировались методами насыщенного этнографического описания на основе интерпретации нарративов социальных субъектов, в которых они, в свою очередь, интерпретируют собственный опыт [5, 182], а также нарративного дискурс-анализа, базирующегося на принципах интертекстуальности и социального структурирования медийных дискурсов [3, 28, 199].

Источником эмпирических данных послужило полевое наблюдение, предпринятое авторами в ходе экспедиции в Круглый в июле 2021 г. Поселок находится на расстоянии 28 км от районного центра – р. п. Зубова Поляна и в настоящее время входит в Дубительское сельское поселение. Во время Всероссийской переписи населения 2010 г. постоянное население поселка состояло из 7 чел., к моменту исследования оно уменьшилось. Еще несколько семей проживают там летом.

Особенностью Круглого является его относительно труднодоступное местоположение. От других населенных пунктов он отделен лесным массивом и рекой Вад, в период его основания глубокой и полноводной. Эта живописная местность удобна для пчеловодства, охоты, отдыха и экологического туризма. Местонахождение поселка, впоследствии получившего официальный статус и название, заменившее народное «Дикий поселок», не было тайной для представителей советской власти, однако затрудняло контроль над его жителями и позволяло им легально заниматься несельскохозяйственной деятельностью.

Выбор объекта исследования объяснял его медийной популярностью в печатных и электронных СМИ, начиная с первой половины 2000-х гг. и по настоящее время¹.

Основное содержание медийного нарратива сводится к тому, что в память об основателях поселка – раскулаченных в период коллективизации крестьянах – жители установили памятник жертвам массовых политических репрессий, соорудив его из поднятого со дна Вада ствола мореного дуба, перевернутого вверх корнями: «Руководил установкой памятника племянник местного дезертира по кличке Глаз, который давно живет в Москве и считается авторитетом в бандитских кругах. ...Общими силами восьмиметровое дерево вытащили из воды. Потом мужики вырыли глубокую яму, куда и вкопали ствол, а корневище направили вверх, к небу»². Этот памятник символизирует трагедию российского крестьянства, вырванного из традиционного образа жизни.

В 2003 г. представительница второго поколения жителей поселка Валентина Фокина, ко времени экспедиции уже скончавшаяся, рассказывала корреспонденту

¹ См., например: Деревня дезертиров // Известия. 2003. 4 нояб. URL: <https://iz.ru/news/283460> (дата обращения: 08.08.2022); Карпов В. Дикая деревня // Труд. 2004. 22 июля. URL: https://www.trud.ru/article/22-07-2004/74729_dikaja_derevnya.html (дата обращения: 08.08.2022); Косова Е. Дикий бунт: деревня, в которой прятались от советской власти // РИА Новости. 08.11.2012. URL: <https://ria.ru/20121108/910074652.html> (дата обращения: 08.08.2022).

² Деревня дезертиров. URL: <https://iz.ru/news/283460> (дата обращения: 08.08.2022).

Рисунок. Памятник в п. Круглом (личный архив авторов)

Figure. Monument in the Krugly village (authors' personal archive)

«Известий», что памятник стал центром стихийной коммеморации жертв массовых репрессий: «...все наши дети да внуки приезжают. Человек сто в июле собирается на землю родную. Это традиция такая. Кто из Питера, кто из Москвы, кто из Бугульмы, из Владимира много тоже. У дуба мореного всю ночь костры горят. Сидим да поминаем наших родителей». Представители местной власти в Zubovo-Polyanskom районе, по словам журналиста, негативно оценивали такие практики и пытались уничтожить памятник в «андроповские» времена, а в постсоветский период отзывались о жителях поселка с предубеждением: «...и предки у них звери, и потомки – бандиты»³.

Участники экспедиции обратились к местному жителю с просьбой рассказать об истории поселка и памятнике. Он согласился, представившись зятем одного из основателей поселения. По словам информанта, поселок возник на месте дореволюционного лесного кордона по инициативе Ивана Зверева, работавшего на Московско-Самарской железной дороге, одна из станций которой находится в Zubovoy

Поляне. Зверев накопил значительное по местным стандартам состояние во время Первой мировой войны и перебрался в лес, стремясь его сохранить:

– Он для железнодорожного начальства менял бумажные деньги на золотые червонцы. Они мудрые же были, они почувствовали, что надо делать ноги отсюда. ...Тут вот со стороны поля одни болота были. Их в 1970-х годах осушили.

Зверев и еще несколько семей основали поселение. Формально его жителям пришлось вступить в колхоз, но основными источниками средств к существованию для них служили пчеловодство и неформальные услуги по организации отдыха в лесу советским руководителям и деятелям культуры.

Отношения с советской властью у жителей поселка и соседних поселений носили мирный характер («...никаких конфликтов не было. Нормальные люди везде жили»). Однако ситуация изменилась во время войны, когда в окрестных лесах стали скрываться преступные группировки, состоявшие из уроженцев других сел, членов которых удалось арестовать в 1947 г.:

³ Деревня дезертиров. URL: <https://iz.ru/news/283460> (дата обращения: 08.08.2022).

– Ну, был знаменитый Фура, который тоже во время войны здесь... Мордополянский дезертир был, бандитничал тут до 1947 года. Да, Фура, чуть подальше Панкратов и братья Ждакаевы были.

Позднее участница экспедиции из числа уроженцев Zubovo-Полянского района рассказала, что в поимке членов банды Фуры принимал участие ее дед, происходивший из семьи раскулаченных и работавший лесником.

В последующие десятилетия жители поселка полностью интегрировались в советское общество, большая их часть переехала в другие регионы или другие населенные пункты района.

Упомянутый в публикациях федеральных СМИ памятник из ствола мореного дуба располагается между домами и берегом реки и представляет собой перевернутый вверх корнями и вкопанный в землю дубовый пень высотой примерно один метр. На стороне пня, противоположной берегу и обращенной к въезду в село, прикреплен болтами табличка из нержавеющей стали с надписью «Репрессированным родителям – благодарные потомки». На корневой части пня установлен макет станкового пулемета со щитком (рисунок). На момент экспедиции следы кострищ на поляне отсутствовали. Респондент не упомянул каких-либо собраний и символических акций возле памятника с участием жителей поселка или их детей и внуков, которые сменили место жительства и приезжают в поселок на отдых. Металлический макет пулемета, по его словам, представляет собой игрушку, сделанную местным умельцем в начале 2010-х гг. и подаренную односельчанину:

– Он стоял у моего шурина дома во дворе. Мой шурин потом сюда его привез. Надел он во дворе ему.

По поводу памятника респондент сообщил, что ствол мореного дуба местные жители решили вытащить со дна реки в 1988 г. и продать в качестве ценной древесины. Перед продажей они отпилили прикорневую часть дерева, оставив ее на поляне в перевернутом виде в качестве декоративного элемента. Идея прикрепить к пню табличку в память о репрессиро-

ванных и таким образом превратить его в памятник возникла через несколько лет у уроженца поселка, проживавшего в соседнем поселке Дубитель. Впоследствии памятник получил известность, в том числе международную, благодаря местному журналисту Е. Е. Резепову:

– Тут у моего младшего шурина в 1988 году, по-моему, собрались тут молодые мужики, парни, начали нырять. Глубина метров пять была в то время. Нашли дуб, решили достать. Веревку привязали, дёргали. Никак не получается. Машину пригнали и вытащили этот дуб. Ну что теперь с ним делать? Отпилили корни. Что делать? Давай посадим ветку для красоты. Посадили. И через два-три года Фокин Владимир Иванович, дубительский ваш, придумал, что это памятник и табличку повесил. Резепов начал сюда ездить, со всех каналов телевидения начали сюда ездить, центральные московские каналы, все по-своему писали. Ну, это было давно. Сейчас уже перестали ездить, перестали писать. Надело уже. Вы тоже можете что-то написать. И вот потом это оказалось памятником. А репрессированных тут практически не было.

В рассказе обращают на себя внимание, во-первых, стремление дистанцироваться от медийных нарративов как не заслуживающих доверия («все по-своему писали») в аспекте отнесения раскулаченных к категории жертв политических репрессий; во-вторых, попытка представить превращение дуба в мемориальный объект в качестве личной инициативы В. И. Фокина; в-третьих, датировка памятника периодом перестройки. В опубликованном РИА Новости интервью В. И. Фокина, который проживал в Дубителе и от общения с участниками экспедиции отказался, упоминаются «доперестроечные» годы, а в «Известиях» – «времена андроповского правления»: «И хотя само существование “позорного” поселка районные чиновники тщательно скрывали, прослышав про дуб... пригнали из Zubовой Поляны автокран, чтобы выкорчевать памятник. Но дикинцы настолько глубоко и сильно утрамбовали свой дуб, что машина так и не смогла вытянуть его из земли. Чтобы

чиновники больше не домогались, потому что дезертиров заказали в столице стальную табличку с гравировкой...»⁴.

В свою очередь, Е. Е. Резепов, который положил начало медиатизации темы «Дикого поселка», опубликовав несколько очерков о нем в конце 1990-х гг. в региональной газете «Столица С», в беседе с авторами статьи утверждал, что вообще не рассматривал этот случай как историю выживания жертв массовых политических репрессий или иллюстрацию трагедии крестьянства в условиях коллективизации. Лесной «робинзонадой» он заинтересовался, работая над сюжетом о семье «отшельника», проживавшего по соседству. Как полагал эксперт, люди, переселившиеся из села «в лес», искали, с одной стороны, более высокого заработка по сравнению с колхозом, а с другой – «самостоятельной, вольной жизни» на природе, однако он отказывался считать их выбор вынужденным или видеть в нем какой-либо социальный протест:

– Воспринимать это как местечко, куда сбегали, прячась от коллективизации, – это неправильно. Тут у них выгода была, желание покурлесить, ещё что-то... Туда же зачем до самого последнего времени ездили и продолжают ехать? Вволю пострелять, вволю ещё что-то сделать, где тебя не поймают. На самом деле всё не то что прозаичнее, всё ещё интереснее.

По мнению Е. Е. Резепова, составившемуся из бесед с одним из основателей и неформальным лидером поселения И. Г. Фокиным, отцом В. И. Фокина, а также из архивных документов и интервью с сотрудниками правоохранительных органов, репутация «поселка дезертиров и браконьеров», сложившаяся у Круглого в Зубово-Полянском районе благодаря отзывам жителей соседних сел и, впоследствии, публикациям в традиционных и «новых» медиа, была оправдана лишь отчасти.

Главным источником средств к существованию для «дикинцев», по словам эксперта, являлись легальные лесные про-

мыслы, продукты которых – мед, пушнину (мех куницы и барсука), мореный дуб из Вада, древесное корье для завода дубильных экстрактов – они сдавали в колхоз или государственным заготовителям, однако частично могли сбывать нелегально. При этом патриархальный семейный уклад позволял перекладывать основные тяготы натурального хозяйства на женщин, в то время как мужчины занимались охотой и рыбной ловлей, сплавом леса, организацией охотничьего досуга и отдыха «московских работников» (благодаря удачному расположению района в 400 км от Москвы) и торговлей. Поселок возник на месте охотничьей «дачи» – временного жилья в охотничьих угодьях уроженцев Журавкина.

Основные проблемные аспекты истории поселка, из-за которых Е. Е. Резепов не опубликовал большую часть собранных материалов, связаны с темами организованной преступности и дезертирства в Зубово-Полянском районе в 1930–1940-е гг. и причастности к ним «дикинцев». Эксперт говорил о «движении дезертиров», имея в виду массовость этого явления. Густой и относительно отдаленный от райцентра лесной массив привлекал «авантюристов», а в годы Великой Отечественной войны дезертиров из соседних поселений – п. Крутец, с. Мордовская Поляна и т. д., которые скрывались здесь поодиночке или собирались в банды, грабившие и убивавшие местное население. Самую известную в районе в годы войны и вскоре после нее «банду Фуры», которую упомянул и житель поселка в интервью в ходе нашей экспедиции, возглавляли уроженцы Мордовской Поляны, которые убивали представителей власти из мести.

Часть жителей «Дикого поселка», по словам эксперта, сама страдала от грабежей, другая же часть поддерживала дезертиров и бандитов вынужденно или из-за родственных связей. При этом большинство мужчин призывного возраста из поселка в годы войны находились на фронте, в том числе основатель И. Г. Фокин, который воевал, попал в плен, а после

⁴ Деревня дезертиров. URL: <https://iz.ru/news/283460> (дата обращения: 08.08.2022).

освобождения и фильтрационного лагеря вернулся домой. Как вспоминал его сын в беседе с журналистом, поскольку отец числился пропавшим без вести, власти оказывали давление на их семью, подозревая, что он тоже дезертировал и скрывается поблизости. Тем не менее Е. Е. Резепов в целом охарактеризовал патриарха «Дикого поселка» как законопослушного человека и успешного предпринимателя, который «жил весьма благополучно и находился в весьма дружеских отношениях с местной властью, они его почитали».

Рассказ о сборе информации в ходе интервью с жителями «Дикого поселка» в 1996–1998 гг., публикациях на ее основе, их дальнейшем обсуждении и интерпретации в средствах массовой информации эксперт завершил выводом о невозможности представить детальное объективное описание истории поселка. Причины этого – множественность интерпретаций, исходивших от жителей, включая членов одной семьи, их склонность изменять отношение к описываемым событиям со временем или в качестве реакции на резонансные публикации, закрытость местного сообщества и осознанное манипулирование информацией со стороны его членов.

В качестве примера журналист привел отзыв французского режиссера Л. Товена, в течение ряда лет снимавшего в поселке на средства франко-российской некоммерческой организации документальный фильм «Мираж русской деревни» (2011). Режиссер представил французской и российской зрительским аудиториям разные версии фильма, так как считал информацию, полученную от местных жителей, неполной и неточной. Заметив, что информанты в процессе интервью переходили на мокша-мордовский язык, общаясь друг с другом, Л. Товен заказал перевод этих фрагментов транскрипта и пришел к выводу, что ему «морочили голову», преподнося сознательно искаженную версию семейных преданий, отличную от предназначенной «для своих».

Тем не менее основная причина разочарования Л. Товена в собственном фильме

заклучалась, по словам эксперта, в его неудачной первоначальной концепции – хроники гибели российской деревни, так как поселок не прекратил свое существование, а превратился в место отдыха для «москвичей» и других приезжих:

– Он хотел снять фильм, как последний житель покинет посёлок, как сядет в лодку, перекрестится, и всё. А вместо этого там стали покупать землю, строить коттеджи, и Люк был разочарован: у него не получилось снять фильм с трагическим финалом. Финал более жизненный. Дуб зеленеет.

Символом первоначального трагического замысла служил центральный образ картины – памятник репрессированным предкам в виде мореного дуба с вывернутыми из земли корнями, который оператор снимал снизу, камерой, установленной у его основания или в специальной яме. В роли ключевых информантов и спикеров коллективной травмы в фильме выступали В. И. Фокин, постоянно проживавший в Дубителе, и его тетка «баба Ньюра», со слов родителей рассказывавшая о том, как раскулаченные, у которых отобрали домашний скот и личные вещи, включая расшитые женские рубашки и платки, вынуждены были выживать в лесу. На этот же сюжет и с теми же информантами была опубликована затем статья агентства РИА Новости⁵.

Наряду с изменением функций поселения журналист также обратил внимание на трансформацию зафиксированного им коллективного нарратива – «устоявшегося разговора» жителей поселка о своем прошлом – в результате его медиатизации и осознания связанного с этим изменения границ публичного и приватного в семейных историях. Основным фактором трансформации, по мнению эксперта, послужила цифровая среда, в которой фрагменты данного нарратива стали интерпретироваться и использоваться разными медийными агентами и в различных целях.

Наиболее достоверными представляются датировка сооружения памятника 1988–1991 гг. и характеристика этого процесса как поэтапного, в котором придание

⁵ См.: Косова Е. Указ. соч. URL: <https://ria.ru/20121108/910074652.html> (дата обращения: 08.08.2022).

мемориального смысла отделяется по времени от установки пня как материально-го объекта в общественном пространстве. Напротив, версия журналистов о попытке властей уничтожить объект, не имеющий видимого символического значения, и отказе от нее после установки мемориальной таблички с надписью провокационного в тот период содержания не заслуживает доверия.

Размеры и форма дубового пня допускают различное его использование, в том числе утилитарное, например в качестве основания для столешницы, а внешний вид сам по себе не свидетельствует о мемориальном назначении объекта. Мемориальную функцию ему придает именно табличка, причисляющая раскулаченных крестьян к репрессированным, установка которой является актом публичной коммеморации, которая могла быть одобрена общественным мнением не раньше периода перестройки.

Характерно, что Е. Е. Резепов, считающий, что перевернутый дуб был установлен на поляне во время гулянки «для потехи», никогда не придавал этому мемориальному объекту того доминирующего с точки зрения социальной идентичности поселка значения, которое он получил в нарративе печатных и электронных медиа 2000-х гг. Эксперт подтвердил информацию респондента о том, что мемориальную табличку заказал и прикрепил к дубу В. И. Фокин вместе со своим другом по личной инициативе, а не по поручению жителей поселка, воспринимавших его действия без особых эмоций.

С точки зрения журналиста, популяризация нарратива о народном мемориале связана с деятельностью С. Оленина – жителя райцентра, создавшего любительский краеведческий сайт «Зубова Поляна»⁶. Пользуясь возможностями «новых медиа», С. Оленин стал размещать на нем собственные компиляции различных материалов, включая фрагменты очерков Е. Е. Резепова, без указания на источники, комментируя и интерпретируя их по своему усмотрению. Благодаря этому сайту

⁶См.: Зубова Поляна: ист.-этногр. сайт. URL: www.zubova-poliana.narod.ru.

тема «Дикого поселка» привлекла внимание российских журналистов за пределами Мордовии, которые стали авторами новых текстов о «деревне дезертиров» и коммеморации в ней жертв массовых политических репрессий.

Как видим, основным инициатором процесса культурной травмы репрессий в «Диком» и ее спикером стал местный уроженец, сын основателя поселка В. И. Фокин, однако ее медиатизация в целом оказалась связана с востребованностью этой темы федеральными СМИ. По утверждению эксперта, В. И. Фокин к жертвам репрессий относил своего отца, подвергнутого проверке в фильтрационном лагере после освобождения из плена, и других членов семьи, а также некоторых соседей, по его мнению, незаконно арестованных, однако данные об их реабилитации не приводил.

В данном случае заслуживают внимания обстоятельства конструирования культурной травмы массовых репрессий и возможные факторы ее определения ключевыми спикерами – В. И. Фокиным и его родственницей. Как уже отмечалось, отец и другие мужчины из числа старшего поколения «дикинцев» производили на эксперта впечатление людей, довольных своим образом жизни, в то время как жизнь женщин, выполнявших основную работу по хозяйству, была гораздо тяжелее.

Можно не сомневаться в вынужденном характере смены занятий и места жительства основателей поселка. В результате коллективизации они не могли больше заниматься в родном селе ни традиционным сельским хозяйством, совмещенным с лесными промыслами, ни предпринимательской деятельностью, освоенной в период НЭПа, который И. Г. Фокин, по словам эксперта, считал лучшим временем своей жизни. Эта стратегия отвечала универсальной для истории крестьянства установке на «неподвластность» – минимизацию обязательств по отношению к государству. В то же время она представляла собой не попытку скрыться от советской власти или вступить в конфронтацию с ней, а форму аккомодации, предполагавшей партнерство, хотя и зависимое, и

обеспечивала относительно свободное и материально обеспеченное существование в новых условиях.

Такую стратегию следует рассматривать в качестве одной из форм социальной адаптации семей раскулаченных крестьян, часто выбиравших несельскохозяйственные занятия. В Zubovo-Polyanskом районе кроме индивидуальных лесных промыслов это чаще всего была официальная занятость на лесозаготовках, в лесничествах, на железной дороге или многочисленных промышленных предприятиях по переработке сырья, создававшихся в советский период вместе с поселками городского типа. Упадок данных отраслей промышленности в период экономических реформ 1990-х гг. снова резко изменил образ жизни местного населения и запомнился в качестве одного из аспектов «постсоветской травмы».

Указанные события не могли не затронуть В. И. Фокина, который на момент извлечения со дна реки дуба, получившего впоследствии известность благодаря ему, сделал свой выбор относительно места жительства и работы в пользу соседнего относительно благоустроенного поселка городского типа Дубитель. Градообразующим предприятием здесь был завод по производству дубильных экстрактов, уже в период перестройки оказавшийся на грани закрытия и впоследствии обанкротившийся. Именно осознание отсутствия перспектив и у Дубителя, и у советского проекта в целом могло способствовать переосмыслению и ретравматизации событий, связанных с основанием их поселка среди потомков «дикинцев», включая публичное выражение скорби по жертвам советских репрессий, в которых они увидели причину последующих исторических травм.

Отдельного внимания заслуживает медиатизация, придавшая всероссийскую, а затем мировую известность памятованию жертв массовых репрессий в Круглом. Журналисты наряду с инициаторами установки мемориальной таблички могут рассматриваться в качестве мнемонических

акторов и соавторов нарратива, связанного с этой коммеморацией, по меньшей мере по двум причинам: именно СМИ транслировали его в качестве единодушного послания уроженцев поселка, игнорируя альтернативные интерпретации, и придали ему обобщенный смысл символа судьбы российского крестьянства.

Как следует из данных наблюдения, в процессе конструирования культурной травмы участвовали не все жители поселка: респондент подавал коммеморацию как личную инициативу одного из его уроженцев и отметил, что ему надоело внимание журналистов к памятнику. Газетные публикации начала 2000-х гг. также показывали различное отношение к политике советской власти среди пятнадцати на тот момент постоянных жителей поселка, среди которых в советский период были члены КПСС. Один из них на прямой вопрос корреспондента «Труда» ответил, что если бы он жил в период коллективизации, то вступил бы в колхоз «и всё бы отдал»⁷.

Таким образом, в рассматриваемом случае местное сообщество является источником не гомогенной «второй памяти», а, как минимум, двух различных коллективных нарративов, медиатизированных со ссылками на представителей разных поколений одной и той же семьи. Основные разногласия между ними заключаются в наличии или отсутствии (само)идентификации жертвы массовых политических репрессий, а также дистанцирования от организованной преступности 1930–1940-х гг.

Первый нарратив, изложенный в начале XXI в. журналистам российских изданий и французскому режиссеру Л. Товену уроженцем поселка В. И. Фокиным, одним из двух инициаторов превращения дубового пня в мемориальный объект, и поддержанный его родственницей, характеризуется виктимизацией местного сообщества в качестве жертвы коллективизации, раскулачивания и незаконных уголовных преследований и частичной романтизацией девиантных практик как «социального бандитизма» в форме сравнения главаря

⁷ Карпов В. Указ. соч. URL: https://www.trud.ru/article/22-07-2004/74729_dikaja_derevnja.html (дата обращения: 08.08.2022).

банды Фуры с Робин Гудом. Детали этого рассказа изменяются со временем. Так, основной спикер В. И. Фокин вначале рассказывал Е. Е. Резепову, как и другим журналистам, что районные власти пытались демонтировать памятник репрессированным при помощи подъемного крана, а в интервью РИА Новости 2012 г. утверждал, что они лишь угрожали «трактор подогнуть и выдернуть»⁸. Действительно, транспортировка подъемного крана по грунтовым дорогам и лесной тропе вряд ли возможна.

В публикациях федеральных СМИ 2000-х гг. данный нарратив трансформируется в описание истории «непризнанного» поселка как непрерывного конфликта с властями, стремившимися если не ликвидировать, то скрыть его существование, а романтизация делинквентных практик граничит с их оправданием в качестве своего рода социального протеста. Так, корреспонденту газеты «Известия» местная жительница в качестве спикера коллективной травмы говорила: «Фура все по лесам прятался. Да, было дело, разбойничал в чащах. Но нападало на богатых, тех, кто только прикрывался высокими чинами. Они сами людей обирали, добро делили, а мужей да отцов наших стреляли как дезертиров. Как-то засаду в лесу милиция устроила, 15 наших мужиков положила»⁹. В статье РИА Новости значительную часть текста составляет описание в качестве исторического фона убийств представителей советской власти в ходе крестьянских восстаний в Мордовии во время коллективизации, хотя основатели поселка в этих восстаниях не участвовали¹⁰.

По наблюдению эксперта, со временем образ «Дикого поселка» как маргинального «другого», сконструированный федеральными медиа, стал вызывать отторжение местного сообщества. Ознакомившись с последствиями процесса медиатизации истории поселка и убедившись, что они утратили над ним контроль, потомки «дикинцев», успешно обо-

сновавшиеся в Подмоскowie, Москве и других крупных городах, стали требовать опровержения или отзыва публикаций как порочащих репутацию их семей. Например, скандальную известность получила приведенная в статье «Известий» история дезертира, обнаруженного сотрудниками НКВД под «навозной кучей», – упомянутый в ней житель поселка впоследствии был отправлен на фронт, прошел всю войну и имел боевые награды.

Во втором нарративе, зафиксированном авторами в ходе экспедиции, в беседе с экспертом и его журналистских публикациях, статус «поселка репрессированных» отрицается, а образ жизни первого поколения жителей характеризуется как альтернативный в сравнении с большинством, но в целом не девиантный. При этом и респондент, и эксперт, утверждая, что в поселке «репрессированных практически не было» или было не больше, чем «в других поселках нашей страны в процентном отношении», очевидно, имели в виду жертв «массовых операций» НКВД 1937–1938 гг., исходя из принятой в советский период концепции, а не из Закона Российской Федерации от 18.10.1991 № 1761-1 «О реабилитации жертв политических репрессий», включившего в эту категорию раскулаченных крестьян.

Предположение, что первый нарратив предназначен для «своих», а второй – для посторонних, опровергается информацией эксперта, установившего доверительные отношения с основателем поселка И. Г. Фокиным, со слов которого, дезертиров поддерживала лишь часть его обитателей, остальные же были заинтересованы в «дружеских» отношениях с властями в качестве условия своей хозяйственной деятельности.

В очерках Е. Е. Резепова о поселке, отразивших спрос на криминальную тематику в конце XX в., тема трагической судьбы крестьянства присутствует постоянно. Однако она представлена одной-двумя фразами и составляет лишь часть фона для захватывающих сюжетов и неординарных

⁸ Карпов В. Указ. соч. URL: https://www.trud.ru/article/22-07-2004/74729_dikaja_derevnja.html (дата обращения: 08.08.2022).

⁹ Деревня дезертиров. URL: <https://iz.ru/news/283460> (дата обращения: 08.08.2022).

¹⁰ См.: Косова Е. Указ. соч. URL: <https://ria.ru/20121108/910074652.html> (дата обращения 08.08.2022).

судеб героев наряду с местными нравами и гендерными отношениями: «Поселок Дикий жил раздельно с государством. Почти в каждой семье был один или два дезертира, и все они потом с благодарностью относились к женщинам, которые поддерживали их в долгие годы скитаний по лесам. Только будучи сильно пьяными, они по-прежнему били их, но, памятуя о заслугах, старались не по лицу, а по животу или спине...»¹¹.

В целом можно заключить, что и в очерках, и в беседе с авторами эксперт описывает поселок и его окрестности как экзотический «Дикий Запад» Мордовии – место добровольно избранной «дикой, вольной жизни», где царили «нравы, как в вестерне»: «Это мы сейчас идем по замерзшему болоту, опасаясь только слишком тонкого льда или трещины, а раньше, лет 30–40 назад, можно было получить в спину заряд картечи. ... Болота были поделены между местными жителями, словно золотоносные участки...»¹².

Уроженцев поселка отличал особый «дикий» характер, включавший такие черты, как независимость, стойкость в трудной ситуации, сплоченность, предпримчивость.

Заключение

Таким образом, история памятника жертвам массовых политических репрессий в п. Круглом представляет собой пример социального конструирования культурной травмы и связанного с ней символического «места памяти» усилиями нескольких социальных агентов, основная роль в котором принадлежит представителям СМИ в качестве источника, транслятора и генерализатора смыслов культурной травмы.

В процессе конструирования памятника следует различать такие стадии, как создание материального объекта, придание ему социального смысла и функций «места памяти» посредством установки мемориальной таблички, медиатизация, расширившая этот смысл до общероссийского

символа. Первоначально мотивы жителей села, установивших пень мореного дуба на видном месте, не имели отношения к коммеморации репрессий. Однако позднее этот объект получил дополнительный мемориальный смысл и широкую известность по инициативе представителей нового поколения, покинувших поселок и воспринимавших жизнь в нем как травму «выживания» на основе изменившихся социальных предпочтений, новой информации и стандартов оценки, почерпнутых из перестроечной публицистики.

В настоящее время коммеморация жертв репрессий, связанная с памятником, носит в большей степени медийный, чем локальный характер. Благодаря традиционным и новым СМИ и кинодокументалистике масштаб восприятия памятника как символического объекта медийной аудиторией несравним с количеством жителей поселка и их потомков.

Наблюдение показало, что жители и уроженцы поселка не представляют собой группу с единым нарративом коллективной памяти и единым конвенциональным пониманием символического значения памятника. Придание необычному советскому прошлому поселка общественно-политического смысла является результатом медиатизации, при этом озвученные как средствами массовой информации, так и местными жителями в непосредственном общении идеи различны и изменяются по мере развития ситуации в России и регионе. Одновременно рассматриваемый случай демонстрирует пример медиатизации травмирующих событий прошлого в стилистике «вестерна», не связанной с процессом культурной травмы.

На уровне дискурса местных жителей также прослеживаются по крайней мере две разные модели нарративизации истории поселка, из которых определению культурной травмы как «дискурсивного процесса, обусловленного дихотомией между преступником и жертвой» в модальности обвинения соответствует

¹¹ Резепов Е. Е. Жена дезертира. URL: www.zubova-poliana.narod.ru/me-ocherk-jena-dezertira.htm (дата обращения: 08.08.2022).

¹² Резепов Е. Е. Отшельник // Русский мир. 2009. № 2. URL: <https://rusmir.media/2009/02/01/otshelnik> (дата обращения: 08.08.2022).

только одна. Примечательно, что эта виктимная модель отражает влияние широкого социально-исторического контекста, включая ситуацию в регионе и дискуссии о судьбе крестьянства в период перестройки. Одновременно жители поселка используют в своих рассказах о его прошлом альтернативную интерпретативную модель девиктимизации.

Обе мнемонические конструкции являются предметом выбора для членов

«сообщества памяти» и, с нашей точки зрения, соответствуют двум различным моделям «проработки» социальной травмы – «терапевтической», сфокусированной на аспектах лишений и утраты групповой идентичности, и «макроисторической», основанной на интерпретации травмы как аспекта социальных трансформаций, процесс которых содержит собственные предпосылки для ее «проработки».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18024344> (дата обращения: 08.08.2022).
2. Ассман А. Забвение истории – одержимость историей / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое лит. обозрение, 2019. 552 с.
3. Ван Дейк Т. А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Кн. дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
4. Всё в прошлом: Теория и практика публичной истории / под ред. А. Завадского, В. Дубиной. М.: Новое изд-во, 2021. 448 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47958255&selid=48315658> (дата обращения: 08.08.2022).
5. Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997. С. 171–200.
6. Зерубавель Я. Динамика коллективной памяти // *Ab Imperio*. 2004. № 3. С. 71–90. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17968300> (дата обращения: 08.08.2022).
7. Кобылин И. И., Николаи Ф. В. Переопределяя границы сообщества: культурная память, травма, биополитика // История и историческая память: межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 2014. Вып. 9. С. 90–103. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23794690> (дата обращения: 08.08.2022).
8. Нора П. Между памятью и историей: проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора и др. СПб., 1999. С. 17–50.
9. Рязанова С. В., Гободо-Мадикизела П. Травма как наследство: опыт восприятия верующих // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 3. С. 49–66. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-3-0-3.
10. Сафронова Ю. А. В плену нарративных шаблонов? // Историческая экспертиза. 2021. № 3. С. 76–80. DOI: 10.31754/2409-6105-2021-3-76-80.
11. Травма: пункты: сб. ст. / под ред. С. Ушакина и Е. Трубиной. М.: Новое лит. обозрение, 2009. 934 с.
12. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С. Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 346 с.
13. Эрлих С. Е. «Методологический национализм», «вторая память» и «цена прогресса» // Историческая экспертиза. 2017. № 3. С. 31–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32537171> (дата обращения: 08.08.2022).
14. Юдин Г. Б. Вопрос доклада и доклад как вопрос (вводная заметка) // Историческая экспертиза. 2017. № 3. С. 27–30. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32537170> (дата обращения: 08.08.2022).
15. Bevernage B. Cleaning up the mess of Empire? Evidence, time and memory in 'Historic Justice' cases concerning the former British Empire (2000–Present) // A dialogue between law and history. Proceedings of the Second International conference on facts and

- evidence. Singapore, 2021. P. 231–252. DOI: 10.1007/978-981-15-9685-8_13.
16. Bevernage B. Narrating pasts for peace? A critical analysis of some recent initiatives of historical reconciliation through ‘Historical Dialogue’ and ‘Shared History’ // *The ethos of history: time and responsibility*. New York; Oxford, 2018. P. 70–93. DOI: 10.2307/j.ctvw04kkp.8.
 17. Bevernage B., Wouters N. *The palgrave handbook of state-sponsored history after 1945*. London: Palgrave Macmillan, 2018. 877 p. DOI: 10.1057/978-1-349-95306-6.
 18. Bogumil Z. *Gulag memories: the rediscovery and commemoration of Russia's repressive past*. New York; Oxford: Berghahn Books, 2018. 238 p. DOI: 10.1515/9781785339288.
 19. Bogumil Z., Moran D., Harrowell E. Sacred or secular? ‘Memorial’, the Russian Orthodox Church, and the contested commemoration of Soviet repressions // *Europe-Asia Studies*. 2015. Vol. 67, no. 9. P. 1416–1444. DOI: 10.1080/09668136.2015.1085962.
 20. *Cultural trauma and collective identity* / J. C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N. J. Smelser, P. Sztompka. Berkeley: University of California Press, 2004. 314 p.
 21. Erll A. Travelling narratives in ecologies of trauma: an Odyssey for memory scholars // *Social Research: An International Quarterly*. 2020. Vol. 87, no. 3. P. 533–563. DOI: 10.1353/sor.2020.0053.
 22. Eyerman R. Cultural trauma and the transmission of traumatic experience // *Social Research: An International Quarterly*. 2020. Vol. 87, no. 3. P. 679–705. DOI: 10.1353/sor.2020.0058.
 23. Hubbell A. L., Akagawa N., Rojas-Lizana S., Pohlman A. *Places of traumatic memory: A global context*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 320 p. DOI: 10.1007/978-3-030-52056-4.
 24. Khlevnyuk D. “Silencing” or “Magnifying” memories? Stalin’s repressions and the 1990s in Russian museums // *Problems of Post-Communism*. 2021. P. 1–10. DOI: 10.1080/10758216.2021.1983443.
 25. Koleva D. *Memory archipelago of the Communist past. Public narratives and personal recollections*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 296 p. DOI: 10.1007/978-3-031-04658-2.
 26. Lewis S., Wawrzyniak J., Olick J., Pakier M. *Regions of memory. transnational formations*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022. 239 p. DOI: 10.1007/978-3-030-93705-8.
 27. Narsky I. *Family memory and private archives in the Soviet twentieth century* // *Annales. Histoire, Sciences Sociales – English edition*. 2013. Vol. 68, issue 2. P. 327–355. DOI: 10.1017/S239856820000025X.
 28. Simko C. Marking time in memorials and museums of terror: temporality and cultural trauma // *Sociological Theory*. 2020. Vol. 38, no. 1. P. 51–77. DOI: 10.1177/0735275120906430.
 29. Simko C., Olick J. K. Between trauma and tragedy // *Social Research: An International Quarterly*. 2020. Vol. 87, no. 3. P. 651–676. DOI: 10.1353/sor.2020.0057.

Поступила 09.07.2022; одобрена 18.08.2022; принята 29.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

О. А. Богатова – доктор социологических наук, профессор кафедры социологии и социальной работы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, bogatovaoa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5877-7910>

А. В. Митрофанова – доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник отдела исследования социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, профессор Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ, avmitrofanova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4123-0550>

С. В. Рязанова – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник отдела по исследованию политических институтов и процессов Пермского федерального исследовательского центра Уральского отделения РАН, svet-ryazanova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

A Mordovian settlement as a site and community of historical memory: collective narratives and representations

Olga A. Bogatova

*National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia*

Anastasia V. Mitrofanova

*Institute of Sociology, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences,
Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Svetlana V. Riazanova

*Perm Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences,
Perm, Russia*

Introduction. The article summarizes the results of a study of social practices and narratives of the commemoration of the victims of mass political repression in the village of Kruglyi (the Republic of Mordovia) that was established as a permanent settlement in the period of collectivization.

Materials and Methods. The theoretical framework of the study consists of social theories of “memory sites” and collective trauma. The method of collecting empirical data corresponded to case study, including observation, in-depth interviews and discourse analysis of media publications. The data were analyzed using the methods of thick ethnographic description and narrative discourse analysis.

Results and Discussion. The article reviews the social context of local commemoration; identifies the main stages and practices of creating a “place of memory” in the village of Kruglyi by constructing a self-made monument of stained oak with a memorial plaque, and its subsequent mediatization. The authors analyze local discourses and narratives of social memory and material aspects of commemoration; regional, identify national and international mnemonic actors, acting as agents of the process of cultural trauma. They reveal and interpret the content of competing narratives of victimization and devictimization of the local community.

Conclusion. Based on the data obtained in the course of fieldwork, the authors deconstruct media of the history of the village and identify two different models of its description. They conclude that these models are conditioned by various models of commemorating social trauma: one is “therapeutic”, focused more on deprivation and the loss of group identity; another one is “macrohistoric”, or in other words based on interpreting trauma as an aspect of social transformation seen as a process containing prerequisites for working the trauma out.

Keywords: “place of memory”, historical memory, social trauma, cultural trauma, thick description, social memory, commemoration, “community of memory”

For citation: Bogatova OA, Mitrofanova AV, Riazanova SV. A Mordovian settlement as a site and community of historical memory: collective narratives and representations. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;4:402–417. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.402-417.

REFERENCES

- Alexander JC. Cultural trauma and collective identity. *Sotsiologicheskii zhurnal* = Sociological Journal. 2012;3:6–40. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=18024344> (accessed 08.08.2022). (In Russ.)
- Assmann A. Oblivion of history – Obsession with history. Moscow; 2019. (In Russ.)
- Van Dijk TA. Discourse and Power. Moscow; 2013. (In Russ.)
- Zavadskii A, Dubina V, eds. Everything is in the past: The theory and practice of public history. Moscow; 2021. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47958255&selid=48315658> (accessed 08.08.2022). (In Russ.)
- Geertz C. Thick descriptions toward an interpretive theory of culture. *Antologiya issledovaniia kul'tury. T. 1. Interpretatsii kul'tury* = Anthology of Cultural Studies. Saint-Petersburg; 1997;1:171–200. (In Russ.)
- Zerubavel Ya. The dynamics of collective remembering. *Ab Imperio* = Ab Imperio. 2004;3:71–90. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=17968300> (accessed 08.08.2022). (In Russ.)
- Kobylin II, Nicolai FV. The redefining of the borders of community: cultural memory, trauma, biopolitics. *Istoriia i istoricheskaiia pamiat': mezhvuz. sb. nauch. tr.* = History and historical memory. In-

- teruniversity collection of scientific papers. Saratov; 2014;9:90–103. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23794690> (accessed 08.08.2022). (In Russ.)
8. Nora P. Between memory and history: the problems of places of memory. *Frantsiia-pamiat'* = France-memory. Saint-Petersburg; 1999:17–50. (In Russ.)
 9. Ryazanova SV, Gobodo-Madikizela P. Trauma as a heritage: the experience of believer's perception. *Nauchnyi rezul'tat. Sotsiologiya i upravlenie* = Research Result. Sociology and management. 2020;6;3:49–66. DOI: 10.18413/2408-9338-2020-6-3-0-3. (In Russ.)
 10. Safronova YuA. Trapped in the narrative templates? *Istoricheskaia ekspertiza* = Historical expertise. 2021;3:76–80. (In Russ.). DOI: 10.31754/2409-6105-2021-3-76-80.
 11. Ushakin S, Trubina E, eds. Trauma: Points. Collection of articles. Moscow; 2009. (In Russ.)
 12. Halbwachs M. On collective memory. Moscow; 2007. (In Russ.)
 13. Ehrlich SE. "Methodological nationalism", "The second memory" and "Price of the progress". *Istoricheskaia ekspertiza* = Historical expertise. 2017;3:31–48. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32537171> (accessed 08.08.2022). (In Russ.)
 14. Yudin GB. The question of the report and the report as a question (introductory note). *Istoricheskaia ekspertiza* = Historical expertise. 2017;3:27–30. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=32537170> (accessed 08.08.2022). (In Russ.)
 15. Bevernage B. Cleaning up the mess of Empire? Evidence, time and memory in 'Historic Justice' cases concerning the former British Empire (2000–Present). *A dialogue between law and history. Proceedings of the Second International conference on facts and evidence*. Singapore; 2021:231–252. DOI: 10.1007/978-981-15-9685-8_13.
 16. Bevernage B. Narrating pasts for peace? A critical analysis of some recent initiatives of historical reconciliation through 'Historical Dialogue' and 'Shared History'. *The ethos of history: time and responsibility*. New York; Oxford; 2018:70–93. DOI: 10.2307/j.ctvw04kkp.8.
 17. Bevernage B, Wouters N. The palgrave handbook of state-sponsored history after 1945. London; 2018. DOI: 10.1057/978-1-349-95306-6.
 18. Bogumil Z. Gulag memories: the rediscovery and commemoration of Russia's repressive past. New York; Oxford; 2018. DOI: 10.1515/9781785339288.
 19. Bogumil Z, Moran D, Harrowell E. Sacred or secular? 'Memorial', the Russian Orthodox Church, and the contested commemoration of Soviet repressions. *Europe-Asia Studies*. 2015;67;9:1416–1444. DOI: 10.1080/09668136.2015.1085962.
 20. Alexander JC, Eyerman R, Giesen B, Smelser NJ, Sztompka P. Cultural trauma and collective identity. Berkeley; 2004.
 21. Erll A. Travelling narratives in ecologies of trauma: an Odyssey for memory scholars. *Social Research: An International Quarterly*. 2020;87;3:533–563. DOI: 10.1353/sor.2020.0053.
 22. Eyerman R. Cultural trauma and the transmission of traumatic experience. *Social Research: An International Quarterly*. 2020;87;3:679–705. DOI: 10.1353/sor.2020.0058.
 23. Hubbell AL, Akagawa N, Rojas-Lizana S, Pohlman A. Places of traumatic memory: A global context. Cham; 2022. DOI: 10.1007/978-3-030-52056-4.
 24. Khlevnyuk D. "Silencing" or "Magnifying" memories? Stalin's repressions and the 1990s in Russian museums. *Problems of Post-Communism*. 2021:1–10. DOI: 10.1080/10758216.2021.1983443.
 25. Koleva D. Memory archipelago of the Communist past. Public narratives and personal recollections. Cham; 2022. DOI: 10.1007/978-3-031-04658-2.
 26. Lewis S, Wawrzyniak J, Olick J, Pakier M. Regions of memory. transnational formations. Cham; 2022. DOI: 10.1007/978-3-030-93705-8.
 27. Narsky I. Family memory and private archives in the Soviet twentieth century. *Annales. Histoire, Sciences Sociales – English edition*. 2013;68;2:327–355. DOI: 10.1017/S239856820000025X.
 28. Simko C. Marking time in memorials and museums of terror: temporality and cultural trauma. *Sociological Theory*. 2020;38;1:51–77. DOI: 10.1177/0735275120906430.
 29. Simko C, Olick JK. Between trauma and tragedy. *Social Research: An International Quarterly*. 2020;87;3:651–676. DOI: 10.1353/sor.2020.0057.

Submitted 09.07.2022; reviewing 18.08.2022; accepted 29.09.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

O. A. Bogatova – Doctor of Sociology, Professor, Department of Sociology and Social Work, National Research Mordovia State University, bogatovaoa@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5877-7910>

A. V. Mitrofanova – Doctor of Political Science, Professor, Leading Researcher, Department of the Research of Socio-Political Relations, Institute of Sociology, Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology, the Russian Academy of Sciences, Department of Political Science, Financial University under the Government of the Russian Federation, avmitrofanova@fa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4123-0550>

S. V. Riazanova – Doctor of Philosophy, Leading Researcher, Department for the Study of Political Institutions and Processes, Perm Federal Research Center, Ural Branch of Russian Academy of Sciences, svet-ryazanova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5387-9387>

Профилактика безнадзорности и преступности несовершеннолетних в Карелии в 1920–1960-е гг.

Людмила Ивановна Вавулинская
Александра Вячеславовна Чебаковская

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия*

Введение. На основе впервые вводимых в научный оборот архивных документов прослеживаются изменения в содержании и формах государственной политики по профилактике преступности несовершеннолетних в Карелии на протяжении 1920-х – первой половины 1960-х гг. В центре внимания – реконструкция соответствия провозглашенной Советским государством программы защиты детей и подростков реалиям того времени.

Материалы и методы. В работе использованы материалы Национального архива Республики Карелия, которые достаточно полно отражают различные аспекты рассматриваемой проблемы. Исследование велось на основе междисциплинарного подхода, с применением наработок не только исторической, но и педагогической науки, социальной и политической истории, психологии, юриспруденции и др. При подготовке статьи использованы системный, сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Репрезентативно исследованы различные аспекты профилактической работы органов управления и административных учреждений Карелии по предупреждению детской и подростковой преступности. Обобщен опыт формирования и трансформации системы детских учреждений для несовершеннолетних правонарушителей, отмечены общественные инициативы в вопросе улучшения жизни нуждающихся детей. Выделены основные этапы деятельности государственных и административных органов по предупреждению преступности детей и подростков. Если в первой половине 1920-х гг. наметилось частичное смягчение уголовной ответственности несовершеннолетних с применением к ним мер «медико-педагогического» характера, то с середины 1930-х гг. вектор развития государственной политики стал меняться в сторону ее ужесточения и расширения круга полномочий НКВД. В послевоенный период был сделан существенный упор на перевоспитание трудных подростков, превенцию преступности несовершеннолетних.

Заключение. В статье выявлены причины и описаны меры профилактики детской и подростковой преступности в Карелии в указанный период. Опыт решения проблем ее предупреждения, накопленный в 1920–1960-е гг., широко применялся в дальнейшем, что подтверждает эффективность выработанной системы.

Ключевые слова: профилактика, преступность несовершеннолетних, детская беспризорность, Карелия

Благодарности: Финансовое обеспечение исследования осуществлялось из средств федерального бюджета на выполнение государственного задания Карельского научного центра РАН (№ 121070700117-1 «Карелия в условиях общественных трансформаций XVII–XXI вв.: новые подходы и интерпретации»).

Для цитирования: Вавулинская Л. И., Чебаковская А. В. Профилактика безнадзорности и преступности несовершеннолетних в Карелии в 1920–1960-е гг. // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 418–436. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.418-436.

Введение

Проблемы профилактики преступности несовершеннолетних не утрачивают своей актуальности в современных условиях. В последние годы в России наблюдается рост криминальной активности школьников и студентов. По данным Генеральной прокуратуры РФ, за 9 месяцев 2021 г. в стране было расследовано 22,8 тыс. фактов подростковой преступности. Наибольший уровень преступности подростков в расче-

те на 10 тыс. лиц в возрасте от 14 до 17 лет отмечен в Карелии – 108,6 при российском показателе в 38,5¹. По мнению экспертов, ситуация с детской преступностью в Карелии связана с неблагоприятным социально-экономическим положением в регионе, низкими доходами населения и недостат-

¹ URL: <https://karelinform.ru/news/2021-11-29/kareliya-snova-otlichilas-po-urovnyu-podrostkovoyu-prestupnosti-2327023> (дата обращения: 10.11.2022).

ком спортивных секций². В связи с этим научный и практический интерес представляют изучение и обобщение исторического опыта, накопленного в области профилактики преступности несовершеннолетних на разных этапах социалистического строительства в СССР, и в частности в Карелии³.

Обзор литературы

До недавнего времени проблемы профилактики преступности детей и подростков рассматривались преимущественно в работах юристов, изучающих правовые и организационные основы системы предупреждения преступности несовершеннолетних в России [3–5; 15; 18], а также в исследованиях представителей педагогической науки, занимающихся вопросами реализации законодательной и правоприменительной, социально-педагогической практики по предупреждению негативно отклоняющегося поведения несовершеннолетних [1; 6].

Сегодня интерес к обозначенным вопросам все чаще проявляют историки и социологи, пытаясь внести свое видение проблемы и углубляя аспекты изучения причин, закономерностей, общих и специфических черт подростковой преступности на разных этапах развития советского и российского общества. Н. В. Иванов, Д. А. Краснов и Н. А. Шабельникова характеризуют причины и виды подростковой преступности, результативность профилактических мер по ее предупреждению [9; 13; 14; 26]. В. Н. Бубличенко и А. А. Славко анализируют деятельность детских закрытых учреждений НКВД – МВД СССР и детских колоний для несовершеннолетних правонарушителей в России [7; 19; 20]. Приходит осознание того, что проблему подростковой преступности необходимо рассматривать как междисциплинарную, стоящую на стыке несколь-

ких наук (исторической, юридической, педагогической, демографической и др.). Такой подход отличает статью М. В. Головизиной, в которой прослеживаются различные аспекты политики социального контроля преступности несовершеннолетних в СССР на протяжении длительного периода существования Советского государства (1917 – конец 1980-х гг.) [8].

Зарубежные исследователи также обращаются к проблемам, так или иначе связанным с защитой детей в России [24; 27–32]. Например, А. Болл описывает положение беспризорных детей в СССР в 1918–1930-е гг., ориентируясь на российские и иностранные источники [28]. Н. Берман, давая характеристику преступности несовершеннолетних в Советской России, останавливается на видах ее профилактики (образование, трудоустройство, кинотеатры и газеты) [29]. З. Вайтц при анализе детской беспризорности и преступности в СССР выделяет этапы борьбы с ними [32]. Ш. Фицпатрик изучает вопросы функционирования пенитенциарной системы и «перековки» личности подростка с помощью труда [24]. Некоторые выводы зарубежных ученых созвучны с результатами российских исследователей.

Вместе с тем, на наш взгляд, в более детальном рассмотрении нуждаются такие стороны проблемы, как участие общественных организаций в работе по профилактике преступности молодежи, взаимодействие учителей и родителей, роль культурно-просветительных и детских учреждений в этом деле.

Материалы и методы

Региональные исследования, отражая местную специфику работы по профилактике преступности несовершеннолетних, позволяют более полно и разносторонне представить как положительный,

² См.: Петров И., Носатов И. Мелкая уголовщина: дети и подростки совершают все больше тяжких преступлений. Что делать с ростом криминала среди несовершеннолетних // Известия. 2020. 9 февраля. URL: <https://iz.ru/973193/ivan-petrov-ivan-nosatov/melkaia-ugolovshchina-deti-i-podrostki-sovershaiut-vse-bolshe-tiazhkikh-prestuplenii> (дата обращения: 16.03.2022).

³ Название республики в рассматриваемые годы неоднократно менялось: Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика (АКССР, 1923–1936 гг.), Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика (КАССР, 1936–1940 гг.), Карело-Финская Советская Социалистическая Республика (КФСР, 1940–1956 гг.), Карельская Автономная Советская Социалистическая Республика (КАССР, 1956–1991 гг.).

так и негативный опыт в этой области, накопленный в 1920–1960-е гг. В статье на основе впервые вводимых в научный оборот документов Национального архива Республики Карелия (НА РК) и Архива Информационного центра Министерства внутренних дел по Республике Карелия (Архив МВД по РК) рассмотрены формы и методы профилактики преступности несовершеннолетних, их изменение на протяжении нескольких десятилетий в соответствии с социально-экономическими и идеологическими задачами, стоявшими перед советским обществом на разных этапах развития. Однако архивные материалы, освещая различные аспекты проблемы, не содержат полноценную статистику подростковой преступности в регионе, в связи с этим данные в статье приводятся за отдельные годы.

Исследование осуществлялось на основе междисциплинарного подхода с применением наработок не только исторической, но и педагогической науки, социальной и политической истории, юриспруденции и др. При подготовке статьи использованы общенаучные (анализ, синтез) и конкретно-исторические (проблемно-хронологический, сравнительно-исторический, статистический) методы исследования.

Хронологические рамки статьи охватывают 1920-е – первую половину 1960-х гг., что позволяет проследить складывание и развитие основных форм и методов профилактики преступности несовершеннолетних. Нижняя граница обусловлена тем, что в первые годы советской власти преступность детей в регионе, как и в целом по стране, приобрела большой размах и стала острой социальной проблемой. В этот же период формировалась система центральных и местных органов управления в сфере охраны детства, создавались специальные комиссии по делам несовершеннолетних. Определение верхней границы связано с тем, что в первой половине 1960-х гг. также наблюдалась тенденция роста подростковой преступности и были приняты законодательные документы по

усилению ответственности за совершенное преступление. Эти решения изменили вектор социальной политики в отношении несовершеннолетних преступников.

Результаты исследования и их обсуждение

В начале 1920-х гг. преступления детей не имели четкой фиксации со стороны соответствующих ведомств, что было связано не только с существовавшей ведомственной неразберихой, но и с разногласиями в вопросах возраста привлечения детей к уголовной ответственности. Возраст наступления уголовной ответственности то понижался, то повышался, менялись меры наказания по отношению к детям-правонарушителям. Увеличение количества беспризорных детей влекло за собой рост их преступных деяний, так как подросткам (чаще всего правонарушения совершались мальчиками школьного возраста) приходилось самостоятельно искать пути удовлетворения физиологических потребностей, нередко прибегая к кражам, грабёжам, а иногда и к разбоям.

По выражению А. Болла, в начале 1920-х гг. брошенные дети заполнили основное пространство нового Советского государства [27]. В 1920 г. в Карелии насчитывалось 1 800 беспризорных детей, о чем свидетельствует годовой отчет подотдела охраны детства Олонецкого уезда⁴. В 1921 г. Олонецкий губернский продовольственный комитет, предоставляя сведения о количестве необходимого продовольствия нуждающимся детям, включил в перечень «4 300 детей беднейшего населения»⁵, которые в целях улучшения собственного положения могли прибегать к имущественным преступлениям. В 1925 г. председатель Деткомиссии при Карельском центральном исполнительном комитете М. Л. Хелле, докладывая о проделанной работе на общем собрании членов секции по народному образованию при Петрозаводском городском совете, отмечала, что в республике свыше 1 200 беспризорных детей нуждаются в срочной помощи, 950 чел. нахо-

⁴ См.: Социальное воспитание с 1 января по 1 октября 1920 г. // НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 469. Л. 68.

⁵ Письмо в Олонецкий Губпродком от 20 апреля 1921 г. № 2123/5 // Там же. Д. 932. Л. 25.

дятся в местных детских домах⁶. Как и в целом по стране, основными причинами детской беспризорности являлись смерть одного или обоих родителей и отсутствие опеки со стороны родственников, материальная необеспеченность и моральное неблагополучие семьи.

Исследования ученых-педологов показали, что именно у беспризорных детей в условиях уличной борьбы за существование появлялись авантюристические устремления⁷. Улица заставляла детей вступать на преступный путь, но чаще всего только крайняя нужда, отсутствие всякой опоры могли толкнуть подростка на правонарушение, которое было сопряжено с большим риском, так как ему приходилось красть не для того, чтобы полакомиться, а для того, чтобы прожить [16, 32].

Комиссии по делам несовершеннолетних определяли меры по отношению к малолетним правонарушителям. Ими могли быть «беседа, разъяснение, замечание воспитателя; внушение и оставление на свободе под присмотром родителей, родственников и обследователей; определение на ту или иную работу; помещение в школу; отправка на родину; помещение в детский дом»⁸.

В Карелии Комиссия о несовершеннолетних изначально действовала при губернском отделе социального обеспечения⁹. 21 декабря 1918 г. состоялось первое заседание комиссии, на котором были рассмотрены дела о восьми задержанных подростках¹⁰. Постепенно задачи комиссии расширялись. В начале 1930-х гг. она стала выполнять работу по профилактике детской беспризорности и безнадзорности, защите прав и интересов несовер-

шеннолетних, наблюдению за воспитанием детей, находящихся под опекой и на патронате.

При выявлении беспризорных и безнадзорных детей местная власть старалась устроить их в семьи или детские учреждения закрытого типа. В случае серьезного противоправного деяния единственно возможной мерой «медико-педагогического» воздействия являлось определение в детское учреждение социального воспитания. В качестве самой строгой и крайней меры правонарушители направлялись в следующие детские учреждения: временно – в приемно-распределительный пункт в Петрозаводске, на продолжительный срок – в Космозерский детский дом для трудновоспитуемых. Единичные случаи были связаны с помещением малолетних правонарушителей в исправительные дома Ленинграда, фигурирующие в отчетах комиссии как «дома для дефективных детей» [25, 97].

Дети-правонарушители отправлялись и в обычные детские дома. К 1925 г. на территории Карелии действовали 17 таких учреждений, насчитывавших 800 воспитанников, а в конце 1929 г. – 25 с 1 266 воспитанниками¹¹. В 1931 г. Повенецкий детский дом был переименован в трудовую коммуны, а в 1934 г. Палеостровский реорганизован в трудовую колонию. С этого времени здесь находились в основном несовершеннолетние правонарушители. Реорганизация детских учреждений проводилась в соответствии с Исправительно-трудовым кодексом РСФСР 1933 г.¹², с принятием которого началось формирование системы исправительно-трудовых колоний для несовершеннолетних. К 1935 г. в Карелии существовали уже три детских

⁶ См.: Протокол № 5 общего собрания членов секции по народному образованию при Петрозаводском городском совете от 20 февраля 1925 г. // НА РК. Ф. Р-726. Оп. 1. Д. 4а. Л. 1.

⁷ См.: Залкинд А. Б. Беспризорность и детские психопатии (тезисы к докладу) // Борьба с беспризорностью: материалы 1-й моск. конф. по борьбе с беспризорностью. М., 1924. С. 25.

⁸ Постановление Народных комиссариатов просвещения, здравоохранения и юстиции РСФСР от 30 июля 1920 г. – Инструкция Комиссиям по делам о несовершеннолетних // НА РК. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 937. Л. 15.

⁹ См.: Комиссия о несовершеннолетних // Известия Олонцкого губернского исполкома Советов крестьянских, рабочих и красноармейских депутатов. 1918. № 255. С. 3.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Ежегодник: Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика, 1932–1933. Петрозаводск, 1934. С. 150; Ежегодник: Автономная Карельская Социалистическая Советская Республика, 1933–1934. Петрозаводск, 1936. С. 215.

¹² См.: ГУЛАГ (Главное управление лагерей). 1918–1960 / сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2002. С. 78.

дома для трудновоспитуемых с количеством воспитанников 161 чел.

В условиях, когда в 1920-х гг. все силы были брошены на борьбу с голодом и холодом, власть старалась создать благоприятные базовые условия для жизни детского населения, привлечь детей и подростков к учебе. Военные действия, разруха в годы Гражданской войны сломали систему образовательных учреждений, сложившуюся в предвоенные годы [23, 26]. В Петрозаводском уезде школьная сеть приблизилась к довоенному уровню только в 1924 г., в других уездах она не достигала и 50 % от этого уровня¹³. В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. школьные реформы стали частью общегосударственной политики, на основе которой были введены всеобщее начальное образование в республике и семилетнее образование в городских поселениях Карелии. С 1922 по 1937 г. количество школ в Карелии увеличилось более чем в полтора раза – с 325 до 515 [10, 567].

В целях профилактики детской безпризорности и преступности государство стремилось организовать свободное время детей. В 1920-х гг. страна постепенно выходила из социальных потрясений, общество испытывало потребность в физическом и духовном отдыхе. Изменившиеся условия привели к существенной трансформации самих представлений о свободном времени. В этом контексте досуг детей лишился личного характера и превращался в регулируемую государством сферу. Определенные формы внеурочных занятий и мероприятий позволяли организовать свободное время детей и тем самым ограничить возможность безпризорного образа жизни или совершения правонарушений.

Важным средством воспитания детей выступала физическая культура. Занятие физкультурой, спортом, ставшее массо-

вым в рассматриваемые годы, несло в себе одновременно решение трех связанных задач: организации производства в коллективе, подготовки физически сильного, здорового защитника Родины, а также формирования советского человека как гармонической, всесторонне развитой личности [17, 100]. Однако на практике в большинстве школ специальных часов для физкультуры не выделялось [23, 38]. Несмотря на это, у местной молодежи была «внутренняя потребность к спорту», что доказывалось большим распространением таких увлечений, как лыжи, коньки, гребной спорт и др. В 1923 г. в Петрозаводске функционировал «Спорт-Центр Всеобуча», объединявший все городские спортивные организации. На общественной пристани располагался «Водо-Спорт-Центр», ориентированный на парусный (яхты), гребной (шлюпки, вельботы) спорт и плавание¹⁴. Для оздоровительной работы использовалась лыжная станция, во время зимних каникул около 1 тыс. детей могли покататься на лыжах, коньках под присмотром инструктора¹⁵.

Оздоровлению детей способствовали кампания по организации летних колоний для отдыха и оздоровительных площадок, отправка воспитанников в санатории, пионерские лагеря. В Карелии были созданы детские противотуберкулезные и общеоздоровительные санатории в населенных пунктах Уя, Видлица, Судалица [2, 268], больных детей принимали Ленинградская область и Крым. В 1931 г. в Олонце открылся профилактический детский санаторий, в 1933 г. – ночной санаторий для школьников Олонецкого района¹⁶. Ряд общественных организаций оказывал содействие в предоставлении материальной поддержки нуждающимся семьям и направлении детей в учреждения. На средства крестьянских комитетов общественной взаимопомощи оборудовались новые

¹³ См.: Состояние дела социального воспитания в АКССР за 1923–1924 учебный год // НА РК. Ф. Р-630. Оп. 1. Д. 11. Л. 7.

¹⁴ См.: Весь Петрозаводск: Справ. кн. г. Петрозаводска на 1923 г. с прилож. пл. города. Петрозаводск, [б. г.]. С. 45.

¹⁵ См.: Докладная записка о работе областного общества «Друг детей» за 1934 г. // НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 18. Л. 100.

¹⁶ См.: Крылова Ф. В. Забота о детях // На фронте мирного труда: Воспоминания участников соц. стр-ва в Карелии. 1920–1940. Петрозаводск, 1976. С. 305.

детские площадки и лагеря. Профсоюзы брали шефство над детскими учреждениями, содействовали трудоустройству их выпускников. Комсомольцы привлекались к выявлению беспризорников и детей из малообеспеченных семей с целью определения ребенка в детский дом или назначения пособия¹⁷, проводили учебно-воспитательную и спортивную работу с несовершеннолетними. Комсомол совместно с партийными и профсоюзными организациями создал общественный фонд всеобща, средства которого поступали в том числе и на организацию в школах горячих завтраков, открытие интернатов, покупку обуви и одежды необеспеченным [21, 79].

Местная власть уделяла внимание культурно-массовой работе с детьми, организации экскурсий, киносеансов, походов в театр, библиотеку и др. С 1925 г. в Карелии началось развитие сети кинотеатров. Если перед революцией на территории региона имелись только два кинотеатра в Петрозаводске, то в 1925 г. в республике насчитывалось уже 14 постоянных и 4 передвижные киноустановки, а в 1934 г. – 45 и 140 соответственно¹⁸.

Приобщение детей к чтению являлось важной составляющей воспитательного процесса. В 1919 г. начала работу Центральная библиотека в Петрозаводске, в 1923 г. в ее состав входили общеобразовательное и детское отделения¹⁹, в каждом из них насчитывалось около 7 тыс. книг [23, 110]. Филиалы библиотеки открывались на рабочих окраинах города, организовывались районные библиотеки. В 1940 г. в Карелии было 256 библиотек: 1 республиканская, 19 районных, 5 городских, 224 сельские и 7 детских²⁰. Особое внимание уделялось школьным библиотекам, к концу 1930-х гг. их насчитывалось 338.

В библиотеках и других детских учреждениях организовывались различные кружки: драматические, литературные,

музыкальные, общественные, политические, технические, хоровые, спортивные, любителей природы и др. Кружковая работа была направлена на получение воспитанниками умения «разумно использовать свой досуг, найти занятие, отвечающее склонностям и интересам каждого отдельного ребенка»²¹. Все эти виды профилактической деятельности создавали благоприятную основу для успешной социализации детей, однако финансирование и распределение денежных средств чаще были направлены на удовлетворение их первичных потребностей, улучшение материальной базы учреждений.

С середины 1930-х гг. вектор развития государственной политики начал смещаться в сторону ее ужесточения, комиссии по делам несовершеннолетних были признаны неэффективными [5, 121]. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности» комиссии были упразднены, обязанность по организации противодействия детской преступности была возложена на правоохранные органы. «Трудными» детьми, не нарушившими закон, должен был заниматься Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос), но вопрос о том, будет ли тот или иной ребенок передан правоохранительным органам, по наблюдению К. Келли, всякий раз решался случайным образом [11]. Принятие данного постановления, как отмечает А. В. Комарницкий, вряд ли было оправдано целью ликвидации преступности среди несовершеннолетних; скорее оно стало результатом тоталитарного режима [12, 25].

В обязанность Главного управления рабоче-крестьянской милиции вменялось проведение мероприятий по борьбе с беспризорностью и преступностью детей²²; в отношении родителей принимались меры по усилению ответственности при совершении их детьми правонарушений. Ор-

¹⁷ См.: Медвежьегорскому РИК. Доклад Повенецкой деткомиссии. 1932 г. // НА РК. Ф. Р-726. Оп. 2. Д. 2. Л. 7.

¹⁸ См.: Ежегодник: Автономная Карельская Советская Социалистическая Республика, 1932–1933. С. 160.

¹⁹ См.: Весь Петрозаводск. С. 43.

²⁰ См.: Докладная записка о состоянии библиотечной работы в Карело-Финской СССР. 1940 г. // НА РК. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 4. Л. 53.

²¹ Примерная клубная работа в детских домах. 1922 г. // Там же. Ф. Р-2. Оп. 1. Д. 1142. Л. 5.

²² См.: О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности // Комсомолец Карелии. 1935. № 76. С. 2.

ганы Наркомпроса и милиции доводили до сведения общественных организаций по месту работы родителей факты отсутствия надзора с их стороны за поведением детей. Как подчеркивает Н. Берман, малолетний преступник предстал перед судом вместе с родителями или опекунами, которым предъявлялось обвинение либо в халатности (назначался штраф), либо в содействии совершенному правонарушению (пять лет принудительного труда) [29, 71].

Со второй половины 1930-х гг. заметно расширился круг полномочий НКВД, в частности за счет передачи в его ведение приемных пунктов, ранее относившихся к компетенции Наркомпроса. Изменился срок пребывания в них беспризорных – с трех до одного месяца. Распоряжением начальника Особого технического бюро НКВД СССР П. С. Перепелкина от 23 июля 1935 г. вводилась типизация трудовых колоний: трудовые колонии обычного типа для мальчиков и девочек в отдельности; трудовые колонии с особым режимом; изоляторы для подсудимых в тюрьмах, которые находились в отдаленных местах заключения НКВД СССР [20, 141]. В трудовых колониях теперь содержались несовершеннолетние преступники 12–16 лет и беспризорники 14–16 лет²³.

В Карелии 29 июня 1935 г. был издан приказ Управления НКВД АКССР «Об организации комиссии по приему детских учреждений от Наркомпроса АКССР, расположенных на территории Карельской АССР» и сформирована республиканская комиссия²⁴. 13 августа 1935 г. СНК АКССР принял решение «о передаче из ведения Наркомпроса АКССР Повенецкой детской трудовой коммуны и Палеостровской трудовой колонии в ведение отдела НКВД»²⁵.

В связи с привлечением заключенных к строительству Беломорско-Балтийско-

го канала и организации комбината для освоения канала и прилегающих к нему территорий в этих районах увеличилось количество детей, отправленных вместе с родителями в специально созданные трудовые поселки. В декабре 1933 г. общее количество прибывших в район деятельности канала составляло 7 325 чел., из них 3 048 детей²⁶. Находясь в трудовых поселках, дети вливались в среду беспризорников и правонарушителей, поэтому в январе 1936 г. было принято решение «всех детей от 8-летнего возраста и выше, проживающих в лагере при родителях, отбывающих срок наказания, а также и не имеющих таковых, из лагеря изъять и передать в распоряжение начальника трудовой коммуны пос. Надвоицы для дальнейшего содержания в колонии. Детей до 8-летнего возраста передать в детские дома АКССР»²⁷. Таким образом, дети школьного возраста находились под надзором НКВД, а дети младше 8 лет – под надзором Наркомпроса АКССР.

Первая детская трудовая колония Беломорско-Балтийского канала стала специально организованным отдельным лагерным пунктом, в котором в 1936 г. содержались 1 092 чел.²⁸ Она дислоцировалась в рабочем поселке Надвоицы и занимала около 10 км (квадратных), на ее территории имелись 73 здания²⁹. На 24 декабря 1937 г. число несовершеннолетних заключенных составляло 1 397 чел.³⁰, из которых 357 прибыли из Ленинграда – в большинстве «своим неблагонадежные, разложившиеся, деклассированные»³¹. Обеспеченность колонии продуктами, одеждой и обувью была слабой, что фиксировалось в ежегодных отчетах и докладных записках начальника учреждения. Так, в 1937 г. отмечалось плохое питание в течение двух месяцев, когда не было жи-

²³ См.: Дети ГУЛАГа. 1918–1956 / под общ. ред. А. Н. Яковлева. М., 2002. С. 333.

²⁴ См.: Приказ УНКВД по АКССР от 29 июня 1935 г. // Архив МВД по РК. Ф. 68. Оп. 2. Д. 011. Л. 112.

²⁵ См.: Постановление № 827 СНК АКССР от 13 августа 1935 г. // НА РК. Ф. Р-689. Оп. 11. Д. 15. Л. 190.

²⁶ См.: ГУЛАГ. С. 99.

²⁷ Там же. С. 100.

²⁸ См.: Приемно-сдаточный акт при смене начальников Надвоицкого отделения ББК НКВД // НА РК. Ф. Р-2691. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

²⁹ См.: Доклад о состоянии и работе Надвоицкой трудколониі МВД КАССР за 1948 г. // Там же. Д. 1. Л. 1.

³⁰ См.: Докладная записка о состоянии учебно-воспитательной части Надвоицкой трудколониі. 1937 г. // Там же. Оп. 3. Д. 1. Л. 34.

³¹ Там же.

ров, отсутствовали сахар и чай; 300 чел. совершенно невозможно было вывести на работу по причине нехватки обуви и одежды³². С детьми велась воспитательная и трудовая работа, однако теплых помещений и учителей было мало, а производственные предприятия работали с перебоями из-за отсутствия отопления.

Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. в структуре Главного управления рабоче-крестьянской милиции были организованы детские комнаты милиции, что явилось началом деятельности подразделений органов внутренних дел по делам несовершеннолетних [3, 59]. Однако рекомендации правительства по созданию детских комнат милиции не получили скорого воплощения на местах. На заседании Президиума Верховного Совета КАССР 26 февраля 1940 г. был заслушан доклад председателя М. В. Горбачева о работе по ликвидации детской беспризорности, в котором говорилось, что в Петрозаводске отсутствует детская комната привода и несовершеннолетние правонарушители доставляются в органы милиции³³. В 1939 г. было зарегистрировано 567 таких случаев³⁴. В докладе отмечалось, что работа с детьми по воспитанию в коммунистическом духе ослабла, не проявлялись должная забота и внимание к воспитанникам учреждений. Все это объясняло массовые побегі в 1939 г. из детских домов Карелии³⁵.

Определение государством детей в учреждениях социального воспитания часто не обеспечивало приемлемой материальной базы для здорового образа жизни несовершеннолетнего, развития его умственных и физических способностей. Бездушное отношение к трудоустроенным подросткам со стороны руководителей отдельных предприятий и отсутствие необходимых культурно-бытовых условий способствовали росту преступности среди них.

Таким образом, в государственной политике профилактики беспризорности

и преступности несовершеннолетних в 1920–1930-е гг. выделяются два этапа. Первый этап (1920-е гг.) отличался частичным смягчением уголовной ответственности несовершеннолетних и применением к ним мер «медико-педагогического» характера. К концу 1920-х гг. наметилось постепенное усиление карательной политики в отношении детей и подростков, что отразилось в законодательных актах середины 1930-х гг., понизивших возраст привлечения к уголовной ответственности. В ведение НКВД был передан ряд местных детских учреждений, создана первая трудовая колония для малолетних преступников. Для второго этапа (1930-е гг.) характерны отход от профилактической деятельности в отношении детей-правонарушителей и нарастание в практике работы репрессивной составляющей.

Формы и методы профилактики детской безнадзорности и преступности в 1920–1930-е гг. получили свое дальнейшее развитие в военный и послевоенный период.

В тяжелейших условиях военного времени, несмотря на все проблемы и издержки, государственные органы и общественные организации проводили огромную работу не только по ликвидации детской беспризорности, но и по ее профилактике. Продолжалось расширение системы закрытых учреждений для несовершеннолетних, при НКВД появилась новая ведомственная структура – Отдел по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью. Создавались общественные фонды помощи детям, оставшимся без родителей, большую помощь им оказывали предприятия, колхозы, общественно-военные организации.

В сентябре 1944 г., с освобождением от врага всей территории Карелии и возвращением из эвакуации населения, в республике вновь начались быстрый рост числа беспризорных детей-сирот и связанный с этим фактом подъем детской преступ-

³² См.: Докладная записка о состоянии учебно-воспитательной части Надвоицкой трудколониі. 1937 г. // НА РК. Ф. Р-2691. Оп. 3. Д. 1. Л. 34.

³³ См.: Выписка из протокола № 23 заседания Президиума Верховного Совета КАССР от 26 февраля 1940 г. «О состоянии работы по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности в республике» // Там же. Ф. Р-1215. Оп. 1. Д. 75. Л. 4.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

ности. В работе с трудными подростками существенный упор был сделан на их перевоспитание, а также на превенцию преступности несовершеннолетних. Судопроизводство по подобным делам рассматривалось в особом порядке; в каждой территориальной единице создавались специализированные суды, разбиравшие исключительные дела подобной категории [5, 122].

Одной из главных задач местной власти стало устройство беспризорных и безнадзорных детей. Министерством внутренних дел был организован детский приемник-распределитель на 100 чел. в возрасте от 3 до 16 лет. Срок пребывания ребенка в нем составлял 14 дней. В течение этого срока сотрудники учреждения выясняли причины беспризорности и безнадзорности и определяли ребенка в детский дом, на работу, передавали родителям или лицам, их заменяющим, либо отправляли в колонию. Только с 1 января по 1 апреля 1947 г. был устроен 251 ребенок, в том числе 92 чел. из других областей³⁶. В 1951 г. через детский приемник прошли 430 детей, из них к родителям были направлены 244, в детские дома – 108, в трудовые воспитательные детские колонии – 36, в школы фабрично-заводского обучения и ремесленные училища – 15, остались в приемнике 27 чел.³⁷ Склонные к правонарушениям подростки направлялись в Надвоицкую трудовую воспитательную колонию, реорганизованную по приказу МВД СССР от 8 июля 1946 г. в детскую трудовую колонию. Производственным профилем Надвоицкой трудовой колонии являлась деревообработка. В течение 1951 г. колония досрочно освободила более 200 детей, присвоив им квалификацию и производственный разряд. К концу 1951 г. в колонии содержались 438 осужденных подростков, из ко-

торых 142 уже приобрели квалификацию, 296 проходили курс производственного обучения по программе школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ³⁸. Надвоицкая детская трудовая колония была закрыта на основании приказа МВД КАССР от 18 декабря 1959 г., а все ее имущество было передано на баланс Исправительно-трудовой колонии № 1 отдела мест заключения МВД КАССР [22, 83].

Ключевую роль в устройстве детей-сирот в послевоенные годы играли детские дома. К началу 1945 г. в республике работали 25 детских домов, насчитывавших свыше 2 тыс. воспитанников, а к началу 1948 г. – уже 35 с числом воспитанников 3 580³⁹. Несмотря на трудности в работе детских домов, обусловленные нехваткой продовольствия, обуви, одежды, эти учреждения давали подросткам возможность получить специальность и рабочий разряд. Вместе с тем, вступая во взрослую самостоятельную жизнь, воспитанники детских домов нередко оказывались в сложной ситуации при устройстве на работу. Выявляя причины подростковой преступности, министр государственного контроля КФССР Г. П. Бояринов в докладной записке в Совет министров республики и ЦК КП(б) КФССР (март 1948 г.) отмечал неудовлетворительную работу по устройству детей, оставшихся без родителей, и нежелание многих руководителей предприятий принимать на работу подростков, особенно направленных из детских домов, так как им следовало предоставить жилье⁴⁰.

Особое внимание местные органы власти и правопорядка уделяли вовлечению детей и подростков в учебу. В первые послевоенные годы многие дети не посещали общеобразовательную школу по причинам отсутствия обуви и одежды,

³⁶ См.: Докладная записка МВД КФССР в Совет Министров республики о работе Петрозаводского детприемника-распределителя. 1947 г. // НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3170. Л. 14–15.

³⁷ См.: Доклад МВД КФССР об итогах хозяйственной деятельности органов и предприятий, дислоцированных на территории республики. Январь 1952 г. // Архив МВД по РК. Ф. 40. Оп. 1. Д. 364. Л. 105.

³⁸ Там же. Л. 106.

³⁹ См.: Справка министра просвещения КФССР в ЦК КП(б) республики о ликвидации детской беспризорности и безнадзорности. Не ранее 15 февраля 1948 г. // НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 3170. Л. 22.

⁴⁰ См.: Докладная записка министра государственного контроля КФССР Г. Бояринова в Совет Министров и ЦК КП(б) КФССР – О работе по устройству детей и подростков, оставшихся без родителей. Не ранее 23 марта 1948 г. // Там же. Л. 28–46.

вынужденной работы на предприятиях, помощи родителям по дому и др. На 1 января 1946 г. по республике всеобщим обязательным начальным обучением не были охвачены 1 338 чел., из них не обучались с начала учебного года 508, отселились из школ 830 чел.⁴¹ Вопреки всем трудностям, в послевоенные годы в регионе была создана учебная база для всеобщего семилетнего образования, введение которого завершилось в 1952 г.

Важным направлением профилактической работы с несовершеннолетними являлась организация досуга детей. В 1947 г. в Карелии ею занимались две детские спортивные школы, лыжные базы, детская туристическая станция и станция юных натуралистов, Дворец пионеров в Петрозаводске с различными кружками. В отдельных школах были организованы предметные кружки, кружки художественной самодеятельности, физкультурные коллективы, но охват ими детей был незначителен. Одной из причин этого было отсутствие материальной заинтересованности учителей, которым подобная работа оплачивалась в недостаточном размере или вовсе не оплачивалась. Кроме того, штатная комиссия при Совете министров СССР категорически отказывала в утверждении штатов ряда внешкольных учреждений; в результате в течение двух лет не могли открыться дома пионеров в Беломорске, Сортавале, Олонце, дом художественного воспитания детей и детская техническая станция в Петрозаводске.

К деятельности по предотвращению преступности были привлечены профсоюзные организации республики. В большинстве из них были созданы комиссии по работе с детьми, в клубах организованы детские секторы, нуждающимся семьям оказывалась материальная помощь.

В профсоюзных библиотеках были организованы детские полки, профсоюзные киноустановки проводили детские киносеансы. Несмотря на тяжелые последствия войны, в летний период 1945 г. в республике были организованы 29 пионерских лагерей, один лагерь юношей, 45 летних оздоровительных площадок, которыми были охвачены 6 040 чел. Дачный отдых сроком на 75–90 дней был предоставлен 2 700 детям, в детских садах санаторного типа в течение 75 дней смогли отдохнуть 1 100 чел.⁴² В 1952 г. 42 пионерских лагеря приняли более 7 тыс. детей⁴³. Для них организовывались беседы, пионерские сборы, костры, экскурсии, физкультурные соревнования, встречи с артистами театров и знатными людьми республики.

В проведении летних оздоровительных кампаний значительную помощь республиканским комитетам профсоюзов оказывали отдельные министерства и ведомства. Так, Министерство лесной промышленности КФССР в 1947 г. выделило пионерским лагерям денежные средства в размере 60 тыс. руб., материалы, часть инвентаря. Благодаря материальной помощи министерств и ведомств были предоставлены бесплатные путевки детям инвалидов Отечественной войны и семьям военнослужащих, потерявшим кормильцев. Только республиканский комитет профсоюза леса и сплава выделил 228 путевок, из них 50 % бесплатно, а также 137 путевок на льготных условиях по 100 руб. за путевку и 91 путевку по 150 руб.⁴⁴

Много усилий прилагалось к приобщению детей к чтению, воспитанию их на лучших образцах советской литературы. В 1953 г. в Карелии работали 34 детские библиотеки, обслуживавшие 13 469 читателей. Всего читателей-детей в библиотеках республики насчитывалось 40 517 чел.

⁴¹ См.: Отчет наркома просвещения КФССР И. Беляева в ЦК ВКП(б) и СНК республики об осуществлении всеобщего в 1945/46 учебном году. 30 января 1946 г. // НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 6. Д. 2812. Л. 12–14.

⁴² См.: Докладная записка Управления гособеспечения и бытового устройства семей военнослужащих при СНК КФССР в военный отдел ЦК КП(б) КФССР о работе управления за 1945 г. // Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1800. Л. 22.

⁴³ См.: Докладная записка председателя карело-финского республиканского совета профсоюзов Васильева в организационно-инструкторский отдел ВЦСПС – О работе совета профсоюзов за 3-й квартал 1952 г. // Там же. Д. 5323. Л. 191–192.

⁴⁴ См.: Докладная записка уполномоченного ВЦСПС по Карело-Финской ССР Вилкова в ЦК КП(б) КФССР – О работе профсоюзов республики по проведению летней оздоровительной кампании в 1947 г. // Там же. Д. 2526. Л. 47–56.

В 1952 г. библиотеки организовали 39 лекций (количество слушателей составило 1 761 чел.), 899 читок и бесед (14 786), 43 литературных вечера (3 006), 36 читательских конференций (1 936 чел.). При библиотеках действовали 8 кружков художественного чтения, 17 передвижек с охватом 679 читателей. В течение года были оформлены 678 книжных выставок, проведены читательские конференции по книгам Н. Н. Носова «Витя Малеев в школе и дома», В. А. Осеевой «Васек Трубочев и его товарищи», Л. А. Кассиля и М. Л. Поляновского «Улица младшего сына», А. А. Фадеева «Молодая гвардия» и др.⁴⁵

С конца 1940-х – начала 1950-х гг. расширяется практика замены уголовного наказания в отношении несовершеннолетних мерами воспитательного характера. В значительной степени этому способствовало постановление Пленума Верховного Суда СССР от 17 февраля 1948 г. «О применении Указов Президиума Верховного Совета СССР от 4 июня 1947 года в отношении несовершеннолетних», которое предусматривало более широкое применение практики условного осуждения подростков в возрасте до 16 лет и прекращения уголовных дел по мелким кражам с передачей виновников на попечение родителей или опекунов⁴⁶.

Существенные изменения произошли в работе органов милиции с детьми и подростками. Если в первые послевоенные годы их основные усилия были сосредоточены на выявлении и устройстве детей-сирот, то с начала 1950-х гг. на передний план выдвинулись профилактические меры по предупреждению детской преступности. Большую работу в этом направлении проводили детские комнаты милиции. В справке Управления милиции Министерства государственной безопас-

ности КФССР в Совет министров республики о работе за 1950–1951 гг. и первый квартал 1952 г. сообщалось, что на родительских собраниях в школах работниками милиции были прочитаны 67 информации по вопросу усиления воспитательной работы среди детей.

В Петрозаводске органами милиции в присутствии родителей, педагогов и воспитателей школ фабрично-заводского обучения и ремесленных училищ с задержанными подростками были проведены 264 индивидуальные беседы. О задержанных несовершеннолетних сообщалось по месту учебы, в общественные, комсомольские и профсоюзные организации, от их родителей требовались подписки об усилении надзора за детьми, составлялись административные протоколы. За 1951 г. и первый квартал 1952 г. были составлены 147 протоколов и 166 подписок родителей об усилении надзора за детьми. В результате проведенных мероприятий детская беспризорность и безнадзорность по Петрозаводску и республике в 1951 г. по сравнению с 1950 г. снизилась на 22,6 %⁴⁷. Из осужденных в 1953 г. народными судами республики за хищение государственного, общественного и личного имущества, хулиганство и другие преступления 5 955 чел. по приговорам, вступившим в силу (без учета осужденных за прогулы и самовольный уход с работы), на долю лиц до 18 лет приходилось 2 %⁴⁸.

Смещение акцентов социального контроля преступности несовершеннолетних с государственной на персональную ответственность родителей нашло свое выражение и в организации в 1955–1956 гг. при семилетних и средних школах родительских лекториев. В 1955 г. были прочитаны 447 лекций на педагогические темы по линии республиканского отделения Всесоюзного общества «Знание»

⁴⁵ См.: Справка Министерства культуры КФССР в отдел школ ЦК КП республики об обслуживании детей культурно-просветительными учреждениями. 15 апреля 1953 г. // НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 5871. Л. 8–9.

⁴⁶ См.: Сборник действующих постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924–1957 / под ред. Н. К. Морозова. М., 1958. С. 17–19.

⁴⁷ См.: Справка Управления милиции МГБ КФССР в Совет Министров КФССР – О работе органов милиции по изъятию с улиц беспризорных и безнадзорных детей за 1950–1951 гг. и первый квартал 1952 г. // НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 6. Д. 1717. Л. 248–249.

⁴⁸ См.: Справка министра юстиции КФССР М. Горбачева секретарю ЦК КП(б) республики А. Н. Егорову о работе народных судов // Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 6022. Л. 55.

и более 600 лекций по линии школ через школьные лектории и другие формы педагогической пропаганды⁴⁹. Учителя школ республики выступали с лекциями о воспитании детей на предприятиях.

В связи с перечисленными мероприятиями трудно согласиться с точкой зрения М. В. Головизиной, согласно которой «процессы “закручивания гаек” и репрессии стали главными оформленными реакциями государства в отношении преступности несовершеннолетних вплоть до конца 1950-х гг.» [8, 230]. Документы, хранящиеся в архивах Республики Карелия, наглядно показывают, что уже с начала 1950-х гг. проводилась успешная профилактическая работа по предупреждению подростковой преступности с привлечением общественности.

Об усилении внимания к организации профилактической работы среди подростков свидетельствовало принятие в 1957 г. Советом министров РСФСР постановления «О мерах улучшения работы среди детей вне школы и предупреждения детской безнадзорности». В соответствии с постановлением в регионах были возрождены действовавшие в годы войны комиссии по делам несовершеннолетних. В 1961 г. при исполкомах районных и городских советов республики действовали 18 таких комиссий. Некоторые из них вели планомерную работу по рассмотрению случаев ухода детей из школ, нарушения дисциплины и общественного порядка. Так, комиссия по делам несовершеннолетних Петрозаводского городского совета рассматривала дела о правонарушениях подростков, особенно групповых, как правило, на выездных расширенных заседаниях с участием широкой общественности – представителей школы, депутатов, членов родительских комитетов. На выездном заседании

комиссии 5 февраля 1964 г. в п. Соломенном присутствовали 60 представителей, на заседании 26 февраля 1964 г. в ПТУ № 14 – 76, в школе № 26 Петрозаводска – 120, в школе № 6 – 100. Некоторые заседания комиссии проводились с участием судебных органов.

Несовершеннолетние, работавшие на производстве, могли быть уволены только при согласии комиссии. Совместно с органами милиции комиссией были взяты на учет 132 подростка, склонных к совершению преступлений. В школах были учтены все так называемые трудновоспитуемые учащиеся и разработаны меры по их вовлечению в спортивные школы, кружки, туристические походы и т. д. В результате принятых мер значительно сократилось число преступлений, совершаемых подростками⁵⁰. Многих нарушителей удалось вернуть в школу. С помощью комиссий по трудоустройству несовершеннолетних работу получили в Петрозаводске 1 091 чел., в Сегеже 490, в Суоярви 142 чел.⁵¹

Широкое распространение в республике со второй половины 1950-х гг. получили школы-интернаты, группы продленного дня в общеобразовательных школах, главной задачей которых была организация свободного времени детей после окончания уроков. К началу 1961 г. в республике работали 9 школ-интернатов, насчитывавших 2 376 детей, 15 детских домов с числом воспитанников 1 417 чел., школа с продленным днем на 300 учащихся и 99 групп продленного дня с охватом 2 921 чел.⁵²

18 июня 1962 г. Комиссия по народному образованию и культуре Верховного Совета КАССР рассмотрела вопрос о работе по борьбе с детской безнадзорностью и преступностью. Было отмечено, что значительное количество детей и под-

⁴⁹ См.: Докладная записка правления республиканского Общества по распространению политических и научных знаний – Об организации родительских лекториев при семилетних и средних школах. 3 марта 1956 г. // НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 6619. Л. 2.

⁵⁰ См.: Справка председателя исполкома Петрозаводского горсовета А. Исакова о принятых мерах по искоренению безнадзорности и преступности среди несовершеннолетних. Не ранее июля 1964 г. // Там же. Ф. П-1230. Оп. 83. Д. 12. Л. 16–19.

⁵¹ См.: Справка орготдела Президиума Верховного Совета КАССР о состоянии преступности и судимости в республике за 1963 и 1964 гг. // Там же. Ф. Р-689. Оп. 17. Д. 653. Л. 18.

⁵² См.: Протокол заседания Комиссии по народному образованию и культуре Верховного Совета КАССР. 18 июня 1962 г. // Там же. Ф. Р-690. Оп. 11. Д. 633. Л. 170–180.

ростков школьного возраста не охвачены обучением, велик процент привлеченных за правонарушения. Если в 1960 г. в республике совершили правонарушения 668 несовершеннолетних, то в 1961 г. – 833⁵³. Только Петрозаводским отделом милиции за 1961 г. и первый квартал 1962 г. были зарегистрированы 559 правонарушений, из них совершенных учащимися школ всеобща – 123. Во многих школах к трудновоспитуемым детям применялись крайние меры педагогического воздействия. Так, в Петрозаводске в 1960/61 учебном году были исключены из школы 3 чел. и до 500 чел. переведены в школы рабочей молодежи⁵⁴.

Обеспокоенность органов власти проблемами подростковой преступности была вполне обоснованной. В первой половине 1960-х гг. как в Карелии, так и в целом по России наблюдался устойчивый рост преступности среди несовершеннолетних. Удельный вес преступлений, совершенных подростками, в общем количестве преступлений в республике в 1963 г. составил 11,0 %, в 1964 – 15,7, в первом квартале 1965 г. – 18,4 %⁵⁵. В 1963 г. к судебной ответственности были привлечены 76 подростков, в 1964 – 116, в 1965 – 151, в 1966 г. – 289⁵⁶.

Можно выделить ряд причин данного явления. Во-первых, в начале 1960-х гг. в республике значительно увеличилась численность подростков в возрасте 14–17 лет: с 24 857 в 1959 г. до 44 241 в 1964 г., или на 78 %, а их удельный вес в общей численности населения повысился с 3,8 до 6,5 %. Одновременно происходила концентрация подростков в городах и рабочих поселках с развитой промышленностью и наличием средних специальных учебных заведений и школ профессионально-технического

образования. Особенно это относится к столице республики Петрозаводску, где удельный вес подростков увеличился с 4,3 до 9,3%⁵⁷, что, безусловно, отразилось и на росте преступности.

Во-вторых, вступивший в законную силу Уголовный кодекс РСФСР (1960 г.) значительно смягчил ответственность несовершеннолетних за уголовные преступления: из компетенции судов было исключено рассмотрение всех общественно опасных деяний лиц в возрасте от 12 до 14 лет; сокращен перечень преступлений, за совершение которых уголовная ответственность наступала в возрасте от 14 до 16 лет.

В-третьих, немаловажную роль играли и факторы социального порядка: из числа подростков, привлеченных в 1964 г. к уголовной ответственности, 71 % работали на предприятиях и стройках, 21 – не работали и не учились, 4,6 – являлись учащимися системы профессионально-технического образования, 3 % – учениками общеобразовательных школ⁵⁸. То, что подавляющую часть подростков, привлеченных к уголовной ответственности, составляли рабочие, в значительной степени объяснялось неудовлетворенностью условиями труда, использованием молодежи на малоквалифицированных работах с низкой заработной платой, на сверхурочных работах и в ночных сменах.

В-четвертых, серьезной проблемой, оказывавшей влияние на рост подростковой преступности в 1960-е гг., являлось значительное увеличение продажи и потребления спиртных напитков. В 1950 г. на душу населения в республике было продано (в старом масштабе цен) на 400 руб. спиртных напитков, в 1958 г. – на 673, в 1961 г. (по предварительным данным) – на

⁵³ См.: Справка министра просвещения КАССР в Карельский обком партии и Совет Министров КАССР о работе по предупреждению детской безнадзорности. 7 апреля 1961 г. // НА РК. Ф. Р-689. Оп. 17. Д. 425. Л. 5–9.

⁵⁴ См.: Справка Министерства просвещения КАССР о результатах проверки работы по борьбе с детской безнадзорностью и преступностью в районах. 18 июня 1962 г. // Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 5871. Л. 11, 14.

⁵⁵ См.: Справка Министерства просвещения КАССР о работе по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Карельской АССР. 1965 г. // Там же. Ф. Р-689. Оп. 17. Д. 653. Л. 227.

⁵⁶ См.: Справка о работе Верховного суда Карельской АССР за 1966 и первое полугодие 1967 гг. // Там же. Оп. 18. Д. 70. Л. 50.

⁵⁷ См.: Постановление Президиума Верховного Совета КАССР о работе по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетними в Карельской АССР. 28 июня 1965 г. // Там же. Оп. 17. Д. 653. Л. 213.

⁵⁸ Там же.

764 руб. Абсолютное потребление водки в расчете на душу населения возросло с 10,5 л в 1956 г. до 11,2 л в 1961 г.⁵⁹ В 1963–1967 гг. продажа водки, ликеро-водочных изделий, вин и пива росла более быстрыми темпами, чем продажа других продовольственных товаров. В расчете на душу населения она увеличилась за этот период с 86 руб. в 1963 г. до 113 руб. в 1967 г., или на 31%⁶⁰.

Оказать помощь подросткам, работавшим на предприятиях, были призваны советы содействия семье и школе. В 1965 г. такие советы действовали на 250 предприятиях, стройках и учреждениях республики. В них насчитывалось более 1 тыс. активистов⁶¹. Большую работу проводили созданные на предприятиях и в организациях комиссии содействия вечернему и заочному обучению работающей молодежи.

Провозглашенная и закрепленная юридически трансформация политики в отношении несовершеннолетних от карательных мер к профилактике преступности и мерам воспитательного воздействия проводилась в русле принятой XXII съездом партии (1961 г.) новой Программы КПСС, которая особую роль в этом деле отводила общественности, различным формам общественной самодеятельности. В 1960-е гг. к борьбе с преступностью и нарушениями общественного порядка стали широко привлекаться добровольные народные дружины, товарищеские суды, комиссии по делам несовершеннолетних, советы народных заседателей и др. В общеобразовательных школах работали родительские комитеты, при домоуправлениях создавались советы общественности по работе с детьми и подростками, в п. Чална и Пряжа Прионежского района и в г. Сортавала на общественных началах действовали детские комнаты милиции.

Порицание коллектива нередко оказывало более сильное воздействие на работников, чем административные меры, о чем говорит, например, такой факт. В ноябре 1959 г. каменщик строительномонтажного поезда № 138 Егорова совершила четырехдневный прогул. Узнав, что ее проступок будет обсуждаться в товарищеском суде, она заявила: «Мне очень стыдно перед товарищами по работе, лучше пусть судит народный суд, чем товарищеский»⁶².

Меры, принятые в первой половине 1960-х гг. управленческими и административными органами, а также общественностью, позволили значительно сократить число нигде не работающих и не обучающихся несовершеннолетних, которые составляли потенциальную среду для роста преступности. Если в 1959 г. в республике не учились и не работали 2 182 подростка в возрасте 14–17 лет, или 8,8 %, то весной 1965 г. – 895, или 2,0 %⁶³.

Заключение

Таким образом, на разных этапах исторического развития менялись содержание и формы профилактической работы органов управления и административных органов по предупреждению детской и подростковой преступности. В 1920–1930-е гг. происходило постепенное становление системы профилактики и борьбы с преступностью несовершеннолетних, что отразилось в появлении комиссий по делам несовершеннолетних, специализированных детских учреждений для малолетних преступников, привлечении общественности к вопросам улучшения жизни нуждающихся детей, завершении нормативно-правового оформления детских закрытых учреждений в пенитенциарной системе страны.

⁵⁹ См.: Протокол и стенограмма II пленума Карельского обкома КПСС. 26–27 января 1962 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 13. Д. 2. Л. 56.

⁶⁰ См.: Справка административного отдела Карельского обкома партии о торговле алкогольными напитками в республике. 1968 г. // Там же. Оп. 19. Д. 131. Л. 39.

⁶¹ См.: Справка Министерства просвещения КАССР о работе по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Карельской АССР. 1965 г. Л. 223–224.

⁶² Протокол собрания актива Карельской областной партийной организации. 11 января 1960 г. // НА РК. Ф. П-3. Оп. 11. Д. 59. Л. 95.

⁶³ См.: Справка Министерства просвещения КАССР о работе по предупреждению безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Карельской АССР. 1965 г. Л. 222.

Полезный опыт профилактики преступности среди детей и подростков был накоплен в республике в послевоенные годы. Его составили воспитательные мероприятия в школах при тесном взаимодействии родителей и педагогов, организация досуга, привлечение общественных организаций к работе по профилактике безнадзорности и преступности несовершеннолетних. Была усилена ответственность родителей за поведение детей.

В начале 1960-х гг. под влиянием ряда факторов стали проявляться негативные тенденции роста подростковой преступности. Актуализация дискурса коммунистического воспитания подрастающего поколения силами общественности, вызванная грандиозными задача-

ми коммунистического строительства и расширения общественного самоуправления граждан, оказалась недостаточной мерой в предупреждении подростковой преступности, хотя, безусловно, имела положительные результаты. Вследствие роста подростковой преступности в 1965–1967 гг. в СССР и РСФСР были приняты законодательные акты, направленные на усиление ответственности лиц, совершивших преступления, и расширение профилактических мер по данному вопросу. В решении проблем предупреждения детской и подростковой преступности в последующие годы широко применялся опыт, накопленный в 1920–1960-е гг., что подтверждает эффективность выработанной системы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арифудина Р. У., Белогорская Л. В. Становление системы профилактики девиантного поведения несовершеннолетних в России // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2016. № 11, ч. 1. С. 127–133.
2. Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии. 1928–1940. Петрозаводск: Карелия, 1989. 279 с.
3. Беженцев А. А. Историческое развитие государственных органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2011. № 2. С. 56–63.
4. Беженцев А. А. Организация деятельности социалистической системы профилактики правонарушений несовершеннолетних (1917–1950): положительный опыт, современные перспективы использования // Genesis: исторические исследования. 2017. № 12. С. 69–78.
5. Беженцев А. А. Ретроспектива профилактики правонарушений несовершеннолетних в Советском Союзе // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 3. С. 119–124. DOI: 10.51980/2542-1735_2019_3_119.
6. Блясова И. Ю. Состояние профилактики преступности и правонарушений несовершеннолетних в советский период // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. 2012. № 1, вып. 31. С. 54–59.
7. Бубличенко В. Н. Беспорядочность несовершеннолетних и создание детских закрытых учреждений НКВД – МВД СССР на Европейском Севере России в 1930–1940-е гг. // Вестник Поморского университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 3. С. 3–6.
8. Головизнина М. В. Политика социального контроля преступности несовершеннолетних в СССР (1917 – конец 1980-х годов) // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3, № 2. С. 223–240.
9. Иванов Н. В. Преступность среди несовершеннолетних и молодежи, пути их преодоления в 60-е гг. XX века (на материалах Чувашской Республики) // Международный научный журнал «Содружество». 2019. № 20. С. 11–13.
10. История Карелии с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. Н. А. Коралева и др. Петрозаводск: Периодика, 2001. 943 с.
11. Келли К. Дети государства, 1935–1953. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/detigodarstva-1935-1953.html> (дата обращения: 10.09.2021).
12. Комарницкий А. В. Проблемы преступности несовершеннолетних: история и современность. СПб.: Изд-во Юрид. ин-та, 2007. 192 с.
13. Краснов Д. А. Основные этапы борьбы с преступностью несовершеннолетних в СССР в 1917–1960 гг.: историко-правовой аспект // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2013. № 1. С. 91–100.

14. Краснов Д. А. Характеристика системы борьбы с подростковой преступностью и преступностью несовершеннолетних в РСФСР за 1965–1969 гг. // Социально-политические науки. 2013. № 3. С. 80–104.
15. Кудин В. А., Гутман М. Ю. Профилактика безнадзорности и преступности несовершеннолетних: исторический опыт правового регулирования // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4. С. 15–30.
16. Лившиц Е. С. Социальные корни беспризорности. М.: Работник просвещения, 1925. 207 с.
17. Мигачев А. В. Теория и практика воспитания «нового человека» в СССР в 1930-е гг. (на материалах Ставрополя) // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова. Общественные науки. 2017. № 1. С. 99–103.
18. Полякова Н. И. Система предупреждения преступности несовершеннолетних: история и современность. М.: Юрлитинформ, 2010. 182 с.
19. Славко А. А. Детская беспризорность в России в первое десятилетие советской власти. М.: ИНИОН РАН, 2005. 171 с.
20. Славко А. А. Детские колонии для несовершеннолетних правонарушителей в России в 1933–1952 годы // Вестник Тюменского государственного университета. 2009. № 7. С. 140–146.
21. Тинькова Н. К. Деятельность Карельской областной организации ВЛКСМ по коммунистическому воспитанию молодежи (1926–1932). Петрозаводск: Карелия, 1981. 140 с.
22. Фефелов В. А. Учреждения для трудновоспитуемых детей и несовершеннолетних правонарушителей в Республике Карелия // Краеведческие чтения: материалы XII науч. конф. (14–15 февр. 2018 г.). Петрозаводск, 2018. С. 80–86.
23. Филимончик С. Н. Образование и просвещение в Советской Карелии (1918–1939). Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2013. 150 с.
24. Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социал. история Совет. России в 30-е годы: город. 2-е изд. М.: РОССПЭН; Фонд первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. 336 с.
25. Чебаковская А. В. Работа с несовершеннолетними правонарушителями в Карелии в послереволюционный период // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2019. № 8. С. 93–101. DOI: 10.15393/uchz.art.2019.418.
26. Шабельникова Н. А. Особенности профилактики преступности несовершеннолетних в 1920-е гг.: исторический опыт // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2016. № 2. С. 33–37.
27. Ball Alan M. And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley: University of California Press, 1994. 336 p. URL: <https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress> (дата обращения: 15.11.2021).
28. Ball Alan M. The roots of besprizornost' in Soviet Russia's first decade // Slavic Review. 1992. Vol. 51, issue 2. P. 247–270. DOI: 10.2307/2499530.
29. Berman N. Juvenile delinquency under the Soviets // Journal of Criminal Law and Criminology. 1939. Vol. 30, issue 1. P. 68–76. DOI: 10.2307/1136388.
30. Connor W. Juvenile Delinquency in the U.S.S.R.: Some quantitative and qualitative indicators // American Sociological Review. 1970. Vol. 35, no. 2. P. 283–297. DOI: 10.2307/2093206.
31. Kelly C. Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991. New Heaven; London: Yale University Press, 2007. 714 p.
32. Weitz S. C. Geschichte der Jugendverwahrlosung in der Sowjetunion: in zwei Bänden. Marburg: Transdata Publ., 1990. Bd 1. Darstellung. 386 S.; Bd 2. Dokumentation. 275 S.

Поступила 28.03.2022; одобрена 22.04.2022; принята 29.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Л. И. Вавулинская – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, ludvav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>

А. В. Чебаковская – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник сектора истории Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, chebakovskaja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5750-956X>

Prevention of child neglect and juvenile delinquency in Karelia in the 1920–1960s

Ljudmila I. Vavulinskaja
Aleksandra V. Chebakovskaja

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. Based on archival documents introduced into research for the first time, the article shows the changes in the content and forms of state policy on the prevention of juvenile delinquency in Karelia during the 1920s – the first half of the 1960s. The focus is on the reconstruction of the conformity of the program for the protection of children and adolescents proclaimed by the Soviet state to the realities of that time.

Materials and Methods. It used the materials of the National Archive of the Republic of Karelia, which sufficiently reflect various aspects of the problem. The research was conducted on the basis of interdisciplinary approach, using not only historical, but also pedagogical science, social and political history, psychology, jurisprudence, etc. Systemic, comparative-historical, and problem-chronological methods were used in the preparation of the work.

Results and Discussion. Various aspects of the preventive work of the governing bodies and administrative institutions of Karelia on the prevention of child and juvenile delinquency have been representatively studied. The experience of formation and transformation of the system of children's institutions for juvenile delinquents is summarized, public initiatives in the issue of improving the lives of children in need are noted. The main stages of the activities of state and administrative bodies for the prevention of crime in children and adolescents are identified. In the first half of the 1920s there was a partial mitigation of the criminal liability of minors and use of "medical and pedagogical" measures, however, from the mid-1930s the development of state policy changed in the direction of tightening and expanding the authorities of NKVD. In the post-war period, significant emphasis was placed on the re-education of difficult adolescents, and the prevention of juvenile delinquency.

Conclusion. The article identifies the causes and describes the measures to prevent child and juvenile delinquency in Karelia during the that period. The experience of solving the problems of its prevention, accumulated in the 1920–1960s, was widely used later, which confirms the effectiveness of the developed system.

Keywords: prevention, juvenile crime, child neglect, Karelia

Acknowledgments: The research was funded from the federal budget as part of the state project of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (No. 121070700117-1).

For citation: Vavulinskaja LI, Chebakovskaja AV. Prevention of child neglect and juvenile delinquency in Karelia in the 1920–1960s. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;4:418–436. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.418-436.

REFERENCES

1. Arifulina RU, Belogorskaia LV. Becoming of system of prophylaxis of deviant behaviour of minors in Russia. *Mezhdunarodnyi zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniï* = International Journal of Applied and Fundamental Research. 2016;11;1:127–133. (In Russ.)
2. Afanas'eva AI. Cultural transformations in Soviet Karelia. 1928–1940. Petrozavodsk; 1989. (In Russ.)
3. Bezhentsev AA. The historical development of public bodies and agencies for preventing child neglect and juvenile delinquency in Soviet period. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* = Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia. 2011;2:56–63. (In Russ.)
4. Bezhentsev AA. Organization of the activities of the socialist system for the prevention of juvenile delinquency (1917–1950): positive experience, modern prospects for use. *Genesis: istoricheskie issledovaniia* = Genesis: historical research. 2017;12:69–78. (In Russ.)
5. Bezhentsev AA. The fight against corruption by weakening criminal repression cannot be successful. *Vestnik Sibirskogo*

- juridicheskogo instituta MVD Rossii* = Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia. 2019;3:119–124. (In Russ.). DOI: 10.51980/2542-1735_2019_3_119.
6. Bliasova Iu. The state of prevention of crime and juvenile delinquency in the Soviet period. *Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo* = Bulletin of Chelyabinsk State University. Series: Law. 2012;1;31:54–59. (In Russ.)
 7. Bublichenko VN. Homelessness of minors and the creation of children's closed institutions of the NKVD – the Ministry of Internal Affairs of the USSR in the European North of Russia in the 1930–1940s. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* = Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences. 2007;3:3–6. (In Russ.)
 8. Goloviznina MV. A policy of social control over the juvenile delinquency in the USSR (1917 – late 1980s). *Zhurnal issledovaniy sotsial'noi politiki* = The Journal of Social Policy Studies. 2005;3;2:223–240. (In Russ.)
 9. Ivanov NV. Crime among minors and youth, their ways overcoming in the 60ies. XX century (on the materials of the Chuvash Republic). *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal "Sodruzhestvo"* = International scientific journal "Commonwealth". 2019;20:11–13. (In Russ.)
 10. Korablev NA at al., eds. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk; 2001. (In Russ.)
 11. Kelly C. Children of the State, 1935–1953. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2008/2/deti-gosudarstva-1935-1953.html> (accessed 10.09.2021). (In Russ.)
 12. Komarnitskii AV. Problems of juvenile delinquency: history and modernity. Saint-Petersburg; 2007. (In Russ.)
 13. Krasnov DA. The main stages of fight against crime of minors in the USSR in 1917–1960: historical and legal aspect. *Uchenye trudy Rossiiskoi akademii advokatury i notariata* = Scientific Works of the Russian Academy of Advocacy and Notaries. 2013;1:91–100. (In Russ.)
 14. Krasnov DA. Characteristics of the system of combating juvenile delinquency and juvenile delinquency in the RSFSR for 1965–1969. *Sotsial'no-politicheskie nauki* = Sociopolitical Sciences. 2013;3:80–104. (In Russ.)
 15. Kudin VA, Gutman MIu. Prevention of neglect and juvenile crime: the historical experience of legal regulation. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* = Vestnik of the Saint-Petersburg University of the MIA of Russia. 2016;4:15–30. (In Russ.)
 16. Livshits ES. Social roots of homelessness. Moscow; 1925. (In Russ.)
 17. Migachev AV. Theory and practice of education "the new man" in the USSR 1930-ies (on materials of Stavropol). *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova. Obshchestvennye nauki* = Bulletin of North Ossetian State University named after K. L. Khetagurov. Social Sciences. 2017;1:99–103. (In Russ.)
 18. Poliakova NI. Juvenile delinquency prevention system: history and modernity. Moscow; 2010. (In Russ.)
 19. Slavko AA. Child homelessness in Russia in the first decade of Soviet power. Moscow; 2005. (In Russ.)
 20. Slavko AA. Child colonies for under age delinquents in Russia in 1933–1952. *Vestnik Tiimenskogo gosudarstvennogo universiteta* = Tyumen State University Herald. 2009;7:140–146. (In Russ.)
 21. Tin'kova NK. The activities of the Karelian regional organization of the Komsomol for the communist education of youth (1926–1932). Petrozavodsk; 1981. (In Russ.)
 22. Fefelov VA. Institutions for children with difficult education and juvenile delinquents in the Republic of Karelia. *Kraevedcheskie chteniia: materialy XII nauch. konf. (14–15 fevr. 2018 g.)* = Local history readings: materials of the XII scientific. conf. (February 14–15, 2018). Petrozavodsk; 2018:80–86. (In Russ.)
 23. Filimonchik SN. Education and enlightenment in Soviet Karelia (1918–1939). Petrozavodsk; 2013. (In Russ.)
 24. Fitspatrik Sh. Everyday Stalinism: A Social History of Soviet Russia in the 1930s: City. 2nd ed. Moscow; 2008. (In Russ.)
 25. Chebakovskaia AV. Working with juvenile offenders in Karelia during the post-revolutionary period. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta* = Proceedings of Petrozavodsk State University. 2019;8:93–101. (In Russ.). DOI: 10.15393/uchz.art.2019.418.
 26. Shabel'nikova NA. Features of the prevention of juvenile delinquency in the 1920s: historical experience. *Aktual'nye voprosy bor'by s prestupleniiami* = Actual issues of fight against crimes. 2016;2:33–37. (In Russ.)
 27. Ball Alan M. And now my soul is hardened: Abandoned children in Soviet Russia, 1918–1930. Berkeley; 1994. URL: [https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress_\(accessed 15.11.2021\)](https://publishing.cdlib.org/ucpressebooks/view?docId=ft700007p9;brand=ucpress_(accessed 15.11.2021)).
 28. Ball Alan M. The Roots of Besprizornost' in Soviet Russia's First Decade. *Slavic Review*. 1992;51;2:247–270. DOI: 10.2307/2499530.
 29. Berman N. Juvenile delinquency under the Soviets. *Journal of Criminal Law and Criminology*. 1939;30;1:68–76. DOI: 10.2307/1136388.

30. Connor W. Juvenile Delinquency in the U.S.S.R.: Some quantitative and qualitative indicators. *American Sociological Review*. 1970;35;2:283–297. DOI: 10.2307/2093206.
31. Kelly C. *Children's World: Growing Up in Russia, 1890–1991*. New Heaven; London; 2007.
32. Weitz S. C. *Geschichte der Jugendverwahrung in der Sowjetunion*. Marburg; 1990;1;2.

Submitted 28.03.2022; reviewing 22.04.2022; accepted 29.09.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

L. I. Vavulinskaja – Candidate Sc. {History}, Senior Research Fellow, Department of History, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, ludvav@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6404-7551>

A. V. Chebakovskaja – Candidate Sc. {History}, Junior Research Fellow, Department of History, Institute of Language, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, chebakovskaja@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5750-956X>

Памятник сибирской письменности «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого: историко-культурологический обзор

Маргарита Степановна Выхрыстюк
Тюменский государственный университет,
Тюмень, Россия

Введение. Памятник сибирской письменности «Краткое описание о народе остяцком» содержит уникальное описание жизни коренного населения Сибири – остяков (устаревшее название народа ханты), выполненное историографом Григорием Новицким на основе личных наблюдений. Целью статьи явился историко-культурологический обзор источника, включающий анализ его структуры и содержания.

Материалы и методы. Исследование выполнено на материале памятника сибирской письменности начала XVIII в. «Краткое описание о народе остяцком» Г. Новицкого. Для получения объективных выводов использовались описательный, сравнительный методы. При анализе структуры, содержания и информативности текста источника применялись методы компонентного анализа и структурно-семантический.

Результаты исследования и их обсуждение. Историко-культурологический обзор первого этнографического труда о Сибири, представленный в статье, содержит анализ описания жизни и культуры остяков, исторически проживающих на территории Сибири, расположения их земель, контактов с другими народами. Отмечается, что источник содержит достоверные сведения об истории Сибири, о ее границах и естественных богатствах, о коренных народах этого края, о татарских племенах и их правителях, об основании первых городов Сибири, а также о покорении Сибири Ермаком. Подробным образом в тексте описывается район, который заселяли ханты. Исторически сложилось так, что в Сибири проживали представители многих языковых групп. В тексте памятника приводятся сведения о многообразии культур и языков на территории края. Богатый и разнообразный этнокультурный языковой материал памятника отражает состояние русского литературного национального языка в период становления его норм.

Заключение. Текст памятника, содержащий обширное описание сибирских земель и проживающих здесь народов, представляет ценный для исследователей исторический и этнокультурный материал, является свидетельством процессов, происходивших в русском языке в период становления его норм.

Ключевые слова: памятник сибирской письменности, остяки, информативность, историко-культурологическая и этнокультурная значимость

Для цитирования: Выхрыстюк М. С. Памятник сибирской письменности «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого: историко-культурологический обзор // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 437–444. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.437-444.

Введение

«Краткое описание о народе остяцком»¹ – первая объемная и содержательная монография по этнографии Сибирского края – было написано украинским ссыльным Григорием Новицким в 1715 г. Как известно из источников, исследователь получил хорошее образование, окончив Киево-Могилянскую коллегию, и по примеру отца стал казачьим полковником. В период противостояния Петра I и Мазепы он оказался на

стороне мазепинцев, за что и был в 1709 г. сослан вместе с другими казаками в Сибирь. Городом, назначенным Г. Новицкому местом ссылки, стал Тобольск. Участвуя в миссионерских поездках митрополита Сибирского и Тобольского Филофея по средней и нижней Оби, ссыльный украинский казак задался целью изобразить «удивлению достойное странное житие и дивные обычаи»² (с. 3) хантов (остяков).

¹ Оригинальный вариант названия источника: «Краткое описание о народѣ остяцкомъ, сочиненное Григоріемъ Новицкимъ въ 1715 году».

² Здесь и далее источник цитируется по изданию: Новицкий Г. И. Краткое описание о народе остяцком, сочиненное в 1715 году. М., 2011. В тексте в круглых скобках приводится номер страницы.

Достоверных сведений о том, является ли «Краткое описание...» единственным сочинением Г. Новицкого, нет. Л. Н. Майков в предисловии к первому изданию монографии в 1884 г. обратил внимание на то, что среди обнаруженных списков Есиповской летописи существовал летописный список, написанный южнорусским почерком и с чертами украинской речи (с. 3). Ученый предположил, что его составителем мог быть Г. Новицкий. Этот вопрос остается открытым, поскольку исследование «Краткого описания...» позволяет обнаружить сходство отдельных параграфов первой главы, в которых даны общие сведения о народах Сибири, с летописью Саввы Есипова.

Обзор литературы

К проблемам исторического текста обращались, в частности, такие ученые, как Н. А. Абрамов [1], И. И. Муллонен и Е. В. Захарова [8], Г. Н. Старцев [17]; способы введения информации в исторический текст описали Г. В. Судаков [18], А. Л. Юргенева [19]. Образ человека в югорском национально-культурном языковом сознании стал предметом исследования М. С. Выхрыстюк и С. В. Онинной [9], В. П. Яйленко [20]. Особенности расселения народа ханты описали Е. М. Главацкая [7], Е. В. Перевалова [10]; быт и культуру изучали А. Вежбицкая [3], М. К. Петров [11], Е. А. Пивнева [12], О. М. Рындина [14]; религиозным воззрениям остяков посвящены работы А. В. Бауло [2], А. М. Сагалаев [15], Т. А. Сироткина и Н. В. Ганущак [16]; фольклор анализировали Г. С. Вртанесян [6], Т. В. Волдина [4; 5], О. М. Рындина [14], Р. П. Ругин [13], А. Л. Юргенева [19] и другие ученые.

Материалы и методы

Материалом исследования послужил летописный текст начала XVIII в. «Краткое описание о народе остяцком» Григория Новицкого, в котором представлено описание Сибирской земли, повествуется о жизни народов, на ней проживающих, особое внимание уделено описанию жизни народа ханты. Текст рукописи впервые издан в 1884 г. в частной типографии Л. Н. Майкова (рис. 1, 2). Место хранения

оригинала – Санкт-Петербургский государственный университет.

Для получения объективных выводов использовались описательный, сравнительный методы. При анализе структуры, содержания и информативности текста источника применялись методы компонентного анализа и структурно-семантический. По мнению Т. В. Волдиной, «историко-культурный анализ как метод исторической реконструкции науки включает в себя конструктивный и контекстуальный аспекты» [4, 761]. В процессе изучения подобных источников авторы придерживаются принципа историзма, т. е. предмет исследования, под которым в нашем случае подразумевается процесс изучения истории и культуры хантыйского народа, рассматривается на определенном историческом этапе.

Результаты исследования и их обсуждение

Летописный памятник начала XVIII в. «Краткое описание о народе остяцком» включает восемь глав, разделенных на параграфы. Восемнадцать параграфов первой главы посвящены общим сведениям о Сибири, а также о районе, который в тот период заселяли ханты.

Первая глава начинается с описания границ Сибири и ее естественных ресурсов. Автор сообщает о богатстве этой территории, отмечает наличие в Сибирском крае железной, медной, свинцовой, серебряной и золотой руды: «Гори каменные... – пишет он, – производят въ недрахъ своихъ самородной хрусталь, слюду чисту; а наипаче наполненные толико каменем магнитомъ, яко довольно жители здешние отъ сего хитрости испуцають железо» (с. 33).

Параграфы с 6 по 9 указанной главы содержат исторические сведения о коренных народах, проживающих в Сибири, о татарских племенах и их правителях, о начальном правлении хана Кучума, об основании первых городов Сибири, о происхождении самого топонима «Сибирь», а также о покорении Сибири Ермаком. В науке есть мнение о том, что эти сведения автор заимствовал из сибирской летописи Саввы Есипова. Г. Новицкий прямо об этом не говорит, но ссылается на свидетельство сибирского

летописца, не называя его имени. В монографии, в частности, приводится описание Новой Земли, на тот период практически не исследованной: «Къ сему утесненію морскому прилежащую Новую Землю еще и многія совершеннымъ известіемъ проведать желажу, обаче зельной ради стужы и жестока убивающаго тамо воздуха не возмогаши мнози же еще и дерзнуша сего искусити – погибоша» (с. 39).

Исторически сложилось так, что Сибирь – это малонаселенная территория, однако именно здесь проживают представители многих языковых групп. В сочинении «об остяках» автор не обошел стороной и эту тему. Он сообщает о многообразии языков и национальностей на просторах Сибири, которую населяют «Тунгусы, Остяки, Вогулы, Якуты, Самоиды, Брацкие мужики, Пегая орда, Киргизы, Калмыки и прочая» (с. 26).

В конце главы рассматриваются различные версии происхождения названия 'остяки'. Г. Новицкий утверждает, что представители народа называют себя «кондия» или «хондия», а свою страну – Хойдымых. Остяки – это прозвище, полученное от пермяков, поскольку автор утверждает, что ханты переселились на Обь из Пермской земли. Исследователь связывает название также со словом «останки»: «Россияне, видевшее ихъ идолобесія останки, укывишиися изъ Пермы, нарекоши ихъ Остяки, аки бы останки» (с. 40). Кроме того, есть в тексте памятника и другое объяснение: «...второе же мнится бытии се, яко же здеиный полунощный народъ отъ обыкновений своихъ нарекошася сыроядцы – отъ сыроядения, тако и ста отъ нравообычая, своего, за не народъ сей упражняетъ ся рыбокъ и отъ повседневной сей пици ничто же вящие суцу во устехъ ихъ, яко ости рыбни. А отъ нихъ же мнится; быть яка название се Остяки...» (с. 40).

Следует отметить, что позднее Н. А. Абрамов по этому поводу высказал другое мнение: «остяк» есть не что иное, как татарское «уштяк» 'грубый, невежественный'. Кроме татар и русских, никто не называл хантов остяками или уштяками [1, 340].

Во второй главе памятника содержится материал, характеризующий «житие,

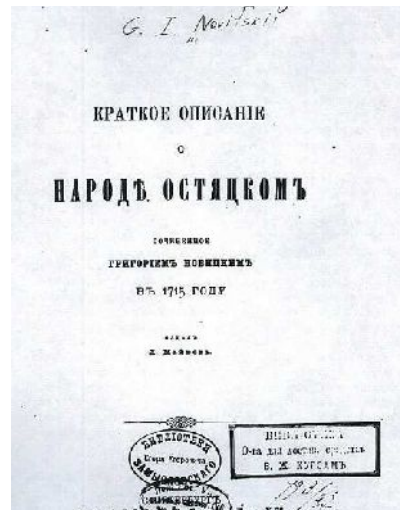

Рис. 1. Первая страница «Краткого описания о народе остячком», 1884 г.

Fig. 1. The first page of "A brief description of the Ostyak people", 1884

обыкновение гражданства и прочее». Ценностью материала является то, что впервые описываются обычаи хантов, что безусловно важно для сравнительного изучения истории народа. Например, согласно обычаю родители сами не могли давать имени новорожденным, просили об этом проезжих, русских. По мнению Г. Новицкого, этот факт обусловил наличие большого количества русских имен среди остяков. Когда долго не представлялось такого случая, родители сами называли ребенка мирским именем, о чем свидетельствует источник: «...тогда что первое узреть изшедши изъ дому: птицы, звери или что ни будь, темъ именемъ родившееся нарицаеть» (с. 40).

Глава ценна тем, что в ней дано этнографическое описание хантов. Автор сообщает, что они живут разрозненно, разобщенно: свои юрты ставят далеко друг от друга, письменности как таковой у народа нет, нет и школ и других учреждений, однако «эти инородцы отличаются честностью въ исполненіи разныхъ обязательствъ... преступления между остяками, однако, случаются редко» (с. 45).

Основные занятия народа ханты, как отмечает Г. Новицкий, – оленеводство, охота и рыбная ловля. Исследователь подробно описывает, как остяки ловят рыбу, в каком виде ее едят и как запасают впрок. Так же

детально описаны устройство их жилищ и обстановка. Земледелия ханты не имеют, потому что земля «...*аще всему питательница и многия изъ радныхъ плодовъ изобилиемъ ущедряеть, обаче сему народу скудна подаяниемъ... а плодовъ никакихъ не презиноситъ*» (с. 47). Подробным образом повествуется о собаках и оленях, единственных животных, которых держат остяки и которые являются средством передвижения на суше.

Далее рассказывается об одежде хантов, которую они шьют себе сами из холста. Холстину сами же выделывают из крапивы, рыбьей кожи. Более теплая одежда изготавливается из оленьих шкур, сукна и шкурок птиц. Затем в тексте говорится о пристрастии остяков к китайскому табаку, который они курят и днем и ночью.

В третьей главе памятника описываются религиозные верования хантов. Предметом их религиозных почитаний выступали птицы (лебеди, гуси), звери (чаще всего медведи) и деревянные изображения этих животных. Основными идолами были Старик Обский, Гусь и идол Кондийский. В частом жертвоприношении автор видит одну из причин бедности хантов: «*Симъ частымъ жертвоприношениемъ впремногую внидоша нищету и крайное разорение, яко чадъ и женъ своихъ продаваху заимодавцемъ своимъ въ работу*» (с. 57).

Значительное место в тексте, в главах с четвертой по восьмую, отведено истории крещения остяков. Известно, что в 1706 г. Петром I был издан указ, согласно которому церковные деятели должны были «...*ехать къ остякамъ и вогуличамъ съ проповедью евангельскою*» и всех их «*от мала до велика крестить*», а их «*все кумиры и кумирницы, где только будут найдены, сожигать и истреблять, и на ихъ местахъ строить церкви, часовни и ставить иконы*» (с. 59). Г. Новицкий подчеркивает, что насаждаемая христианская религия всегда оставалась чуждой народу и только озлобляла его. Видя это, правительство даже учредило особую должность надзирателя за исполнением новокрещеными христианских обрядов. Некоторые из назначенных надзирателей заплатились за свою должность жизнью, что случилось и с самим автором монографии.

Названные главы содержат очерк миссионерской деятельности митрополита Филофея среди остяков и вогулов (манси), которая планомерно совершалась из года в год. Было совершено несколько экспедиций на север Сибири с участием самого автора с целью массового крещения северного населения – язычников. Исследователь рассказывает о том, с какими трудностями приходилось встречаться проповеднику в среде язычников, противившихся разрушению издавна чтимых ими идолов. Говоря об этом, он подчеркивает смиренность при крещении вогулов и непокорность остяков.

Г. Новицкий подробно описывает историю Сибирского царства, восхваляя этот край и его богатства, дает характеристику географического положения Сибири и проживающих на ее территории народов: «*Сибирское государство содержится въ полнощной стране, по разделении математическомъ пределенно въ второй быти части, во Азии... иже пределъ Европы великую реку Обь назменоваша, сии начало сего государства полагають быти въ Европи, пределы же своими простирается даже во Азию*» (с. 72).

В сочинении отмечаются тесные торговые отношения Сибири и Китая (причем это фактически единственная страна, которая упоминается в контексте торговли с Сибирью): «...*содержитъ съ темъ славнымъ государствомъ Китайскимъ вся торговля промыслы, пременяя товары своя сибирския: соболи, горностаи, белку и прочая. Оттуду же превеликия богатства злата, серебра, драгихъ камней, шелковыхъ парчей, сосудовъ каменныхъ избранныхъ и прочая*» (с. 66).

Рассказывая о столице этого богатого края, Тобольске, автор называет его точное географическое положение: «...*градъ Тоболескъ обретається же подъ градусамъ 57 и 30 минутъ широты, даже до студенаго полунощнаго круга*». Указывается также, что «*Тоболескъ градъ наречеса отъ Тоболь реки...*» (с. 79).

В исследовании можно обнаружить высказывания об огромной высоте и величии сибирских гор, где добывали «...*самородной хрусталь, слюду чисту...*» (с. 84).

Здесь же, в горах, варили снадобье, излечивающее от всех болезней, «*вкусомь содержитъ квась и сланость*» (с. 84). При этом до сих пор неизвестно, какое лекарство имелось в виду.

Интересно, что в сочинении встречаются библейские мотивы. Так, в рассказе о мамонтовых костях упоминаются Потоп и Ноев ковчег. Ненцы полагали, что это кости единорогов, «нанесенных Ноева водою». Автор же выдвигает собственную версию относительно находок: «...не земля ли естественнее и самородне отъ себе производить кости сия» (с. 56).

В источнике приводятся названия сибирских рек: Тура, Тобол, Иртыш, Обь и др. Автор подчеркивает величие Туры, по берегам которой живут вогуличи, верующие в злых идолов. «*Въ Туру впадаетъ река Тагиль; другая Ница, и за едино совокупленна. Обаче нарыцаются первымъ именемъ Тура, первенства ради. Отсюда входите внутрь Сибирския страны; по ней же жьютелствуютъ Татаре; впадаютъ же въ реку Тоболь, Тоболь въ Иртыш, Иртыш въ великую реку Обь*» (с. 77).

Не менее богат и разнообразен языковой материал памятника письменности, позволяющий судить о состоянии русского литературного языка в период его становления. Обратимся к примерам процесса архаизации языка: «*Единое ми толико предстоитъ сумнение, да не буду осужденъ, яко не сладкословесникъ, ниже высокимъ хитросплетенныхъ словесъ украшениемъ изобрази сия и всемирному дерзну предать позорищу: обаче блюдохся, первое, да не хитросоплетениемъ словесъ покрившаяся сумнителна и неудобна сихъ истинна разумению будетъ яже ныне простонаречиемъ световидно изьявленна суть*» (с. 49). Здесь *блюдохся* – ‘оберегался’ (от слова *блюститъ* – ‘беречься’)³ (с. 100); *световидно* – сложное наречие, образованное от двух основ ‘видеть свет’, неологизм своего времени, слово отсутствует в словарях.

В целом в тексте найдено более 75 единиц устаревших слов, в частности следующие: *абысь* (татарский поп), *брань* (война), *вертепы* (пещеры), *воя* (войска), *десница*

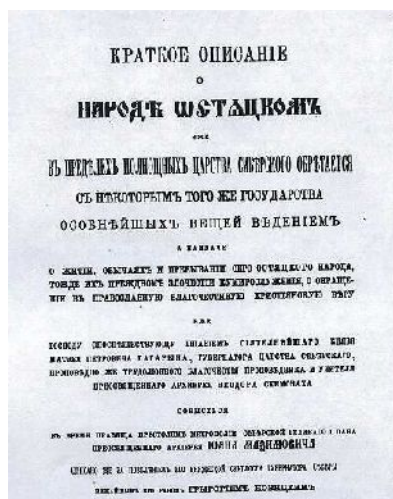

Рис. 2. Последняя страница «Краткого описания о народе остяцком», 1884 г.

Fig. 2. The last page of “A brief description of the Ostyak people”, 1884

(правая рука), *жерц* (жрец), *зрачный* (видимый), *изветъ* (донос), *истый* (подлинный), *кринь* (лилия), *палица* (посох), *прибытчество* (нажива), *пухлина* (опухоль), *тичанье* (старание), *узилице* (тюрьма), *шкаредь* (пакость) и др. Особый интерес представляет богатейший топонимический и антропонимический материал памятника.

Заключение

Таким образом, сочинение Григория Новицкого – это первый этнографический труд в России о Сибири. В работе содержатся бесценные свидетельства об укладе жизни остяков.

Текст памятника дает обширное описание сибирских земель, народов, проживающих здесь, и представляет ценный для исследователей исторический и этнокультурный материал, является свидетельством процессов, происходивших в русском языке в период становления его норм. Богатое и разнообразное содержание источника позволяет разнопрофильным ученым извлечь много интересных фактов исторического, этнографического и культурологического характера.

Несомненно, «Краткое описание о народе остяцком» заслуживает внимания историков и географов, филологов и литературоведов.

³ Словарь русского языка XVIII века. Л., 1994. Вып. 2.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов Н. А. Описание Березовского края // Записки Императорского Русского географического общества. СПб., 1857. Кн. 12. С. 329–448.
2. Бауло А. В. Священные места тотемных предков в орнитоморфном облике у обских угров // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого: сб. ст. Ханты-Мансийск; Томск, 2016. Вып. 9. С. 324–338.
3. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / пер с англ. А. Д. Шмелева. М.: Языки славян. культуры, 2001. 287 с.
4. Волдина Т. В. Изучение хантыйского фольклора в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в первые десятилетия XXI в. // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 4. С. 760–773. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-760-773.
5. Волдина Т. В. Культ родовых духов-покровителей как основа организации жизненного пространства в традиционной культуре северных групп обских угров // Финно-угорский мир в полиэтничном пространстве России: культурное наследие и новые вызовы: сб. ст. по материалам VI Всерос. науч. конф. финно-угроведов. Ижевск, 2019. С. 493–496.
6. Вртанесян Г. С. Желтой трясогузки богатырь: корни образа // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 3. С. 536–545. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-536-545.
7. Главацкая Е. М. Христианизация населения Северо-Западной Сибири в XIX в.: идея, практика, итоги // Христианское миссионерство как феномен истории и культуры (600-летию памяти святителя Стефана Великопермского): материалы Междунар. науч.-практ. конф. 1996 г. Пермь, 1997. Т. 1. С. 92–111.
8. Муллонен И. И., Захарова Е. В. Прибалтийско-финские термины с семантикой «поселение» в историко-культурной перспективе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 4. С. 671–680. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-671-680.
9. Онина С. В., Выхрыстюк М. С. Образ человека в югорском национально-культурном языковом сознании // Актуальные проблемы гуманитарных наук: история и современность. М., 2018. С. 243–265.
10. Перевалова Е. В. Северные ханты: этническая история. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 414 с.
11. Петров М. К. Язык. Знак. Культура. Изд. 2-е, стер. М.: Едиториал УРСС, 2004. 328 с.
12. Пивнева Е. А. Фоторепрезентации этнической культуры обских угров // Вестник угроведения. 2018. Т. 8, № 4. С. 716–728. DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-716-728.
13. Ругин Р. П. Легенды и мифы народа ханты. Салехард: Красный Север, 2008. 432 с.
14. Рындина О. М. Орнамент // Очерки культурогенеза народов Западной Сибири: в 4 т. Томск, 1995. Т. 3. 639 с.
15. Сагалаев А. М. Птица, дающая жизнь (из тюрко-угорских мифологических параллелей) // Мировоззрение финно-угорских народов: сб. науч. тр. Новосибирск, 1990. С. 21–34.
16. Сироткина Т. А., Ганущак Н. В. Этнические образы ханты и манси в региональной художественной литературе // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 2. С. 279–285. DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-2-279-285.
17. Старцев Г. А. Остяки: соц.-этногр. очерк. Л.: Прибой, 1928. 152 с.
18. Судаков Г. В. Проблемы употребления названия населенных пунктов (на примере ойконимии Вологодской области) // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 193–204. DOI: 10.15826/vopronom.2019.16.3.039.
19. Юргенева А. Л. Этнографическая фотография XIX века и ее современные модификации // Художественная культура. 2018. № 3. С. 136–167.
20. Яйленко В. П. Древнейшая этническая история угров по данным ономастики и письменным источниками I тыс. до н. э. / отв. ред. Я. Г. Солодкин. Тюмень: ТюмГУ; Нижневартовск: Нижневарт. гос. ун-т, 2017. 76 с.

Поступила 19.07.2022; одобрена 23.08.2022; принята 29.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

М. С. Выхрыстюк – доктор филологических наук, профессор кафедры филологического образования Тюменского государственного университета, m.s.vykhrystyuk@utmn.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7955-7351>

A written monument of Siberian writing “A brief description of the Ostyak people” by Grigory Novitsky: historical and cultural analysis

Margarita S. Vykhrystyuk

Tyumen State University,
Tyumen, Russia

Introduction. The written monument of Siberian writing “A brief description of the Ostyak people” contains a unique description of the life of the indigenous population of Siberia, the Ostyaks, made by a historiographer Grigory Novitsky on the basis of personal observations. The article analyses the structure and content of the monument, presents a historical information about the time of creation and its authorship, notes the historical and cultural significance of the source. The objective of the article is to carry out its historical and cultural analysis, including the analysis of its structure and content.

Materials and Methods. The study was based on the material of the Siberian written monument of the early XVIII century “A brief description of the Ostyak people” by G. Novitsky. To obtain objective conclusions the author employed descriptive and comparative methods. When analyzing the structure, content and information value of the text, the methods of component analysis and structural-semantic were used.

Results and Discussion. The article presents the historical and cultural analysis of the first ethnographic work on Siberia. It contains an analysis of the description of the life and culture of the Ostyaks who historically lives in Siberia, the location of their lands and contacts with other peoples. The book is noted to contain reliable information about the history of Siberia, its borders and natural wealth, the indigenous peoples living in this region, the Tatar tribes, their rulers, the initial reign of Khan Kuchum, the foundation of the first towns of Siberia, as well as the conquest of Siberia by Ermak. In detailed way the text shows the area that at that time was inhabited by the Khanty. Historically, the representatives of various language groups lived here. The text of the written monument provides the information about the diversity of cultures and languages on the territory of Siberia. The rich and varied ethno-cultural linguistic material of the written monument witnesses the state of the Russian literary national language in the period of the formation of its norms.

Conclusion. The text of the written monument, containing an extensive description of the Siberian lands and the peoples living there, is a valuable historical and ethno-cultural material for researchers, the evidence of the processes that took place in the Russian language during the formation of its norms.

Keywords: a written monument of Siberian writing, the Ostyaks, information content, historical, cultural and ethnocultural significance

For citation: Vykhrystyuk MS. A written monument of Siberian writing “A brief description of the Ostyak people” by Grigory Novitsky: historical and cultural analysis. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14:4:437-444. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.437-444.

REFERENCES

1. Abramov NA. Description of the Berezovsky region. *Zapiski Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva* = Notes of the Imperial Russian Geographical Society. Saint-Petersburg; 1857;12:329-448. (In Russ.)
2. Baulo AV. Sacred places of totem ancestors in ornithomorphic form among the Ob Ugrians. *Khanty-Mansiiskii avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo: sb. st.* = Khanty-Mansi Autonomous okrug in the mirror of the past. Collection of articles. Khanty-Mansiysk; Tomsk; 2016;9:324-338. (In Russ.)
3. Vezhbitskaia A. Understanding cultures through keywords. Moscow; 2001. (In Russ.)
4. Voldina TV. Study of Khanty folklore in Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra in the first decades of the XXI century. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2020;10:4:760-773. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-4-760-773.
5. Voldina TV. The cult of patrimonial patron spirits as the basis for the organization of living space in the traditional culture of the northern groups of the Ob Ugric peoples. *Finno-ugorskii mir v polietnichnom prostranstve Rossii: kul'turnoe nasledie i novye vyzovy: sb. st. po materialam VI Vseros. nauch. konf. finno-ugrovedov* = The Finno-

- Ugric world in the multi-ethnic space of Russia: cultural heritage and new challenges. Collection of articles based on materials of the VI All-Russian scientific conference of Finno-Ugric studies. Izhevsk; 2019:493–496. (In Russ.)
6. Vrtanesian GS. The Hero of The Yellow Wagtail: roots of the image. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2021;11;3:536–545. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-536-545.
 7. Glavatskaia EM. Christianization of the population of Northwestern Siberia in the XIX century: idea, practice, results. *Khristianskoe missiонерство как феномен истории и культуры (600-letiiu pamiati sviatitelia Stefana Velikopermskogo): materialy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* = Christian missionary work as a phenomenon of history and culture (to the 600th anniversary of the memory of St. Stephen of Great Perm). Materials of the International scientific-practical conference. Perm; 1997;1:92–111. (In Russ.)
 8. Mullonen II, Zakharova EV. Baltic-Finnish terms with the semantics ‘settlement’ in historical and cultural perspective. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2019;9;4:671–680. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-4-671-680.
 9. Onina SV, Vykhrystyuk MS. The image of a person in the Ugra national-cultural linguistic consciousness. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh nauk: istoriia i sovremennost'* = Actual problems of the humanities: history and modernity. Moscow; 2018:243–265. (In Russ.)
 10. Perevalova EV. Northern Khanty: ethnic history. Ekaterinburg; 2004. (In Russ.)
 11. Petrov MK. Language, sign, culture. Ed. 2nd, stereotypical. Moscow; 2004. (In Russ.)
 12. Pivneva EA. Photo-representation of the Ob Ugrians' ethnic culture. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2018;8;4:716–728. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2018-8-4-716-728.
 13. Rugin RP. Legends and myths of the Khanty people. Salekhard; 2008. (In Russ.)
 14. Ryndina OM. Ornament. *Ocherki kul'turogeneza narodov Zapadnoi Sibiri: v 4 t.* = Essays on the cultural genesis of the peoples of Western Siberia. Tomsk; 1995;3. (In Russ.)
 15. Sagalaev AM. A bird that gives life (from Turkic-Ugric mythological parallels). *Mirovozzrenie finno-ugorskikh narodov: sb. nauch. tr.* = Worldview of the Finno-Ugric peoples. Collection of scientific papers. Novosibirsk; 1990:21–34. (In Russ.)
 16. Sirotkina TA, Ganuschak NV. Ethnic images of the Mansi and Khanty in regional fiction. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric studies. 2019;9;2:279–285 (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-2-279-285.
 17. Startsev GA. Ostyaks: a socio-ethnographic essay. Leningrad; 1928. (In Russ.)
 18. Sudakov GV. Settlement names: problems of conventional usage (with reference to oikonyms of the Vologda region). *Voprosy onomastiki* = Problems of onomastics. 2019;16;3:193–204. (In Russ.). DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.039.
 19. Yurgeneva AL. Ethnographic photography of the XIX century and its modern transformations. *Khudozhestvennaia kul'tura* = Art & Culture Studies. 2018;3:136–167. (In Russ.)
 20. Iailenko VP. The oldest ethnic history of the Ugric peoples according to onomastics and written sources of the 1st millennium BC. Tyumen; Nizhnevartovsk; 2017. (In Russ.)

Submitted 19.07.2022; reviewing 23.08.2022; accepted 29.09.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

M. S. Vykhrystyuk – Doctor of Philology, Professor, Department of Philological Education, Tyumen State University, margaritavv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7955-7351>

Поземельно-хозяйственная функция общины крестьян Коми края в XVIII в.

Анна Капитоновна Гагиева

*Коми республиканская академия государственной службы и управления,
Сыктывкар, Россия*

Введение. Статья посвящена изучению истории общины и ее функций, среди которых одной из основных являлась поземельно-хозяйственная. На протяжении ряда столетий она определяла жизнь и мироустройство каждой крестьянской семьи, деревни и волости и в конечном счете создавала прочную основу развития государства, где крестьянство выступало главным производителем сельскохозяйственной продукции, а сельское хозяйство – основой экономики. Актуальность темы усиливается отсутствием исследований по истории общины крестьян Коми края в XVIII в. Цель статьи – рассмотреть поземельно-хозяйственную функцию крестьянской общины Коми края в эпоху позднего феодализма. Для ее достижения решались следующие задачи: изучались роль и место крестьянского мира при решении поземельных споров и конфликтов как внутри волости, так и за ее пределами.

Материалы и методы. Основой методики исследования стал системный подход, а базовыми методами – системно-структурный, исторический, формально-юридический. С их помощью были проанализированы опубликованные и неопубликованные документы.

Результаты исследования и их обсуждение. Как показало изучение опубликованных и неопубликованных документов, на территории Коми края (Яренский и Усть-Сысольский уезды), где проживало черносошное, а позднее государственное крестьянство, в изучаемое время роль общины как поземельно-хозяйственной организации усложнялась, что было связано с рядом правительственных мероприятий. Они привели к усилению крестьянского малоземелья и нищеты. Переделы земель, которые виделись власти выходом из создавшегося положения, не стали повсеместными.

Заключение. В XVIII в. при урегулировании поземельно-хозяйственных отношений община крестьян Коми края приобрела ряд специфических черт. Наряду с мирским землепользованием здесь активно развивалось индивидуальное, что определяло характер взаимоотношений между однообщинниками. К концу изучаемого периода община сама стала активным участником поземельных операций. Она заключала договоры аренды с заводчиками и купцами на пользование теми или иными участками мирского земельного фонда.

Ключевые слова: община, воеводская канцелярия, Яренский уезд, Усть-Сысольский уезд, надел, пашня, сенокос

Для цитирования: Гагиева А. К. Поземельно-хозяйственная функция общины крестьян Коми края в XVIII в. // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 445–452. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.445-452.

Введение

Вопросы хозяйственного освоения Европейского Севера России и входящих в него регионов в прошлом и настоящем стоят в ряду крупномасштабных проблем истории, в том числе таких как развитие сельскохозяйственного производства, вклад крестьянства в хозяйственное освоение территорий, земельная обеспеченность населения и др.

Актуальность изучения поземельной общины крестьян Коми края и ее хозяйственной функции не вызывает сомнений. Поземельные отношения на протяжении ряда столетий определяли жизнь и мироустройство каждой крестьянской семьи, деревни и волости и в конечном счете создавали прочную основу развития государства, где крестьянство являлось главным

производителем сельскохозяйственной продукции.

До настоящего времени нет специальных работ по истории общины крестьян Коми края в эпоху позднего феодализма. Цель статьи – рассмотреть поземельно-хозяйственную функцию крестьянской общины Коми края на протяжении XVIII в. Для ее достижения решались следующие задачи: изучались роль и место крестьянского мира при решении поземельных споров и конфликтов как внутри волости, так и за ее пределами.

Обзор литературы

Изучение истории крестьянских поземельных союзов Европейского Севера занимает особое место в историографии. По

нашим данным, только истории северной общины досоветского периода посвящено 113 работ, в том числе монографий, статей, очерков и др.¹

Первой в рассматриваемом направлении была статья А. Лалоша «Сельская община в Олонецкой губернии», опубликованная в 1874 г., где автор пытался выявить специфические отличия крестьянских общин Севера и Юга России [18]. В 1877 г. П. А. Соколовский в работе «Очерки истории сельской общины на Севере России» открыл новый этап в исследовании вопроса. Он утверждал, что в северной общине не было экономического неравенства и принуждения, а господствовали равные права ее членов [25, 39–52]. А. Я. Ефименко вступила в полемику с П. А. Соколовским и выдвинула интересную теорию, согласно которой на Севере колонизация и освоение незаселенных пространств происходили семейными союзами – задругами или печищами. Создавалось нераздельное владение большой родовой семьей [9]. Печищное землевладение было основано на принципе «долевой организации». Каждый двор имел право на долю земельного владения деревни. В результате эволюции семейно-долевого землевладения и в силу определенных исторических условий общинное землевладение в течение XVII в. превратилось в подворное, которое сохранялось и в последующие периоды. При этом община на Севере являлась не только поземельной, но и общественной организацией, имевшей выборное общинное управление и аппарат [8, 149, 170].

На рубеже XIX–XX вв. внимание исследователей привлекала и община крестьян Коми края. И. Красноперов в статье «Зырянская община на Севере России» показал особенности поземельных отношений в крае и поддержал концепцию А. Я. Ефименко [17]. Аналогичной точки зрения придерживался и М. Большаков, описывая крестьянскую общину у зырян начала XX в. [6]. Особо следует сказать о работе М. М. Богословского «Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в.» [5]. Написанная на

основе большого количества исторических источников, в том числе писцовых и переписных книг, впервые введенных в научный оборот, она была посвящена заселению и самоуправлению крестьянских миров Поморья и Европейского Севера. Автор считал, что крестьянские общины, сформированные в XVII в., были самостоятельными самоуправляющимися единицами, которые решали самые разнообразные вопросы крестьянской жизни, в том числе поземельные.

В XX – начале XXI в. исследование функций крестьянской организации вышло на новый этап [1–3; 7; 15; 16; 24]. Изучались история общины досоветского периода у финно-угорских народов [13; 14; 19; 22; 24], крестьян Центральной России [1; 23], Русского Севера [2; 15; 16], Сибири [20]. Интересным представляется исследование Л. Н. Никитиной, посвященное удмуртской соседской общине, где впервые была дана характеристика поземельной организации, а также показана специфика ее деятельности в пореформенный период².

В то же время в региональной историографии появились работы по истории землепользования в Коми крае в XVIII в. В первую очередь речь идет о статьях Д. Д. Балугево [3; 4]. К сожалению, история крестьянской общины не входила в круг ее исследовательских задач. В фундаментальных трудах по истории Республики Коми основное внимание было уделено землепользованию и землевладению, истории сельскохозяйственного производства, агротехнике и т. д. [10–12; 21]. Об общине как крестьянском поземельном союзе практически нечего не говорилось.

Материалы и методы

Основой методики исследования стал системный подход, а базовыми методами – системно-структурный, исторический, формально-юридический и некоторые другие. С их помощью были проанализированы опубликованные и неопубликованные документы. Последние традиционно делились на директивные (постановления и реше-

¹ См.: Гагиева А. К. Община крестьян Коми края во второй половине XVIII в.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1987.

² См.: Никитина Л. Н. Ссоседская община у удмуртов в пореформенный период (1861–1900 гг): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1984.

ния), организационные (протоколы заседаний), коммуникативные (переписка), учетно-отчетные (отчеты). Архивные источники были представлены архивными фондами, отложившимися в различных архивохранилищах страны: Российского государственного архива древних актов (РГАДА)³; Государственного архива Вологодской области (ГА ВО)⁴; Научного архива Коми научного центра Уральского отделения РАН (НА КНЦ УрО РАН)⁵. Были изучены постановления воеводской канцелярии и уездного суда, документы волостных органов управления, отчеты и донесения представителей волостной и уездной администраций по вопросам землевладения и землепользования. Для решения задач исследования также был привлечен массив опубликованных источников – нормативные и законодательные акты, отраженные в Полном собрании законов Российской империи⁶.

Необходимо признать, что исследователям, которые занимались и сегодня занимаются проблемами феодализма, представленные исторические источники хорошо известны. Тем не менее для изучения поземельно-хозяйственной функции крестьянской общины Коми края в XVIII в. они привлечены впервые.

Результаты исследования и их обсуждение

Коми край – термин условный. Он включает территории бассейнов текущих в разных направлениях рек: Печоры, Вычегды, Сысолы и их притоков. Этот обширный регион начиная с первой половины XVIII в. испытывал постоянные трансформации в сфере управления, которые сопровождались изменениями в административном устройстве. К 1750 г. исследуемая территория входила в Яренский и Пустозерский уезды Архангелогородской и Сибирской губерний. Спустя 30 лет, в связи с образованием Вологодского наместничества, она была включена в различные уезды и губернии: Пустозерский уезд и Пысская волость – в

Мезенский уезд Архангелогородского наместничества (с 1796 г. – в Архангелогородскую губернию); район рек Лузы и Летки – в Лальский уезд Великоустюжской области (с 1796 г. – в Усть-Сысольский уезд).

В 1780 г. Яренский уезд был разделен на Яренский и Усть-Сысольский с населением более 67 тыс. чел. [12, 218–224]. В большинстве своем оно относилось к категории черносошных, с начала XVIII в. – государственных крестьян, которые не знали крепостной зависимости, платили налоги и исполняли государственные повинности в пользу государства. Они издавна были объединены в крестьянские общины – волости. Собственником всей земли в крае, включая удобные и неудобные для хлебопашества земли, было государство, передававшее право пользования землей крестьянским организациям, за что последние должны были выплачивать налоги и исполнять повинности.

Как показывают исторические источники, волости, где проживало крестьянское население, являлись административными и поземельными единицами. Сложившаяся здесь крестьянская община по структуре и функциям напоминала общину Европейского Севера, но имела особенности, прежде всего в вопросах распоряжения землей. Все земли сами крестьяне делили на мирские, находящиеся в общем пользовании всех крестьян волости, и личные, причем пашня и сенокос в большинстве случаев состояла в бессрочном условном индивидуальном крестьянском пользовании.

Несмотря на то что с 1766 г. правительство запрещало обращение с землей внутри волости, крестьяне края на протяжении исследуемого периода продолжали активно и свободно продавать, покупать, передавать по наследству, обменивать свои участки⁷. Иногда на этой почве возникали споры и конфликты. Для их разрешения существовали мирской сход и выборное крестьянское управление. Если земля не выходила из тягла и поземельная сделка не затрагивала интересов односельчан, то пози-

³ РГАДА. Ф. 609. Оп. 1–3.

⁴ ГА ВО. Ф. 844. Оп. 1.

⁵ НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 12. Д. 45; Ф. 5. Оп. 2. Д. 401.

⁶ См.: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1-е. 1649–1825 гг. СПб., 1830.

⁷ НА КНЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 12. Д. 45. Л. 67–69, 149, 150–151 и др.

ция общества была нейтральной. Должны были быть соблюдены все формальности: подготовлены документы и заплачены пошлины⁸. Если же возникали споры и было обращение к представителям крестьянского управления, то для их разрешения собирался мирской сход. В 1772 г. в Палевицкой волости на «мирском» сходе разбирались челобитная Ивана Шуктомова о разделе между братьями сенокосных и пашенных земель. В документе отмечалось, что отец разделил землю между братьями, но Ивану достался «худший участок... и его [Ивана] изобидели». Он просил пересмотреть раздел и дать ему более удобные участки⁹. Аналогичная жалоба рассматривалась в Часовской волости в 1765 г.¹⁰. Ни в том ни в другом случае община не встала на сторону истцов, так как земля была передана и разделена по наследству, о чем имелись подтверждающие документы и свидетели.

Количество подобного рода дел, обсуждаемых на «мирских» сходах, постоянно возрастало. Этому способствовало и Генеральное межевание земель, проведенное в крае в 1784–1786 гг. По его итогам крестьянское землепользование получило юридическое оформление и ограничение. Каждой волости были отведены так называемые дачи (усадебные, сенокосные земли, выгон, лес, неудобные земли) из расчета 15 дес. на одну ревизскую душу. Расчищенные ранее земельные участки, находящиеся в 15 верстах от селений, не попадали в крестьянский земельный фонд волости¹¹. Они были отмежеваны в казну и превращены в казенные оброчные статьи. Крестьяне теряли землю и пытались доказать свое право на владение участками на мирских сходах, а если этого не получалось, то обращались к уездным властям. В этом случае мир всегда защищал интересы односельчан.

Кроме индивидуальных в каждой общине существовали мирские земли: участки под улицами, лежащие «впусте» (не введенные в сельскохозяйственный оборот), пастбища,

реки, леса и др.¹² За них необходимо было выплачивать налоги, которые собирались со всех крестьян волости, что было обременительно. Довольно часто решением мирского схода часть этих земель отдавалась на откуп односельчанам. Источники показывают, что получить их можно было на разных основаниях: посредством аренды, покупки, выкупа и т. д.)¹³. При сделке оформлялись следующие документы: письменное решение мирского схода, крепость на владение землей, квитанции об уплате пошлин. В документе оговаривалось, что, если участок не содержался «в культурном состоянии», т. е. зарастал кустарниками и травой, он должен был вернуться в разряд мирских. Например, так поступили в 1776 г. с арендованной у мира землей крестьянина Визингской волости Дикоева, который «землю запустил, причитающие деньги не платит и все пропил»¹⁴.

Для выплаты постоянно растущих денежных налогов община на изучаемой территории сдавала в аренду земли купцам, мещанам, промышленникам. В основном это были земли, смытые в одном месте и нанесенные в другом, сенокосы, промысловые угодья и др. На протяжении всего изучаемого периода число таких сделок постоянно росло. Если одна из сторон не выполняла взятые на себя обязательства, то окончательное решение оставалось за уездной администрацией.

Поземельно-хозяйственная функция крестьянской общины в крае наиболее ярко проявилась при защите мирских земель от посягательств частных лиц: заводовладельцев, купцов и мещан. Об этом неоднократно упоминалось в работах исследователей. Крестьянские организации активно отстаивали свои права на пользование землей. Судебные тяжбы длились годами, и довольно часто крестьянские миры выходили из них победителями [20, 52].

Аналогичную позицию занимали крестьянские организации, когда наблюдались злоупотребления со стороны правитель-

⁸ ГА ВО. Ф. 844. Оп. 1. Д. 142. Л. 52, 52 об.; РГАДА. Ф. 609. Оп. 1. Д. 2. Л. 1; Оп. 2. Д. 389 и др.

⁹ РГАДА. Ф. 609. Оп. 1. Д. 666. Л. 35.

¹⁰ Там же. Оп. 2. Д. 121. Л. 18.

¹¹ См.: ПСЗ. Т. 17, № 12659.

¹² РГАДА. Ф. 609. Оп. 1. Д. 399. Л. 2, 7; Д. 245. Л. 3–5; Д. 156. Л. 6–9 и др.

¹³ Там же. Д. 399. Л. 1–47.

¹⁴ Там же. Л. 48–50.

ственных чиновников, – при проведении межевания те нередко шли на поводу у посадских людей и записывали крестьянские земли в их владение. Так, в общее владение усть-сысольских купцов было замежевано более 350 дес. земли, которыми пользовались крестьяне деревень Озел, Сейты и других населенных пунктов [12, 238]. В результате судебных разбирательств купцам и мещанам пришлось заплатить штраф.

Рассматривая поземельно-хозяйственную функцию крестьянской организации, нельзя не сказать о земельных переделах. Известно, что сразу же после проведения межевания правительство стало вводить в практику общегосударственное санкционирование уравнения всех земельных владений государственных крестьян. Этому были посвящены Инструкция землемерам, к Генеральному всей империи земель размежеванию 1766 г. и законы 1797–1798 и 1800 гг.¹⁵ Переделы становились обязательными. Они поддерживались государственной властью и должны были, по мнению верховного собственника земли, помочь тем, кто не имел 15-десятинной нормы. Законом 1798 г. казенным палатам предписывалось учинить «разверстку земель между казенными крестьянами совершенно уравнительную по всей губернии единожды»¹⁶. Разверстку должны были проводить чиновники администраций совместно с мирским управлением и с согласия мирского схода.

Как показывают исторические источники, классических валовых переделов в волостях края не проводилось. Однако о частных переделах существуют некоторые косвенные упоминания. Например, в окладной книге земского целовальника Гамской волости Яренского уезда Михаила Авакумова за 1764 г. при раскладке оброчного сбора между крестьянами для определения их состоятельности была учтена вся волостная земля, включая личные и мирские земли. В результате пересмотра норм надельной земли из 50 домохозяев у 34 изменилось земельное обеспечение¹⁷. Такая же разверстка-передел, по свидетельству

источника, наблюдалась в Ленской волости в 1774 г., когда «сотские и мирские люди учинили уравнительную разверстку, которой с 1770 г. не было»¹⁸. Разверстка земли в том и другом случае проходила прежде всего с учетом изменений в хозяйственном состоянии крестьянина.

Крестьянский мир поддерживал переделы, так как это позволяло снизить налоговую нагрузку для отдельных категорий крестьян и перераспределить ее в пользу более крепких в экономическом плане.

Заключение

Как и в предыдущий период, в XVIII в. на территории Коми края господствовала территориальная соседская община, границы которой совпадали с административной единицей – волостью. По структуре и задачам она напоминала вотчинную общину центра России и имела общие черты с подобными организациями финно-угорских народов: наличие «мирских», т. е. общих для всех крестьян, земель, солидарность при отстаивании земельного фонда волости и др.

Вместе с тем на территории Коми края поземельная функция общины на протяжении XVIII столетия приобрела ряд специфических черт. Во-первых, здесь наряду с мирским землепользованием активно развивалось индивидуальное. Крестьянский мир контролировал количество земли в каждом хозяйстве, поддерживал и сохранял взгляды крестьян на землю как на собственную. Он разрешал поземельные споры и не прибегал при этом к помощи уездной администрации. Во-вторых, к концу изучаемого периода община сама стала активным участником поземельных операций. Она заключала договоры аренды с заводчиками и купцами на пользование теми или иными участками из мирского земельного фонда. При любой форме соблюдалось одно условие – исправная выплата поземельного денежного налога. В-третьих, к концу XVIII в. задачи по урегулированию поземельно-хозяйственных отношений в общине усложнились, что

¹⁵ См.: ПСЗ. Т. 26, № 16662, 19500, 19639.

¹⁶ Там же. Т. 25, № 18633.

¹⁷ РГАДА. Ф. 609. Оп. 2. Д. 172. Л. 14–17 об.

¹⁸ Там же. Оп. 1. Д. 669. Л. 222.

было связано с рядом правительственных мероприятий, которые привели к усилению крестьянского малоземелья и нищеты. Пе-

ределы, которые представлялись власти выходом из сложившейся ситуации, на изучаемой территории не стали массовыми.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Александров В. А. Сельская община в России (XVII – начало XIX в.) / АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 1976. 323 с.
2. Бакланова Е. Н. Крестьянский двор и община на русском Севере: Конец XVII – начало XVIII в. / АН СССР, Ин-т истории СССР. М.: Наука, 1976. 221 с.
3. Балуева Д. Д. Из истории земельных отношений в Коми крае в XVIII в. // Историко-филологический сборник. Сыктывкар, 1958. Вып. 4. С. 53–73.
4. Балуева Д. Д. Имущественное расслоение и развитие отходничества в коми деревне в середине XVIII в. // К вопросу о первоначальном накоплении в России (XVII–XVIII вв.): сб. ст. М., 1958. С. 222–242.
5. Богословский М. М. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. В 2 т. Т. 1. Областное деление Поморья; Землевладение и общественный строй; Органы самоуправления. М.: Синод. тип., 1909. 428 с.
6. Большаков М. А. Община у зырян // Живая старина. СПб., 1909. Вып. 1–4.
7. Гагиева А. К. Влияние российской модернизации на систему управления в Коми крае в XVIII в. // Вестник архивиста. 2021. № 3. С. 779–790. DOI: 10.28995/2073-0101-2021-3-779-790.
8. Ефименко А. Я. Исследования народной жизни. Вып. 1. Обычное право. М.: «Русская» типо-литогр., 1884. 384 с.
9. Ефименко А. Я. Народные юридические обычаи лопарей, карелов и самоедов Архангельской губернии. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1877. 231 с. (Зап. Императ. Рус. геогр. о-ва по отчасти этнографии; т. 8).
10. Жеребцов Л. Н. Историко-культурные взаимоотношения коми с соседними народами, X – нач. XX в. М.: Наука, 1982. 224 с.
11. История Коми АССР с древнейших времен до наших дней / под ред. И. Б. Берхина. 2-е изд. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1981. 480 с.
12. История Коми: с древнейших времен до конца XX в.: в 2 т. / под ред. А. Ф. Сметанина. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 2004. Т. 1. 559 с.
13. Кадыкова Г. Н. Марийская крестьянская семья Васильского уезда Нижегородской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Финно-угорский мир. 2016. № 4. С. 90–95.
14. Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М.: Изд-во МГУ, 1978. 344 с.
15. Колесников П. А. История Европейского Севера СССР феодальной и капиталистической эпох в дореволюционной и советской литературе // Вопросы аграрной истории: материалы науч. конф. по истории сел. хоз-ва и крестьянства Европ. Севера СССР. Вологда, 1968. Вып. 1. С. 465–500.
16. Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX в.: К вопросу об эволюции аграр. отношений в рус. государстве. Вологда: Сев.-Зап. кн. изд-во. Волог. отд-ние, 1976. 416 с.
17. Красноперов И. Зырянская община на Севере России // Землеведение. 1908. Кн. 2. С. 59–86.
18. Лалош А. Сельская община в Олонецкой губернии // Отечественные записки. 1874. Т. 2. С. 218–237.
19. Мальцева А. К. Роль общины крестьян Коми края в вопросах землевладения и землепользования // Коми крестьянство в эпоху феодализма и капитализма. Сыктывкар, 1983. Вып. 29. С. 39–54.
20. Миненко Н. А. Русская крестьянская община в Западной Сибири, XVIII – первая половина XIX в. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 263 с.
21. Очерки по истории Коми АССР / под ред. К. В. Сивкова и др. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1955. Т. 1. 352 с.
22. Першина Т. А., Першин С. В. Родственный состав мордовской, русской и татарской семьи-домохозяйства в первой половине XIX в.: сравнительный анализ // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 1. С. 78–86. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.78-86.
23. Прокофьева Л. С. Крестьянская община в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в.: (На материалах вотчин Шереметьевых). Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1981. 215 с.
24. Смирнов И. Н. Дореволюционная марийская семья и ее быт // Межэтнические связи населения Марийского края. Йошкар-Ола, 1991. С. 94–122. (Археология и этнография Мар. края; вып. 20).
25. Соколовский П. А. Очерки истории сельской общины на Севере России. СПб.: Тип. В. Ф. Демакова, 1877. 188 с.

Поступила 21.02.2022; одобрена 19.03.2022; принята 29.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

А. К. Гагиева – доктор исторических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Коми республиканской академии государственной службы и управления, gngkol2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6095-5082>

Land and economic function of the peasants' community of the Komi region in the XVIII century

Anna K. Gagieva

*Komi Republican Academy of Public Administration and Management,
Syktyvkar, Russia*

Introduction. The article studies of the history of the community and its functions, with land-economic being one of the main ones. For a number of centuries, it determined the life and world order of every peasant family, village and parish, and ultimately created a solid foundation for the development of the state, where the peasantry was the main producer of agricultural products, and agriculture was the basis of the economy. The relevance of the topic is also enhanced by the lack of research on the history of the peasant community of the Komi Region in the XVIII century. The purpose of the article is to consider the land-economic function of the peasant community of the Komi region in the era of late feudalism. To achieve it, the following items were considered: the role and place of the peasant "world" in solving land disputes and conflicts both inside the parish and outside it were studied.

Materials and Methods. The research methodology is based on a systematic approach, with other relevant methods such as system-structural, historical, formal-legal and others to be employed. They formed the basis for the analysis of published and unpublished documents.

Results and Discussion. The study of published and unpublished documents shown that on the territory of the Komi Territory (Yarensky and Ust-Sysolsky counties), there were the black-collar and later state peasantry. At the time under study the role of the community as a land-economic organization became more complicated, which was due to a number of government measures. They led to an increase in peasant land shortage and poverty. Land redistribution, which the authorities considered as a solution, did not become widespread.

Conclusion. In the XVIII century, during the settlement of land-economic relations, the community of peasants of the Komi region acquired a number of specific features. Firstly, along with the mundane land use, the individual actively developed. Secondly, by the end of the study period, the peasants' community itself became an active participant in land operations. It rented out, entered into contracts with individuals, breeders, merchants, for the use of certain sections of the "mundane" land fund.

Keywords: community, voivodeship office, Yarensky district, Ust-Sysolsky district, allotment, arable land, haymaking

For citation: Gagieva AK. Land and economic function of the peasants' community of the Komi region in the XVIII century. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;4:445–452. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.445-452.

REFERENCES

1. Aleksandrov VA. Rural community in Russia (XVII – early XIX century). Moscow; 1976. (In Russ.)
2. Baklanova EN. Peasant household and community in the Russian North: Late XVII – early XVIII century. Moscow; 1976. (In Russ.)
3. Balueva DD. From the history of land relations in the Komi region in the XVIII century. *Istoriko-filologicheskii sbornik* = Historical and philological collection. Syktyvkar; 1958;4:53–73. (In Russ.)
4. Balueva DD. Property stratification and development of otkhodnichestvo in the Komi village in the middle of the XVIII century. *K voprosu o pervonachal'nom nakoplenii v Rossii (XVII–XVIII vv.): sb. st.* = On the issue of primitive accumulation in Russia (XVII–XVIII centuries). Collection of articles. Moscow; 1958:222–242. (In Russ.)
5. Bogoslovskii MM. Zemstvo self-government in the Russian North in the XVII century. Moscow; 1909;1. (In Russ.)
6. Bol'shakov MA. The community of the Zyryans. *Zhivaia starina* = Living antiquity. Saint-Petersburg; 1909;1–4. (In Russ.)
7. Gagieva AK. Influence of Russian modernization on the management system in the Komi region in the XVIII century. *Vestnik arkhivista* = Herald of an archivist. 2021;3:779–790. (In Russ.). DOI: 10.28995/2073-0101-2021-3-779-790.
8. Efimenko A Ia. Studies of folk life. Moscow; 1884;1. (In Russ.)

9. Efimenko AIa. Folk legal customs of the Lapps, Karelians and Samoyeds of the Arkhangelsk province. Saint-Petersburg; 1877;8. (In Russ.)
10. Zhrebttsov LN. Historical and cultural relations of the Komi with neighboring peoples, X – early XX century. Moscow; 1982. (In Russ.)
11. Berkhin IB, ed. History of the Komi ASSR from ancient times to the present day. 2nd ed. Syktyvkar; 1981. (In Russ.)
12. Smetanin AF, ed. History of Komi: from ancient times to the end of the XX century. Syktyvkar; 2004;1. (In Russ.)
13. Kadykova GN. Mari peasant family of the Vasil'sky district of the Nizhny Novgorod province at the end of the XVIII – the first half of the XIX centuries. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2016;4:90–95. (In Russ.)
14. Kozlova KI. Essays on the ethnic history of the Mari people. Moscow; 1978. (In Russ.)
15. Kolesnikov PA. History of the European North of the USSR in the feudal and capitalist eras in pre-revolutionary and Soviet literature. *Voprosy agrarnoi istorii: materialy nauch. konf. po istorii sel. khoz-va i krest'ianstva Evrop. Severa SSSR.* = Questions of agricultural history. Proceedings of the scientific conference on the history of agriculture and the peasantry of the European North of the USSR. Vologda; 1968;1:465–500. (In Russ.)
16. Kolesnikov PA. Northern village in the XV – first half of the XIX centuries: On the evolution of agrarian relations in the Russian State. Vologda; 1976. (In Russ.)
17. Krasnoperov I. Zyryan community in the North of Russia. *Zemlevedenie* = Geography. 1908;2:59–86. (In Russ.)
18. Lalosh A. Rural community in the Olonets province. *Otechestvennye zapiski* = Domestic notes. 1874;2:218–237. (In Russ.)
19. Mal'tseva AK. The role of the community of peasants of the Komi region in matters of land ownership and land use. *Komi krest'ianstvo v epokhu feodalizma i kapitalizma* = Komi peasantry in the era of feudalism and capitalism. Syktyvkar; 1983;29:39–54. (In Russ.)
20. Minenko NA. Russian peasant community in Western Siberia, XVIII – first half of the XIX century. Novosibirsk; 1991. (In Russ.)
21. Sivkov KV et al., eds. Essays on the history of the Komi ASSR. Syktyvkar; 1955;1. (In Russ.)
22. Pershina TA, Pershin SV. The relative composition of the Mordovian, Russian and Tatar family-households in the first half of the XIX century: a comparative analysis. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;1:78–86. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.01.78-86.
23. Prokof'eva LS. Peasant community in Russia in the second half of the XVIII – first half of the XIX century: (Based on the materials of the Sheremetev estates). Leningrad; 1981. (In Russ.)
24. Smirnov IN. Pre-revolutionary Mari family and its way of life. Interethnic relations of the population of the Mari region. *Mezhetnicheskie svyazi naseleniia Mariiskogo kraia* = Interethnic relations of the population of the Mari region. Yoshkar-Ola; 1991;20:94–122. (In Russ.)
25. Sokolovskii PA. Essays on the history of a rural community in the North of Russia. Saint-Petersburg; 1877. (In Russ.)

Submitted 28.03.2022; reviewing 22.04.2022; accepted 29.09.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

A. K. Gagieva – Doctor of History, Professor, Department of State and Municipal Administration, Komi Republican Academy of Public Administration and Management, gngkol2@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6095-5082>

Домашние животные и птицы в традиционных обрядах мордвы: финно-угорский контекст

Татьяна Петровна Девяткина

*Мордовский государственный педагогический университет
имени М. Е. Евсевьева*

Серрафима Сергеевна Панфилова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва
Саранск, Россия*

Введение. В статье представлено исследование функций домашних животных и птиц в традиционных обрядах мордвы в контексте других финно-угорских этносов России. Выявлен уровень трансформации анималистических и орнитоморфных обрядов мордвы, а также их сходства и различия с обрядами марийцев, удмуртов, коми, карел, вепсов, хантов.

Материалы и методы. В основу исследования положены как опубликованные фольклорно-этнографические материалы, так и полевые материалы авторов. Их анализ осуществлен посредством описательного и сравнительно-сопоставительного методов в синхронии и диахронии.

Результаты исследования и их обсуждение. В исследовании впервые выявлено многообразие функций домашних животных и птиц в традиционных обрядах мордвы в контексте других финно-угорских этносов России. Помимо роли ритуальной жертвы они выполняют апотропеическую функцию в народных приметах и гаданиях, благодарственную и умилостивительную – в обрядах, связанных с божествами-покровителями. В современной культуре мордвы и других финно-угорских этносов России наблюдается трансформация традиционных обрядовых функций домашних животных и птиц в утилитарную.

Заключение. Сопоставительный анализ мордовских материалов с данными марийцев, карел, коми, удмуртов, вепсов, хантов показал, что традиционным обрядам каждого этноса присущи как специфические, так и общие характеристики использования домашних животных и птиц. В современной обрядовой практике данных этносов куры, петухи, овцы и свиньи выполняют утилитарную функцию.

Ключевые слова: мордва, домашние животные, домашние птицы, обряды, гадания, народные приметы, снотолкования

Для цитирования: Девяткина Т. П., Панфилова С. С. Домашние животные и птицы в традиционных обрядах мордвы: финно-угорский контекст // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 453–462. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.453-462.

Введение

Функции домашних животных и птиц были весьма четко обозначены уже на ранней стадии развития религиозно-мифологических представлений мордвы и ряда других финно-угорских этносов России. Домашний скот и птица могли выступать в роли сакральных существ – носителей плодородия, цикличности, а также занимали важное место в традиционных обрядах, приметах, гаданиях, народной медицине. Исследование было предпринято с целью выявления функций домашних животных (лошадей, овец, свиней, коров, бычков, собак, кошек) и птиц (гусей, уток, кур, пе-

тухов) в традиционных обрядах мордвы в сопоставлении с обрядами марийцев, удмуртов, коми, карел, вепсов, хантов.

Обзор литературы

Анализ опубликованных на данный момент научных работ показал, что обозначенная нами тема не была предметом отдельного исследования. Однако некоторые ее аспекты были отражены в публикациях первых собирателей фольклора и этнографии начиная со второй половины XIX в. В частности, ими была отмечена функция животных как жертвенных во

время языческих календарных обрядов-молений (озксов) мордвы в различных областях Российской империи [13; 16]. Из ранних публикаций заслуживает внимания работа В. Майнова, который впервые указал на то, что для каждого озкса мордвы устанавливался вид и цвет жертвенного животного [22, 90].

Важным в данном контексте является исследование М. Е. Евсевьева «Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии» [7]. В работе дано подробное описание нескольких религиозно-магических обрядов-озксов с жертвоприношениями животных, проводившихся в 1910 г. в Наровчатовском, Городищенском, Инсарском уездах Пензенской губернии. В публикации П. И. Мельникова-Печерского «Очерки мордвы» зафиксированы жертвоприношения домашних животных и птиц в честь божеств-покровителей свиней, лошадей, овец [11, 57–63]. Для нашего исследования большой интерес представляют материалы о роли домашней живности в приметах и снотолкованиях мордвы, приведенные в работе Х. Паасонена¹.

В последние годы к изучению функций некоторых домашних животных и птиц в традиционных обрядах, мифологических представлениях, приметах, снотолкованиях мордвы обращались Т. П. Девяткина [6; 19; 20], К. И. Сайгутина, М. А. Тростина [17], Е. Ю. Федорова [18]. Надо отметить, что данные исследования не выходят за рамки традиционной мордовской культуры, так как авторы не ставили цель ее сопоставления с культурами других финно-угорских этносов.

Домашние животные и птицы в традиционной магической практике удмуртов и бесермян подробно исследованы Л. А. Волковой [3]; Т. Г. Миннихметовой рассмотрены некоторые домашние животные в связи с календарными обрядами закамских удмуртов [12]. Роль домашних животных как жертвенных в языческих

обрядовых действиях, приметах, народной медицине, снотолкованиях раскрыта рядом ученых на примере таких финно-угорских этнических групп, как коми, марийцы, вепсы, карелы. Данный вопрос нашел освещение в работах И. Ю. Винокуровой², Т. А. Голевой [4; 5], А. Е. Китикова³, Н. Д. Конакова [9], Т. А. Молдановой [14], Л. С. Тойдыбековой⁴, Т. В. Пашковой [23]. При наличии значительного количества публикаций по теме сопоставительные исследования на межэтническом уровне в контексте финно-угорских народов России ранее не проводились.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили фольклорно-этнографические источники, в том числе собственные полевые материалы авторов, собранные во время экспедиционных поездок в районы Республики Мордовия посредством интервьюирования информантов. Авторы также обращаются к материалам исследователей по народным приметам, снотолкованиям, медицине; придерживаются историчности и системного анализа культурно-этнических процессов с применением описательного и сравнительно-сопоставительного методов в синхронии, диахронии и трансформации в различных контекстах с финно-угорскими этносами России.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде всего следует отметить функцию домашних животных и птиц в качестве ритуального жертвоприношения во время различных языческих молений – *озксов* (от м. *озондома*, э. *ознома* ‘моление’). Озксы – древнейшие ритуально-магические обряды, праздники с обязательными молениями, жертвоприношениями, песнями, танцами, гаданиями, приметами; они проводились в честь определенных языческих божеств-покровителей в умиловительных целях. В

¹ См.: Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen; hrsg. und übers. von P. Ravila. Helsinki, 1947. Bd. 4.

² См.: Винокурова И. Ю. Мифология вепсов: энцикл. Петрозаводск, 2015.

³ См.: Китиков А. Е. Марийские народные приметы. Йошкар-Ола, 1989.

⁴ См.: Тойдыбекова Л. С. Марийская мифология: этногр. справ. Йошкар-Ола, 2007.

имеющихся публикациях все озксы мордвы классифицируются на общественные и семейные. Помимо этого, они делятся на праздничные, проводимые в определенные календарные дни года, и окказиональные, совершаемые в момент случайных явлений [20, 106]. В дни проведения озксов бытовали запреты на совершение каких-либо домашних, хозяйственных дел, участие «нечистых» женщин (во время менструаций), присутствие чужих людей (из другого села) [22, 42].

Выбор в качестве жертвы того или иного животного (птицы) зависел от определенного озкса. Из домашних птиц во время молений мордва чаще всего использовала кур, так как в домашнем хозяйстве куры появились раньше и содержались повсеместно.

Дважды в год – в начале весны, когда сеяли хлеб, и осенью в преддверии зимы – проводили традиционное моление *Сараз озкс* (м., э. *saraz* ‘курица’). Это мероприятие получило название в связи с тем, что каждый домохозяин приносил одну курицу для заклания. Во время озкса мордва-мокша просила верховного бога Шкая о ниспослании здоровья людям, плодородия скоту, хорошего урожая (весной), благополучной зимовки (осенью) [20, 108].

Для каждого озкса мордва устанавливала не только вид, но и цвет жертвы (это характерно и для некоторых других финно-угорских этносов) [3, 26]. Так, в честь эрзянского божества-покровительницы плодородия и хлеба Норовавы жертвовали желтую курицу (перед посевом у божества просили богатого урожая, здоровья; осенью благодарили за хороший урожай). Покровительнице земли Мастораве и божеству-покровителю земных тяжестей Стакапазу приносили в дар черную курицу (ассоциация с цветом земли) [21, 156]. Соблюдали и количество жертвенных птиц: на озкс “Бабань каша” («Бабья каша») резали девять кур.

По мордовскому народному поверью, куры бывают именинницами 1 ноября (на Кузьму и Демьяна), в этот день божеству-

покровителю дома Кудаवे жертвовали курицу [11, 57]. В связи с тем что курица «назад гребет», удмурты приносили ее в жертву только умершим в день смерти, иногда в день похорон в умиловительных целях; при других молениях эту птицу никогда не использовали [1, 166].

Мордовскому божеству огня Толаве приносили красного петуха – видимо, из-за его огненного цвета. Заклание этой же птицы совершали по окончании полевых работ в честь божества рода Юрхтавы и божества лубка и бревна Керень-Шочконь паза.

В отличие от ряда финно-угорских этносов, в частности марийцев, удмуртов, коми, у мордвы гуси в качестве жертвы выступали редко. Объяснялось это тем, что в домашнем хозяйстве их держали немногие⁵. То же самое можно сказать и об утке.

Из животных не использовались козы, козлята, собаки. Коров в мордовских селах, как и в удмуртских [3, 43], жертвовали только на поминках в честь покойной (на 40-й день), тем самым содействуя ведению хозяйства на том свете.

Значительное место в религиозно-магических обрядах мордвы занимала лошадь. Использование ее в качестве жертвенного животного фиксируется с XV в. Ярко выраженный культ лошади прослеживается в проведении специального *Алашань озкса* (м., э. *alasha* ‘лошадь’). Животное убивали из лука, предварительно связав ноги и привязав голову к кольям, вбитым в землю. Из шкуры делали чучело, ставили на площадку или укрепляли на вершине дерева и молились на него, почитали как солнце [6, 92]. Похожий обычай существовал в культуре хантов: шкуру пожертвованной лошади с головой и копытами вывешивали на дерево или помещали в большой берестяной сосуд⁶.

В некоторых регионах проживания мордвы лошадь жертвовали на 40-й день умершим мужчинам: на кладбище ее шкуру развешивали на дубе после тризны. Иногда лошадь «передавали» покойнику,

⁵ Полевые материалы авторов (далее – ПМА): 2003 г., Старошайговский район РМ, с. Старая Теризморга, информант Р. Д. Ямашкина, 1928 г. р.

⁶ См.: Мифология хантов. Томск, 2000. С. 162–163.

чтобы он не ходил на том свете пешком. Лошадей перестали приносить в жертву после христианизации; конское мясо не употребляли на тризнах и до недавнего времени практически не использовали в пищу (до сих пор – редко).

До принятия христианства в жертву приносили и жеребят, позже их заменили на бычков. М. Е. Евсевьев приводит сведения о том, что после того как «пошел каменный дождь и весь хлеб выбил, немало скота погубил; старики деревни Верхний Мувал Пензенской губернии поняли, что крещеным конину есть нельзя» [7, 380].

Как сообщают информанты – жители с. Старая Теризморга, традиция безвозмездно отдавать домашних животных в жертву возникла в связи с тем, что однажды хозяину жертвенного бычка забыли отдать деньги, а позже он отказался их взять; с этого же времени перестали обращать внимание на цвет животных⁷.

Обычай жертвовать овец у мордвы возник позже, чем у других финно-угорских народов. Чаще всего овец жертвовали крестьяне, считавшие истекший год благополучным в отношении здоровья своего скота и приплода. Овечья шкура возвращалась хозяевам [7, 379]. Удмурты овечьей шкурой «прежде покрывали умершего» [1, 157], что не было характерно для других финно-угров.

В целях сохранения и приумножения поголовья овец мордва-эрзя 29 октября или в ближайшую к этому дню пятницу проводила специальный *Реве озкс* (м., э. *реве* ‘овца’) в честь покровительницы овец (с принятием христианства – святой Анастасии). Для предотвращения болезней, эпидемий и пожаров божееству села Веляве на общественном *Велень озксе* (м., э. *веле* ‘село’), проводимом в течение трех дней начиная с 12 июля, в жертву приносили мягкошерстную овцу; после окончания полевых работ Веляве жертвовали черношерстную овцу, которую закалывали в подполе. Такой же масти овцу марийцы приносили в жертву богу пищи и успе-

ха Аш Юмо⁸ и богине-производительнице овец Шорык шочын⁹.

Следует отметить, что в мордовских озксах принимали участие только жители одного села. Напротив, у удмуртов присутствие чужаков на общественных молениях было необходимым условием организации и проведения обряда. Так, по случаю завершения полевых работ совершались благодарственные моления, на которые собирались жители «из 15 деревень и не только со своего уезда, но и другой губернии. Число жертвенных животных доходило до 60 или 80 голов коров, быков, лошадей, овец» [1, 195].

В качестве жертвенных животных мордва нередко использовала свиней. В традиционной культуре этноса свинья ассоциировалась с плодородием земли и домашних животных. В честь божества-покровителя свиней Тувонь паза в первый день Нового года мордва-эрзя проводила специальный домашний озкс с соблюдением различных предписаний и магических ритуалов. Практически не прослеживается жертвоприношение свиней у удмуртов [3, 25], *вепсов*¹⁰ (по причине их незначительного разведения).

Сведения о жертвоприношении собак зафиксированы только у хантов, проживающих на р. Назым. Обряд объясняется следствием самодийского влияния, поскольку убиение собак противоречило хантыйским традициям [14, 108]. В мифологических представлениях мордвы собака была охранником созданного богом Шкаем пока еще бездыханного первочеловека.

Кроме обрядовых жертвоприношений у мордвы бытовали различные обереги, связанные с домашними животными и птицей. Сразу же после смерти одного из членов семьи, чтобы уберечь от беды остальных, хозяйка ловила во дворе курицу и отрубала ей голову под дверью хлева или под воротами. По поверью, чтобы кукареканье, предвещавшее беду, «ушло по ветру», хозяину дома надо было зарезать

⁷ПМА: 2003 г., Старошайговский район РМ, с. Старая Теризморга, информант Р. Д. Ямашкина, 1928 г. р.

⁸См.: Тойдыбекова Л. С. Указ. соч. С. 65.

⁹См.: Китиков А. Е. Указ. соч. С. 175.

¹⁰См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 402.

куру, вытащить горло, сжечь и развеять пепел по полю. Запрещено было приносить домой с поля хлеб (куры умрут), камушки (нести перестанут), куриную слепоту (куры ослепнут)¹¹.

Во время свадьбы в мокшанских селах использовали куриный помет (подсыпали в вино) в качестве защиты от колдунов¹². При болезнях кур проводили специальный озокс божеству-покровительнице травы-муравы Нараве [21, 154]. Следует отметить, что у марийцев бытовал покровитель домашних птиц – Кайык Юмо [8, 99].

У мордвы в день отела животных, а также в день первого выгона скота на пастбище нельзя было что-либо отдавать из дома в целях сохранения их живучести и плодовитости¹³.

Почитание домашних животных отражено во многих календарно-обрядовых праздниках мордвы. На братчине – родовом молении, перенося обрядовую свечу *штатол* из одного дома в другой, женщины скакали на палках и имитировали конское ржание [7, 358]. Во время свадьбы одна из женщин, надев в подражание лошади узду на другую, скакала, топала ногами и несла к месту брачного ложа свадебные пироги для молодых. В Атяшевском районе Республики Мордовия и в настоящее время при встрече свадебного поезда пожилые женщины, оседлав разукрашенные палки, выходят навстречу молодоженам, возвращающимся из загса¹⁴.

Фигура лошади как персонификация образа солнца использовалась также на Масленицу, Троицу, Новый год, т. е. на праздники, с которыми у мордовских крестьян были связаны надежды на расположение природы и щедрость солнца. На праздник “Тундань прважама” («Проводы весны») до сих пор в некоторых мордовских селах делают чучело лошади, олицетворяющее весну. Символиче-

ская лошадь ходит по селу, приплясывая около каждого дома, хозяева которого одаривают ее пищей¹⁵.

Перед Рождеством божеству свиней Тувонь пазу у мордвы посвящались ритуальная пляска под плясовой наигрыш “Тува” («Свинья») и игра “Тувонь панемат” («Гонение поросят»). На Новый год, Рождество, Пасху на стол подавали вареную свиную голову, свиные ноги (или холодец), что символизировало плодородие, достаток. Свинью использовали и в качестве приданого невесты¹⁶.

В традиционной культуре вепсов корове посвящали «коровьи праздники» во время пастбищного весенне-осеннего периода, когда крупному рогатому скоту угрожала наибольшая опасность со стороны леса¹⁷.

Особое место в традиционной культуре мордвы, как и других финно-угорских этносов, занимала кошка. В одном из мифов марийцев зафиксировано, что кошка по велению бога Кугу Юмо охраняла (после собаки) тело созданного им еще бездыханного человека. За то, что она не подпустила змея к человеку, демиург определил ее участь – жить вместе с людьми¹⁸. В мифах хантов Казымская богиня (Kasumpaj) принимала зооморфный образ черной кошки с белой грудью [2, 238].

Традиционно при заселении в новый дом хозяева первой пускали туда кошку, которая должна была принять первую смерть в новом жилище. При этом наблюдали: где она ляжет, там и лучшее место для кровати. Считалось плохой приметой, если кошка пятилась назад и не хотела заходить в дом¹⁹. В некоторых мордовских селах, как и в удмуртских, при входе в новый дом пускали петуха [3, 43]. В Карелии петуха закладывали под восточный угол строящегося дома [10, 62].

Как у мордвы, так и у ряда других финно-угорских народов России домашние

¹¹ См.: Mordwinische Volksdichtung. S. 710–715.

¹² ПМА: 1995 г., Старошайговский район РМ, с. Старая Теризморга, информант Р. Д. Ямашкина, 1928 г. р.

¹³ ПМА: 2018 г., Атяшевский район РМ, с. Атяшево, информант В. Ф. Куликова, 1962 г. р.

¹⁴ ПМА: 2019 г., Рузаевский район РМ, с. Трускляй, информант Т. Никанорова, 1945 г. р.

¹⁵ ПМА: 2018 г., Атяшевский район РМ, с. Атяшево, информант В. Ф. Куликова, 1962 г. р.

¹⁶ ПМА: 2019 г., Рузаевский район РМ, с. Трускляй, информант Т. Никанорова, 1945 г. р.

¹⁷ См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 237.

¹⁸ См.: Тойдыбекова Л. С. Указ. соч. С. 234.

¹⁹ ПМА: 2003 г., Старошайговский район РМ, с. Старая Теризморга, информант Р. Д. Ямашкина, 1928 г. р.

животные и птицы выполняли функцию предсказания. В частности, по их поведению чаще всего делали выводы о предстоящей погоде. По наблюдениям мордвы, перед дождем куры выходят на улицу, шиплют свои перья (у марийцев – свой пух²⁰) и купаются в пыли (у удмуртов – к ненастью [3, 43]); если куры выходят на улицу во время дождя – он быстро закончится.

Некоторые мордовские приметы, связанные с домашними животными и птицами, были приурочены к христианским праздникам. Например, если на Евдокию (1 марта) курица ногу намочила – лето будет хорошее²¹. Подобная примета существует и у коми [5, 65].

Мордва определяла погоду и по поведению коров: впереди возвращающегося в село стада идет черная корова – перед дождем, светлая – перед хорошей погодой²². Эти же приметы были характерны для вепсов. По наблюдениям марийцев, к дождю корова убавляет молоко, к перемене погоды лошадь катается по земле²³.

Приписываемое кошке особое чутье отразилось в приметах финно-угорских этносов России: кошка моется – к гостям. Коми верили в способность кошки предсказывать погоду: к похолоданию животное дерет стену, прячется на печку [11, 62]. Вепсы также приписывали кошке вещи способности: если она спит на спине, задрав нос кверху, или лежит с вытянутыми в сторону двери лапами и хвостом – к покойнику в доме; исчезла из дома – убежала хозяйина от беды²⁴.

В традиционной культуре мордвы, как и других финно-угорских этносов, домашних животных, птиц, а также продукты животного происхождения использовали в народной медицине в качестве лекарства: свиное сало применяли при лечении больного зуба (прикладывали к зубу); свежей собачьей шкурой марийцы лечили в бане

суставы, свежеснятой кожей овцы обертывали обожженные места [15, 60].

Тесная связь представителей финно-угорских этносов России с домашними животными и птицами отразилась в традиционных снотолкованиях. У мордвы увидеть во сне собаку – к другу, котят – к ложным друзьям, свинью – к подлости, корову – к тяжелой жизни, лошадь – к болезни²⁵; у хантов упасть с лошади – к чему-то хорошему, вылечиться от болезни [14, 291]. Толкование снов зависело также от действий, которые сновидец производил над домашним животным: у мордвы курицу или петуха зарезать – к смерти; свинью зарезать – к ссоре²⁶.

Куры, петухи, овцы становились предметом гаданий о важнейших предстоящих событиях в жизни финно-угорских этносов. Чаще гадали перед Рождеством, Новым годом и Крещением. Войдя в загон к овцам, девушки у мордвы и удмуртов по пойманному животному до сих пор определяют цвет волос будущего мужа [1, 49]; у коми загадывают: брюхатая овца попадет – быть в положении, баран – к свадьбе [9, 17]. В целях защиты от потусторонних сил для некоторых гаданий на снег стелили лошадиную, овечью или коровью шкуру. У удмуртов наиболее действенным оберегом считалась кошка, взятая гадающими в круг [12, 10].

Заключение

Исследование показало заметную роль домашних животных и птиц в традиционных обрядах, религиозно-магических и мифологических представлениях мордвы, марийцев, карел, коми, удмуртов, вепсов, хантов. Можно выделить следующие функции, которые они выполняли в орнитоморфных и анималистических обрядах: ритуальная, магическая, апотропеическая, благодарственная, умиловительная, дарственная, утилитарная. В разных регионах

²⁰ См.: Китиков А. Е. Указ. соч. С. 119.

²¹ См.: Устно-поэтическое творчество мордовского народа. Т. 12: Народные приметы мордвы / сост. Т. П. Девяткина. Саранск, 2003. С. 16.

²² См.: Mordwinische Volksdichtung. S. 720.

²³ См.: Китиков А. Е. Указ. соч. С. 116.

²⁴ См.: Винокурова И. Ю. Указ. соч. С. 166.

²⁵ ПМА: 1995 г., Старошайговский район РМ, с. Старая Теризморга, информант Р. Д. Ямашкина, 1928 г. р.

²⁶ См.: Mordwinische Volksdichtung. S. 728.

проживания мордвы, а также у разных ее субэтносов вид используемого в качестве жертвы домашнего животного или птицы варьировался; кроме того, до определенного времени особые требования предъявлялись к их цвету.

Выбор домашнего животного и птицы в качестве жертвы и для других обрядовых действий зависел от их распространенности в хозяйстве финно-угорских этносов. Среди мордвы чаще всего ритуализации подвергались курица, лошадь, позднее – свинья, что отразилось, видимо неслучайно, в религиозно-мифологических представлениях мордвы-эрзи посредством образа бога свиней Тувонь паза. Выбор жертвенного животного и птицы, равно как и выбор песен, танцев, гаданий, примет, зависел от конкретного обряда (озкса).

С принятием христианства в традиционную культуру мордвы стала внедряться христианская обрядность, синтезировавшаяся с языческой. В частности, некоторые озксы, связанные с домашними животными и птицами, были приурочены к дням памяти христианских святых. Например, в честь покровительницы овец святой Анастасии (29 октября) мордва-эрзя проводила овечий озкс (Реве озкс).

Несмотря на высокий уровень трансформации дохристианской культуры мордвы и других финно-угорских этносов России, некоторые обряды, связанные с домашней живностью, продолжают бытовать в видоизмененной форме. К ним обращаются во время болезней, в случае частого падежа домашних животных и птиц.

В Республике Мордовия с 2004 г. на государственном уровне ежегодно проводятся национально-фольклорные праздники: “Раськень озкс” (э. *раське* ‘народ, родня’; ‘букв.: народный праздник-озкс’), “Акша келу озкс” (*акша* ‘белый’, *келу* ‘береза’; ‘букв.: праздник-озкс в честь белой березы’). Первый проводится в июле мордвой-эрзей Большеигнатовского района, второй – на Троицу мордвой-мокшей Zubovo-Полянского района. В отличие от традиционных мордовских озксов, на которых могли присутствовать только односельчане, в современных озксах принимают участие все желающие, приезжающие из разных городов России и дальнего зарубежья (Эстонии, Финляндии, Венгрии). Однако эти мероприятия носят развлекательный характер: исполняются популярные песни, современные танцы, организуются игры для детей и спортивная борьба. В таком контексте использующиеся в качестве обрядовой пищи животные (телята, свиньи, куры) выполняют единственную функцию – утилитарную.

В современной культуре мордвы и ряда других финно-угорских народов России куры, петухи, кошки, собаки, овцы продолжают выступать в роли апотропеев, предсказателей, объектов гаданий. Данные бытования распространены главным образом среди жителей сельской местности.

В дальнейших разработках исследуемой проблемы перспективным представляется проведение сопоставительного анализа анималистических и орнитоморфных обрядов мордвы с аналогичными обрядами некоторых индоиранских и балтийских этнических групп.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 383 с.
2. Волдина Т. В., Молданова И. М. Почитание кошки у казымских хантов: к вопросу о пермском компоненте в хантыйской культуре // Люди и животные: парадоксы взаимоотношений: материалы Междунар. конф.; тез. докл. СПб., 2021. С. 238–240.
3. Волкова Л. А. Домашние животные и птицы в магической практике удмуртов и берсерман // Финно-угорская фольклористика на пороге нового тысячелетия: материалы науч. конф. (Междунар. лет. шк. Глазов, 17–30 авг. 2000 г.). Ижевск, 2001. С. 22–46.
4. Голева Т. Г. Жертвоприношения животных в честь православных святых у коми-пермяков // Этнографическое обозрение.

2021. № 2. С. 144–160. DOI: 10.31857/S086954150014812-3.
5. Голева Т. Г. Петух и курица в традиционной культуре коми-пермяков // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Сер. 3: Гуманитарные и общественные науки. 2014. № 1. С. 60–74.
 6. Девяткина Т. П. Алашань культ сире пингонь моکشэрьянь эряфса = Культ лошади в традиционной культуре мордвы // Языки и литература в межкультурной коммуникации: сб. науч. ст. по материалам Междунар. науч.-практ. конф. «56-е Евсевьевские чтения» (Саранск, 19–20 марта 2020 г.). Саранск, 2021. С. 92–95.
 7. Евсевьев М. Е. Братчины и другие религиозные обряды мордвы Пензенской губернии // Евсевьев М. Е. Избранные труды. Т. 5. Историко-этнографические исследования. Саранск, 1966. С. 342–384.
 8. Календарные праздники и обряды марийцев. Йошкар-Ола: МарНИИ, 2003. 285 с.
 9. Конаков Н. Д. От святок до сочельника: Коми традиц. календар. обряды. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1993. 127 с.
 10. Логинов К. К. О жертвоприношениях в Занежье // Обряды и верования народов Карелии: сб. ст. Петрозаводск, 1992. Вып. 2. С. 46–67.
 11. Мельников П. И. (Андрей Печерский). Очерки мордвы. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1981. 134 с.
 12. Миннихметова Т. Г. Календарные обряды закамских удмуртов. Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2000. 167 с.
 13. Митропольский К. Мордва. Религиозные воззрения, их нравы и обычаи // Тамбовские епархиальные ведомости. 1876. № 12. С. 355–365; № 13. С. 371–378.
 14. Молданова Т. А. Архетипы в мире сновидений хантов. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 354 с.
 15. Петров В. Н. Марийская народная медицина. Йошкар-Ола: Мар. кн. изд-во, 2000. 120 с.
 16. Примеров А. Религиозные обряды и суеверные обычаи мордвов, Краснослободского уезда // Пензенские епархиальные ведомости. 1870. № 16. С. 221–231.
 17. Сайгутина К. И., Тростина М. А. Домашний скот в обрядах мордвы-мокши (на фольклорном материале, собранном в селе Мордовские Парки Краснослободского района Республики Мордовия) // XLVI Огарёвские чтения: материалы науч. конф. (г. Саранск, 6–13 дек. 2017 г.): в 3 ч. Ч. 3. Гуманитарные науки. Саранск, 2018. С. 29–33.
 18. Федорова Е. Ю. Обряд жертвоприношения животных в погребальной традиции мордвы-терюхан // ЛII Урало-Поволжская археологическая конференция студентов и молодых ученых (УПАСК): материалы Всерос. науч.-практ. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых. Пермь, 2020. С. 445–448.
 19. Devyatkina T. Mordvinian mythology. Ljubljana: Založba ZRC, 2004. 174 p. (Studia Mythologica Slavica – Supplementa; Supplementum 1). DOI: 10.3986/9616500422.
 20. Devyatkina T. Mythological concepts in the traditional ozks of the Mordvins // Eurasian Studies Yearbook. 2004. Vol. 76. P. 5–28.
 21. Devyatkina T. Transformation and language peculiarities of Mordvinian folk superstitions // Oralité, Information, Typologie = Orality, Information, Typology: hommage à M. M. Jocelyne Fernandez-Vest. Paris, 2018. P. 147–160.
 22. Mainov W. Les restes de la mythologie Mordvine // Journal de la Société finno-ougrienne. 1889. Vol. 5. P. 2–160.
 23. Pashkova T. V. Karelian mythological beliefs about animals and birds (on the example of folk medicine) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2021. Т. 15, № 4. С. 633–641. DOI: 10.35634/224-9443-2021-15-4-633-641.

Поступила 12.06.2022; одобрена 13.09.2022; принята 29.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Т. П. Девяткина – доктор филологических наук, профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, tatyana_devyatki@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5334-688X>

С. С. Панфилова – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, scully_ss@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0445-1007>

Domestic animals and birds in traditional rites of the Mordovians: Finno-Ugric context

Tatiana P. Devyatkina

Mordovian State Pedagogical University

Serafima S. Panfilova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Introduction. The article presents a study of the functions of domestic animals and birds in the traditional rites of the Mordovians and a number of Finno-Ugric ethnic groups of Russia. Common and unique functions are revealed as well as the level of transformation of animalistic and ornithomorphic rituals of the Mordovians in comparison with the Mari, Udmurts, Komi, Karelians, Vepsians, Khanty.

Materials and Methods. The material of the study includes the published folklore and ethnographic sources, field materials collected by the authors. The analysis of the material was carried out using the descriptive and contrastive methods. The synchronic and diachronic approaches were also applied in the course of study.

Results and Discussion. The study has revealed a variety of functions of domestic animals and birds in traditional rites of the Mordovians and a number of Finno-Ugric ethnic groups of Russia. In addition to the function of ritual sacrifice in various rites, they perform the apotropaic function in folk signs and fortunetelling, thanksgiving and propitiatory functions in the rituals associated with the patron deities of the elements. In the modern culture of the Mordovians, the traditional ritual functions of domestic animals and birds are being transformed into the utilitarian function.

Conclusion. The contrastive analysis of the Mordovians materials with the data obtained from the Mari, Karelians, Komi, Udmurts, Vepsians, Khanty has showed that the ritual tradition of each ethnic group is characterized by a common and a specific use of animals and birds. In the modern ritual practice of these ethnic groups, chickens, roosters, sheep, pigs are used in the utilitarian function.

Keywords: Mordovians, domestic animals, domestic birds, rites, fortunetelling, folk signs, dream interpretations

For citation: Devyatkina TP, Panfilova SS. Domestic animals and birds in traditional rites of the Mordovians: Finno-Ugric context. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;4:453–462. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.453-462.

REFERENCES

1. Vladykin VE. Religious and mythological picture of the world of the Udmurts. Izhevsk; 1994. (In Russ.)
2. Voldina TV, Moldanova IM. Cat worship among the Kazym Khanty: to question the Permian component in Khanty culture. *Liudi i zhivotnye: paradoksy vzaimootnoshenii: materialy Mezhdunar. konf.; tez. dokl.* = International conference "People and Animals: Paradoxes of Mutual Relationships. A volume of abstracts. Saint-Petersburg; 2021:238–240. (In Russ.)
3. Volkova LA. Domestic animals and birds in the magical practice of the Udmurts and Besermens. *Finno-ugorskaia fol'kloristika na poroge novogo tysiacheletia: materialy nauch. konf.* = Finno-Ugric folklore on the threshold of the new millennium. Proceedings of the scientific conference. Izhevsk; 2001:22–46. (In Russ.)
4. Goleva TG. Animal sacrifices in honor of orthodox saints among the Komi-Permyaks. *Etnograficheskoe obozrenie* = Etnograficheskoe obozrenie. 2021;2:144–160. (In Russ.). DOI: 10.31857/S086954150014812-3.
5. Goleva TG. The cock and hen in the Komi-Permyaks' traditional culture. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Ser. 3: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* = Bulletin of the Perm State Humanitarian Pedagogical University. Series 3: Humanities and Social Sciences. 2014;1:60–74. (In Russ.)
6. Devyatkina TP. The cult of the horse in the traditional culture of the Mordovians. *Iazyki i literatura v mezkul'turnoi kommunika-*

- t sii: sb. nauch. st. po materialam Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. "56-e Evsev'evskie chteniia" = Languages and literature in intercultural communication. Collection of scientific articles based on the materials of the International scientific and practical conference "56th Evseviev Readings". Saransk; 2021:92–95. (In Mord.)*
7. Evseviev ME. Bratchina and other religious rites of the Mordovians of the Penza province. *Izbrannye trudy. T. 5. Istoriko-etnograficheskie issledovaniia* = Selected works. Saransk; 1966;5:342–384. (In Russ.)
 8. Calendar holidays and rituals of the Mari. Yoshkar-Ola; 2003. (In Russ.)
 9. Konakov ND. From Christmas time to Christmas Eve: Komi traditional calendar rites. Syktyvkar; 1993. (In Russ.)
 10. Loginov KK. About sacrifices in Zaonezhie. *Obriady i verovaniia narodov Karelii: sb. st. = Rituals and beliefs of the peoples of Karelia. Collection of articles.* Petrozavodsk; 1992;2:46–67. (In Russ.)
 11. Mel'nikov PI (Andrei Pecherskii). Mordovian essays. Saransk; 1981. (In Russ.)
 12. Minniakhmetova TG. Calendar rites of the Zakama Udmurts. Izhevsk; 2000. (In Russ.)
 13. Mitropol'skii K. Mordva. Their religious beliefs, manners and customs. *Tambovskie eparkhial'nye vedomosti* = Tambov Diocesan Gazette. 1876;12–13. (In Russ.)
 14. Moldanova TA. Archetypes in the world of Khanty dreams. Tomsk; 2001. (In Russ.)
 15. Petrov VN. Mari folk medicine. Yoshkar-Ola; 2000. (In Russ.)
 16. Primerov A. Religious rites and superstitious customs of the Mordovians of the Krasnoslobodsky district. *Penzenskie eparkhial'nye vedomosti* = Penza Diocesan Gazette. 1870;16:221–231. (In Russ.)
 17. Saigutina KI, Trostina MA. Livestock in Mordovian-Moksha rituals (based on folklore material collected in the village of Mordovskiy Parki, Krasnoslobodsky district of the Republic of Mordovia). *XLVI Ogarevskie chteniia: materialy nauch. konf.: v 3 ch. Ch. 3. Gumanitarnye nauki* = XLVI Ogarev Readings. Proceedings of the scientific conference. Saransk; 2018;3:29–33. (In Russ.)
 18. Fedorova EYu. Livestock sacrifices in the burial rituals of Mordva-Terukhane. *LII Uralo-Povolzhskaya arkheologicheskaya konferentsiya studentov i molodykh uchennykh (UPASK): materialy Vseros. nauch.-prakt. konf. studentov, aspirantov i molodykh uchennykh* = LII Ural-Volga Archaeological Conference of Students and Young Scientists (UPASK). Proceedings of the All-Russian scientific-practical conference of students, graduate students and young scientists. Perm; 2020:445–448. (In Russ.)
 19. Devyatkina T. Mordvinian mythology. Ljubljana; 2004;1. DOI: 10.3986/9616500422.
 20. Devyatkina T. Mythological concepts in the traditional ozks of the Mordvins. *Eurasian Studies Yearbook*. 2004;76:5–28.
 21. Devyatkina T. Transformation and language peculiarities of Mordvinian folk superstitions. *Oralité, Information, Typologie: Orality, Information, Typology. Hommage à M. M. Jocelyne Fernandez-Vest*. Paris; 2018:147–160.
 22. Mainov W. Les restes de la mythologie Mordvine. *Journal de la Societe Finno-Ougrienne*. Helsinki; 1889;5:2–160.
 23. Pashkova TV. Karelian mythological beliefs about animals and birds (on the example of folk medicine). *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2021;15;4:633–641. DOI: 10.35634/224-9443-2021-15-4-633-641.

Submitted 12.06.2022; reviewing 13.09.2022; accepted 29.09.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

T. P. Devyatkina – Doctor of Philology, Professor, Department of Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University, tatyana_devyatki@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5334-688X>

S. S. Panfilova – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of English Philology, National Research Mordovia State University, scully_ss@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0445-1007>

Разработка геоинформационного ресурса по топонимии Карелии: историко-культурный аспект

Екатерина Владимировна Захарова

*Институт языка, литературы и истории
Карельского научного центра РАН,
Петрозаводск, Россия*

Введение. Статья посвящена описанию топонимического геоинформационного ресурса, разработка которого реализуется в секторе языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН по проекту РНФ: рассматриваются структура и особенности базы данных, лежащий в основе полевой топонимический материал, обсуждаются параметры представления разноаспектной информации о географических объектах (лингвистические, исторические, этнографические, фольклорные сведения), раскрываются возможности и перспективы использования ресурса.

Материалы и методы. Основным материалом являются полевые топонимические данные Научной картотеки топонимов Карелии и сопредельных областей, сведения из Реестра Государственного каталога географических названий по Республике Карелия и геоинформационной системы «Каталог населенных мест Карелии и сопредельных областей XV–XX вв.». В статье используется ряд методов: описательный, структурно-словообразовательный, этимологический, сравнительно-сопоставительный, статистический.

Результаты исследования и их обсуждение. В работе проведен анализ топонимических электронных ресурсов, представленных в открытом доступе. Рассмотрены структура создаваемой базы данных геоинформационной системы и основные параметры представления топонимического материала в ней. Описаны особенности, отличающие новый ресурс: использование открытого программного кода, наличие полей «Упоминание в исторических источниках», «Народное толкование, предание», привязка наименований объектов к электронным картам. Представлены примеры описания топонимов. Установлено, что помимо задач сохранения и систематизации топонимического наследия народов Карелии, отображения искомым географических объектов на картах создаваемой ресурс позволит применять полевые материалы топонимистов не только в лингвистических исследованиях, но и для решения этноисторических и историко-культурных задач.

Заключение. Осуществляемые в рамках проекта разработки внесут значительный вклад в развитие ономастики, этнологии, истории, фольклористики и будут востребованы широкой аудиторией. Сведения, внесенные в систему, в перспективе могут послужить основой для междисциплинарных проектов, подготовки серии словарей, каталогов, сборников топонимических преданий.

Ключевые слова: Карелия, геоинформационная система, топонимия, русский язык, прибалтийско-финские языки, историко-культурное наследие

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00362 «Создание открытой геоинформационной системы по топонимии Карелии на примере Арктической зоны республики».

Для цитирования: Захарова Е. В. Разработка геоинформационного ресурса по топонимии Карелии: историко-культурный аспект // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 463–473. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.463-473.

Введение

В Карелии в последние годы наблюдается повышенный интерес со стороны общества к географическим названиям республики. Это объясняется рядом причин, среди которых – развитие транспортной инфраструктуры и туристической сферы в регионе, рост интереса жителей к теме краеведения и составлению родословных, освоение территорий бывших или угаса-

ющих деревень в качестве новых (дачных) поселений и др.

В Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (ИЯЛИ КарНЦ РАН) регулярно поступают запросы от органов власти, общественных организаций, СМИ, отдельных граждан на получение информации о названиях географических объектов (о правильном их

написании, склонении, акцентуации, значении, происхождении, местоположении и пр.). Между тем научного информационного топонимического ресурса открытого доступа, содержащего комплекс перечисленных данных, или словаря топонимов Карелии в настоящее время в республике нет¹. Список научно-популярных изданий по топонимии республики довольно ограничен (среди них наиболее востребованной до сих пор остается работа Г. Керта, Н. Мамонтовой «Загадки карельской топонимики», выдержавшая три издания [12]) и представлен скромными тиражами. В то же время в сети Интернет обнаруживается масса любительских трактовок карельских топонимов, значительная часть которых активно используется, в том числе в сфере туризма.

Реестр Государственного каталога географических названий по Республике Карелия включает в себя более 16 тыс. топонимов² (при этом, по нашим расчетам, приблизительно 30 % карелоязычных названий Реестра передано средствами русского языка в некорректной форме [3–5]). В то же время Научная картотека топонимов Карелии и сопредельных областей ИЯЛИ КарНЦ РАН, в которой в виде карточек хранятся полевые материалы экспедиций с 1970 г. по настоящее время, насчитывает около 300 тыс. топонимических фиксаций, а созданная на основе данных картотеки локальная геоинформационная система (ГИС) «Топонимия Карелии» охватывает более 60 тыс. топонимов, но предназначена лишь для использования специалистами ИЯЛИ КарНЦ РАН. Это затрудняет обмен данными внутри научного сообщества и оставляет информацию недоступной для всех интересующихся.

Очевидно, что цифровизация полевых и архивных материалов по топонимии Карелии с использованием формата открытой науки – это удобный способ хранения,

систематизации, представления топонимического наследия региона в корректной форме с привязкой к карте для решения широкого спектра задач.

Обзор литературы

Впервые в отечественной ономастике возможности компьютерных технологий в приложении к топонимическому материалу были описаны и применены Г. М. Кертом [7–11]. С начала 2000-х гг. проблемы цифровизации полевых материалов все чаще оказываются в поле зрения ономастов. Обсуждаются вопросы разработок электронных топонимических баз данных, их структуры, функций и параметров представления в них информации [6; 13; 14; 19], привлекается внимание к использованию топонимических ресурсов для решения историко-культурных вопросов [2], отмечается особое значение ГИС-технологий в исследовании топонимии отдельных регионов, историко-культурных зон, народов [1; 17; 18; 20; 21]. Вопросы разработки геоинформационных систем открытого доступа, содержащих разноаспектную информацию о географических наименованиях и позволяющих отображать искомый материал на электронных картах, до настоящего времени не освещались.

Материалы и методы

Основным материалом работы послужили полевые топонимические данные, хранящиеся в Научной картотеке топонимов Карелии и сопредельных областей, созданной на ее базе локальной ГИС «Топонимия Карелии», сведения из Реестра Государственного каталога географических названий по Республике Карелия и ГИС «Каталог населенных мест Карелии и сопредельных областей XV–XX вв.».

Отметим, что экспедиционные топонимические материалы содержат целый комплекс данных на русском, карельском

¹ Отметим, что в секторе языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН ведется работа по данному направлению, и в 2021 г. была издана первая книга в планируемой серии топонимических словарей: Захарова Е. В., Муллонен И. И. Словарь названий населенных мест карелов-людигов / под общ. ред. И. И. Муллонен. Петрозаводск, 2021.

² См.: Реестр зарегистрированных в АГКГН географических названий объектов на 16.12.2021. Республика Карелия. URL: <https://cgkipd.ru/upload/iblock/7fb/a5ju2hb20j3o6p3jkg6g8cwir2lyqqe8.pdf> (дата обращения: 15.06.2022).

и вепском языках: помимо основной информации о географических объектах в них отразились важные этнографические и историко-культурные сведения о церквях и часовнях, престольных праздниках, названиях домов, жителях деревень (имена, фамилии, прозвища) и пр. Кроме того, здесь присутствует пласт топонимических преданий (в том числе на карельском языке).

При рассмотрении топонимов в соответствии с полями, разработанными для базы данных геоинформационной системы, применялся ряд традиционных для ономастики методов и подходов: описательный, структурно-словообразовательный, этимологический, сравнительно-сопоставительный, статистический.

Результаты исследования и их обсуждение

В последние десятилетия коллекции топонимических архивов активно переводятся в электронный формат. Примерами могут быть компьютерный банк топонимии Европейского Севера России и разработанный на его основе тематический веб-сайт по топонимии Европейского Севера России (Мурманская, Архангельская, Вологодская, Ленинградская области, Республика Карелия, Республика Коми) TORIS³, электронная база данных «Топонимия Костромской области»⁴ и др. Однако чаще всего речь идет о локальных, предназначенных для внутреннего пользования базах данных, созданных с использованием разного программного обеспечения. Так, ГИС «Топонимия Карелии» (руководитель И. И. Муллонен) создана на базе СУБД Firebird, электронная картотека Топонимической экспедиции Уральского федерального университета

(руководитель Е. Л. Березович) – на базе СУБД Access.

Линейка российских региональных топонимических словарей разного формата (более 200 наименований) издана небольшими тиражами, и лишь незначительная их часть представлена в сети Интернет (ср. размещенные в открытом доступе словари: Топонимический словарь Амурской области, Топонимический словарь Кавказа, Топонимический словарь Крыма, Топонимический словарь Республики Коми, Топонимический словарь Севастополя)⁵. Отметим также существование анонимных (без указания авторов сайта) топонимических онлайн-словарей⁶.

В то же время в европейской ономастике наблюдаются активная цифровизация топонимических архивов и размещение данных в открытом доступе. Так, в цифровой формат переведен Топонимический архив Финляндии⁷, при этом пользователям предоставляется возможность поиска информации по определенным параметрам (название / часть названия, вид объекта, место сбора информации, собиратель) с отображением искомого объекта на карте. Еще один открытый ресурс, позволяющий находить названия географических объектов на карте, разработан Главным лесным управлением Финляндии⁸. Кроме того, на сайте Центра изучения родных языков Финляндии KOTUS размещена PDF-версия изданного в 2007 г. Топонимического словаря Финляндии⁹.

В Эстонии на основе увидевшего свет в 2016 г. Топонимического словаря Эстонии¹⁰ создан открытый информационный ресурс с системой поиска и гиперссылкой¹¹.

В России в настоящее время не существует полноценной топонимической онлайн-системы с открытым доступом.

³ Разработчики: Г. М. Керт, В. Т. Вдовицын, А. Веретин, Н. Б. Луговая. URL: <http://toris.krc.karelia.ru> (дата обращения: 15.04.2022).

⁴ Руководитель проекта О. В. Мищенко. URL: <https://lexrus.ru/default.aspx?p=2848> (дата обращения: 15.04.2022).

⁵ URL: <https://slovaronline.com/dictionaries> (дата обращения: 15.04.2022).

⁶ URL: <https://gufo.me/dict/toponymy> (дата обращения: 02.02.2022).

⁷ URL: <https://nimiarkisto.fi> (дата обращения: 02.02.2022).

⁸ URL: <https://retkikartta.fi> (дата обращения: 15.04.2022).

⁹ URL: https://kaino.kotus.fi/www/verkkojulkaisut/julk63/SuomalainenPaikannimikirja_e-kirja_kuvallinen.pdf (дата обращения: 15.04.2022).

¹⁰ См.: Eesti kohanimeraamat / toim. P. Päll, M. Kallasmaa. Tallinn, 2016.

¹¹ URL: <http://www.eki.ee/dict/knr/> (дата обращения: 15.04.2022).

Разрабатываемый геоинформационный ресурс по топонимии Карелии мог бы стать ее прообразом, поскольку и сам ресурс, и его программный код будут открытыми.

Основой для разработки структуры базы данных геоинформационной системы стали параметры ввода и представления топонимического материала, использованные в локальной ГИС «Топонимия Карелии» [17; 18] (благодаря чему внесенные в нее материалы удалось интегрировать в новый ресурс), учитывались также особенности структуры словарной статьи, выработанные для серии топонимических словарей [15]. В дальнейшем это поможет создавать на материалах топонимического ресурса новые словарные продукты.

В настоящее время база данных геоинформационной системы включает две таблицы: «Топонимы» и «Справочники».

Таблица «Топонимы»

Представлен электронный список топонимов (в настоящее время более 48 тыс.) с определенной информацией о каждом.

1. Наименование (на русском и (при наличии) карельском/вепском языках).

Значительная часть географических названий Карелии существует в двух форматах – официальном и народном, при этом первый представлен на русском языке и закреплен в Государственном каталоге географических названий¹², а второй составляют топонимы, бытующие в устной среде местного населения на карельском и вепском языках. В создаваемом ресурсе предполагается параллельная фиксация официальной и неофициальной форм географических названий с целью изучения, сопоставления и сохранения топонимического наследия народов Карелии.

В русскоязычных топонимах предусмотрена постановка ударения (если оно известно или отражено в экспедиционных

материалах). В карельских и вепских топонимах ударение фиксированное (на первом слоге).

2. Административная привязка.

Отметим, что по территории Карелии дается двойная административная привязка – современная и по 1926 г. Это объясняется тем, что в основу организации хранения полевых материалов в Научной картотеке ИЯЛИ КарНЦ РАН положен Список населенных мест Карелии 1926 г.¹³ Однако с тех пор количество населенных пунктов республики сократилось более чем в 3 раза (с 2 852 в 1926 г.¹⁴ до 802 в 2015 г.¹⁵).

3. Вид объекта.

4. Форма местного падежа (если это зафиксировано экспедицией).

5. Территория бытования (Поморье, Заонежье, собственно карелы, ливвики, людики).

В данном поле для обозначения ареалов расселения носителей собственно карельского, ливвиковского и людиковского наречий карельского языка была выбрана форма «собственно карелы», «ливвики» и «людики». Под территорией бытования топонима подразумевается этноязыковая принадлежность (часто бывшая) населения того населенного пункта, в окрестностях которого размещается именуемый географический объект.

6. Структура.

Предусмотрена выборка структурных компонентов в соответствии с особенностями структуры русских, прибалтийско-финских и саамских топонимов.

7. Этимология.

Данное поле содержит информацию об этноязыковых истоках топонима и его значении (при наличии разработанного этимологического решения указывается авторство).

8. Основная информация.

Приводятся сведения (в основном записанные от информантов) о расположении объекта, его особенностях.

¹² URL: <https://cgkipd.ru/science/names/index.php> (дата обращения: 10.02.2022).

¹³ См.: Список населенных мест Карельской АССР: (По материалам переписи 1926 года). Петрозаводск, 1928.

¹⁴ Там же.

¹⁵ См.: Республика Карелия. Административно-территориальное устройство: справ. Петрозаводск, 2015.

9. Народное толкование, предание.

Это поле может содержать (при наличии) как народные объяснения наименований (так называемую народную этимологию), так и предания о происхождении географических названий.

Отметим, что параллельно с топонимическим ресурсом в рамках одного проекта¹⁶ ведется разработка базы данных «Карельские предания», которая в дальнейшем будет связана с полем «Народное толкование, предание». Помимо текстов преданий на карельском языке поля базы данных «Карельские предания» будут включать следующую информацию: заголовки, перевод предания на русский язык, цикл, мотив, источник, информант, собиратель, место и год записи.

10. Упоминание в исторических источниках.

Это поле заполняется главным образом для ойконимов (названий населенных мест) на основе материалов ГИС «Каталог населенных мест Карелии и сопредельных областей XV–XX вв.» (руководитель А. Ю. Жуков).

11. Собиратель.

12. Информант.

Часто данные об информанте сокращены до формата ФИО и указания года рождения.

13. Место записи.

14. Год записи.

Ниже приводятся примеры представления информации о топонимах из разных частей Карелии.

КОРМИЛО

1. **Наименование:** рус. Кóрмило¹⁷, карел. Kormilanlampi.

2. **Административная привязка:** совр. д. Вокнаволоок / Костомукшский городской округ / Республика

Карелия; 1926 г. д. Толлорека / Вокнаволоцкий сельсовет / Ухтинский район / Карельская АССР.

3. **Вид объекта:** озеро.

4. **Форма местного падежа:** –

5. **Территория бытования:** собственно карелы.

6. **Структура:** Kormilanlampi – сложный карельский топоним с детерминантом *-lampi* ‘небольшое озеро, ламбушка’¹⁸.

7. **Этимология:** Kormilanlampi: приб.-фин., карел., от названия д. Kormila ‘букв.: озеро деревни Кормила’.

8. **Основная информация:** озеро в окрестностях д. Толлорека.

9. **Народное толкование, предание:** –

10. **Упоминание в исторических источниках:** –

11. **Собиратель:** Карлова О. Л.

12. **Информант:** Денисов И. Ф.

13. **Место записи:** д. Вокнаволоок.

14. **Год записи:** 2003.

В данном примере параллельная фиксация официального (русскоязычного) и народного (карельскоязычного) вариантов географического названия указывает на первичность карельского топонима (причем первичность названия деревни, по которой уже было названо озеро: д. *Kormila* → оз. *Kormilanlampi*¹⁹) и выявляет проблему его передачи средствами русского языка: отсутствует основной компонент (детерминант) карельского наименования *-lampi*, конечная гласная карельского названия бывшей деревни *Kormila* (от карел. *Kormi* ‘Корнилий’ + локативный суффикс *-la* ‘место поселения’) была заменена на рус. *о* – *Кормило*, вероятно из-за согласования по роду со словами «озеро» и «урочище», в результате чего и облик, и значение карельского традиционного наименования были изменены²⁰.

¹⁶ Проект РНФ № 22-28-00362 «Создание открытой геоинформационной системы по топонимии Карелии на примере Арктической зоны республики» (руководитель Е. В. Захарова).

¹⁷ В такой форме топоним зафиксирован в Реестре Государственного каталога географических названий Республики Карелия: URL: <https://cgkipd.ru/upload/iblock/756/756ff0cbd934f4867de9e49fcf89108.pdf> (дата обращения: 20.02.2022).

¹⁸ Здесь и далее значения карельских слов даются по словарю Karjalan kielen verkkosanakirja: URL: https://kaino.kotus.fi/cgi-bin/kks/kks_etusivu.cgi (дата обращения: 01.06.2022).

¹⁹ Знак | используется для обозначения границ частей в составе сложного топонима.

²⁰ На месте бывшей карельской деревни Kormila в настоящее время располагается известный туристический объект – хутор Кормило.

UARREHSUARI

1. **Наименование:** карел. Uarrehsuari²¹.
2. **Административная привязка:** совр. ур. Пезозеро / Сосновецкое сельское поселение / Беломорский район / Республика Карелия; 1926 г. д. Пезозеро / Маслозерский сельсовет / Кемирецкий район / Карельская АССР
3. **Вид объекта:** остров.
4. **Форма местного падежа:** –
5. **Территория бытования:** собственнo карелы.
6. **Структура:** Uarrehsuari – сложный карельский топоним с детерминантом *-suari* ‘остров’.
7. **Этимология:** Uarrehsuari: приб.-фин., карел., *uarreh* ‘клад, сокровище’, *suari* ‘остров’. Вследствие фольклорного переосмысления топооснова *Uarto-* (*Uarro-* ‘вешала для сушки сетей’), использовавшаяся для номинации островов, на которых сушили сети, приобрела вид *Uarreh-* (*Uartehe-* ‘сокровище, клад’) [16].
8. **Основная информация:** остров на оз. Сууриярви, в окрестностях м. Hirviniemi.
9. **Народное толкование, предание:** «Старики рассказывали, что когда-то на острове был убит змий, а после этого было найдено много денег и золота».
10. **Упоминание в исторических источниках:** –
11. **Собиратель:** Кузьмин Д. В.
12. **Информант:** ДАТ, 1928 г. р.
13. **Место записи:** пос. Луусалми.
14. **Год записи:** 2002.

Данный пример демонстрирует отсутствие русскоязычного варианта наименования природного объекта, что указывает на неполноту официальных списков топонимов Карелии. Кроме того, зафиксировано предание, объясняющее название природного объекта и содержащее извест-

ный европейский фольклорный мотив окладах²². Отметим, что географические названия с обозначенной топоосновой широко представлены в Карелии и Восточной Финляндии²³.

ЩУКНАВОЛОК

1. **Наименование:** рус. Щукна́волок, карел. Nauginiemi.
2. **Административная привязка:** совр. д. Щукнаволок / Ведлозерское сельское поселение / Пряжинский район / Республика Карелия; 1926 г. д. Щукнаволок / Ведлозерский сельсовет / Видлицкий район / Карельская АССР.
3. **Вид объекта:** поселение.
4. **Форма местного падежа:** –
5. **Территория бытования:** ливвики.
6. **Структура:** Nauginiemi – сложный карельский топоним с детерминантом *-niemi* ‘мыс, наволок’.
7. **Этимология:** Nauginiemi: приб.-фин., карел., *haugi* ‘щука’, *niemi* ‘мыс, наволок’. В основе, возможно, карельское некалендарное имя / прозвище *Haugi*, которое мог носить человек, обладавший определенными чертами характера, внешности. Карельское название первично, русскоязычное представляет собой полную кальку с карельского.
8. **Основная информация:** деревня на берегу оз. Ведлозеро. Деревенский праздник: Valassunpäivü [Власьев день]. Была часовня. Карельские наименования домов деревни с указанием фамилий хозяев: Oleksienkodi (Стафеев), Vedöinkodi (Егоров), Račoinkodi (Стафеев), Grigoinkodi (Иванов), Johorankodi (Примеров), Grigoinkodi (Григорьев), Miikulankodi (Иванов), Hedotankodi (Андреев), Vedöin Iivanankodi (Егоров), Račoinkodi (Печёнкин, ранее Стафеев), Zakinkodi (Вокулов), Roavilankodi

²¹ Остров имеет только карельское наименование.

²² В указателе мотивов финской мифологической прозы данный мотив отмечен под № 251. См.: Muuytillisiä tarinoita / toim. L. Simonsuuri. Helsinki, 1947. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia; 229).

²³ Согласно данным ресурса Nimiarkisto.fi. URL: <https://nimiarkisto.fi> (дата обращения: 02.07.2022).

(Евдокимов), Juakoinkodi (Евдокимов).

9. Народное толкование, предание: –

10. Упоминание в исторических источниках²⁴: Починок на том же озере (1563)²⁵ → Навгин-наволоок (1582) → Навгин-наволоок, Щучей наволоок тож (1617) → Пустошь, что была деревня пуста Навинь-наволоок (1620) → Навинь-наволоок, а Щучей наволоок тож (1629) → Кавинь, а Щучей наволоок тож (1647) → пустошь Щучий Наволок (1662) → Щучей наволоок (1707) → Щучий наволоок (1726) → Щучей наволоок (1748) → Щучей наволоок (1763) → Шучнаволоок / Шукнаволоок / Щучий Наволок (1782) → Шучь наволоок (1797) → Шукнаволоок (1811; 1838) → Шук Наволок (1858) → Шук-Наволоок (1873) → Шук Наволок (1884) → Шук-наволоок (1905) → Шук-наволоок (1926).

11. Собиратель: Кузьмин Д. В.

12. Информант: МИС, 1941 г. р.

13. Место записи: д. Шукнаволоок.

14. Год записи: 2009.

В данном примере примечательны несколько полей: «Основная информация» с указанием престольного деревенского праздника и перечислением названий домов на карельском языке, а также «Упоминание в исторических источниках», где демонстрируется история развития ойконима, важная для этимологизации. Например, заманчиво видеть в форме *Навгин-наволоок* (1582, 1617) ошибочно записанное *Хавгин-наволоок* (от карел. *haugi* ‘щука’), при этом посессивная конструкция указывает на то, что в основе, возможно, кроется некалендарное карельское имя / прозвище первопоселенца *Haugi*. Документ 1617 г. приводит два параллельных

названия (*Навгин-наволоок*, *Щучей наволоок тож*), одно из которых, вероятно, являлось народным, а второе было переведено для официального документа (причем довольно точно с точки зрения грамматики, поскольку сохранен посессив, если все-таки принять версию с формой *Хавгин*) и дожило до наших дней, правда, утратив показатель принадлежности (*Щучий* → *Щук-*).

Введенные в базу данных топонимы будут привязаны к электронным картам OpenStreetMap (на основе информации экспедиционных карт). Кроме того, пользователи смогут осуществлять поиск по следующим параметрам и их комбинациям: топоним / часть топонима, вид объекта, населенный пункт / район / регион²⁶, структурный компонент, территория бытования, собиратель, информант, место записи, язык (русский, карельский, вепский, саамский).

Возможности нового ресурса позволят исследователям производить необходимые для работы выборки топонимов по заданным параметрам и выполнять ареальный анализ, выводя на карту значительный корпус в том числе не обозначенных на картах географических объектов, соотносить заложенную в названии географического объекта информацию с его реальными физико-географическими характеристиками, обеспечивая верификацию данных.

Параллельная фиксация официально закрепленных (на картах и в реестрах) и собранных в полевых условиях наименований географических объектов будет способствовать сохранению традиционных форм топонимов, а также выявлению комплекса проблем в передаче карельских топонимов на русский язык.

Наличие поля «Этимология» обеспечивает возможность производить выборку географических названий по языку про-

²⁴ Источником для заполнения данного поля является ГИС «Каталог населенных мест Карелии и сопредельных областей XV–XX вв.», а также таблицы по реконструкции истории ойконимов, подготовленные А. Ю. Жуковым в рамках гранта РФФИ «Ойконимическая система южной Карелии: на стыке традиций и инноваций» (2019–2021 гг., руководитель И. И. Муллонен). Подробнее об этом см.: URL: <http://illhportal.krc.karelia.ru/project.php?id=891&plang=g> (дата обращения: 01.06.2022).

²⁵ Написание топонима дается согласно источнику, дата которого приводится в скобках. Список источников см.: URL: <http://illhportal.krc.karelia.ru/project.php?id=891&plang=g> (дата обращения: 01.06.2022).

²⁶ Административно-территориальная единица «регион» вводится ввиду того, что в Научной картотеке топонимов ИЯЛИИ КарНЦ РАН помимо материалов, собранных в Карелии, содержатся полевые данные из Вологодской, Ленинградской, Мурманской, Тверской областей. Кроме того, в 1926 г. часть территории современной Карелии входила в состав Финляндии.

исхождения, хранить этимологическую интерпретацию топонима (при наличии). Поле «Народное предание, толкование» вводит в научный оборот пласт топонимических преданий, а также позволяет дифференцировать научные и народные/ фольклорные данные.

Заполнение поля «Упоминание в исторических источниках» поможет показать историю развития топонимов, соотнести их официальную форму с народной, выявить языковые истоки и мотивы номинации.

Таблица «Справочники»

В виде отдельных таблиц-справочников в базу данных введена информация об административно-территориальном делении регионов обследования топонимическими экспедициями ИЯЛИ КарНЦ РАН (Республика Карелия, ряд районов Архангельской, Вологодской, Мурманской, Ленинградской, Тверской областей), информантах и собирателях, а также о структурных компонентах топонимов и видах объектов.

Заключение

Интерес со стороны общества к географическим названиям определяет актуальность и значимость описываемого проекта. Разработка открытого ресурса, позволяющего хранить, систематизировать, осуществлять поиск информации по заданным параметрам (в том числе с отображением ее на карте), анализировать и интегрировать материалы в необходимый формат (печатный, электронный), представляется перспективной в связи с отсутствием в настоящее время топонимических геоинформационных систем подобного типа.

Реализуемый проект внесет значительный вклад в развитие ономастики (сложение и функционирование топонимов во времени и пространстве; соотношение разных уровней номинации, механизмы адаптации и решение проблем передачи прибалтийско-финских топонимов на русский язык; этимологическая и семантико-мотивационная интерпретация топонимов), этнологии (формирование этнолокальных групп населения, сложение их территорий и установление границ), истории (формирование системы расселения), фольклористики (изучение исторической прозы прибалтийско-финских народов), поскольку проведение современных исследований невозможно без оперирования большими массивами собранных в полевых условиях и хранящихся в коллекциях картотек и архивов данных, привязанных к картам, без возможности соотнесения материалов одного региона с данными сопредельных областей. Сведения, внесенные в систему, в перспективе могут послужить основой для междисциплинарных проектов, подготовки серии словарей, каталогов, сборников топонимических преданий.

УСЛОВНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

<i>д.</i> –	деревня
<i>карел.</i> –	карельский язык
<i>м.</i> –	мыс
<i>о.</i> –	остров
<i>оз.</i> –	озеро
<i>пос.</i> –	поселок
<i>приб.-фин.</i> –	прибалтийско-финский
<i>рус.</i> –	русский язык
<i>совр.</i> –	современный
<i>ур.</i> –	урочище

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеенко Н. А. Информационные технологии в исследовании топонимии Российской Арктики // Геоинформационное картографирование в регионах России: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 2013. С. 6–9.
2. Герд А. С., Азарова И. В., Федоров С. А., Николаев И. С., Дмитриев А. В. Автоматизированная база данных по топонимии как основа модели формирования историко-культурного ландшафта Ингерманландии // Финно-угорская топонимия в ареальном аспекте: материалы науч. симп. Петрозаводск, 2007. С. 143–154.
3. Захарова Е. В., Кузьмин Д. В., Муллонен И. И. Карельская топонимия в Государственном каталоге географических названий: работа над ошибками // Вопросы ономастики. 2022. Т. 19. № 3.
4. Захарова Е. В., Муллонен И. И. Озеро Киви или Кивиярви: сложные по структуре топонимы Карелии на картах и в Гос-

- каталоге // Геодезия и картография. 2022. № 8. С. 56–64. DOI: 10.22389/0016-7126-2022-986-8-56-64.
5. Захарова Е. В., Муллонен И. И. Топонимический облик современной Карелии // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2021. Вып. 6. С. 298–307. DOI: 10.15393/j103.art.2021.1986.
 6. Ивлиева Н. Г. О создании топонимической базы данных для целей картографирования // Геоинформационное картографирование в регионах России: материалы V Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 2013. С. 68–70.
 7. Керт Г. М. Применение компьютерных технологий в исследовании топонимии (прибалтийско-финская, русская). Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2002. 186 с.
 8. Керт Г. М. Проблема выявления субстрата в проекте «Компьютерный банк топонимии Европейского Севера России» // Традиционная культура финно-угров и соседних народов: проблемы комплексного изучения: тез. докл. междунар. симп. Петрозаводск, 1997. С. 53–56.
 9. Керт Г. М., Вдовицын В. Т. Информационная система для поддержки исследований в области топонимики // Технологии информационного общества – Интернет и современное общество: тр. VII Всерос. объедин. конф. СПб., 2004. С. 62–65.
 10. Керт Г. М., Вдовицын В. Т. Информационные технологии в исследовании топонимии // Вопросы языкознания. 2005. № 3. С. 102–124.
 11. Керт Г. М., Лебедев В. А. Возможности применения ЭВМ при исследовании топонимии Севера европейской части СССР: препр. докл. на заседании Учен. совета Ин-та яз., лит. и истории 27 сент. 1988 г. Петрозаводск: КФ АН СССР, 1988. 17 с.
 12. Керт Г. М., Мамонтова Н. Н. Загадки карельской топонимики: рассказ о географических названиях Карелии. Изд. 3-е, испр. и доп. Петрозаводск: Карелия, 2007. 118 с.
 13. Макарова А. А. К лексикографическому описанию озерной гидронимии Белозерья: словарь и электронная база данных // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сент. 2009 г. Екатеринбург, 2009. С. 166–168.
 14. Мищенко О. В. Электронная база данных «Топонимия Костромской области»: обработка и систематизация полевого материала // Вопросы ономастики. 2011. № 2. С. 89–104.
 15. Муллонен И. И. Материалы к «Словарю топонимов Карелии» // Альманах североевропейских и балтийских исследований. 2018. Вып. 3. С. 304–329. DOI: 10.15393/j103.art.2018.1049.
 16. Муллонен И. И. Мотивация vs ремотивация как источник этнокультурной информации (на материале топонимии Карелии) // Вопросы ономастики. 2019. Т. 16, № 3. С. 61–77. DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031.
 17. Муллонен И. И., Ляля Е. В. Геоинформационная аналитическая система «Топонимия Заонежья» // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 86–96.
 18. Муллонен И. И., Ляля Е. В. ГИС-технологии в исследовании топонимии Карелии // Вестник РГНФ. 2006. № 1. С. 159–168.
 19. Николаева Е. С. Электронная картотека топонимии Русского Севера: проблемы и перспективы // Финно-угорское наследие в русском языке: сб. науч. тр. Екатеринбург, 2000. Вып. 1. С. 143–154.
 20. Тесленок С. А. О необходимости создания специализированной ГИС русской топонимии // Геоинформационное картографирование в регионах России: материалы VII Всерос. науч.-практ. конф. Воронеж, 2015. С. 143–148.
 21. Учеваткина Н. В., Ивлиева Н. Г. О разработке топонимической базы данных ГИС населенных пунктов казахстанского Приуралья // XLIV Огаревские чтения: материалы науч. конф.: в 3 ч. Ч. 2. Естественные науки. Саранск, 2016. С. 481–487.

Поступила 22.06.2022; одобрена 15.07.2022; принята 29.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Е. В. Захарова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, katja.zaharova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3225-7161>

Development of a geographic information system for toponyms of Karelia: historical and cultural aspect

Ekaterina V. Zakharova

*Institute of Linguistics, Literature and History,
Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. The article considers the description of the geographic information system for toponyms of Karelia, which is developed by the Linguistics sector of the ILLH KarRC RAS as a deliverable of a grant of the Russian Science Foundation. It reviews the structure, features of the database and the toponymic material; it discusses the parameters for presenting various information about geographical objects (linguistic, historical, ethnographic, folklore), and reveals the possibilities and prospects for using the resource.

Materials and Methods. The main material is the field toponymic data stored in the collections of the Card index of place names at ILLH KarRC RAS, information from the Register of the State Catalog of Geographical Names for the Republic of Karelia and the GIS "Catalogue of settlements in Karelia and adjacent areas of the XV–XX centuries". The article employs a number of methods such as descriptive, structural derivational, etymological, comparative, statistical.

Results and Discussion. The paper analyzes the toponymic electronic resources presented in the public domain. It considers the structure of the created database of the geographic information system and the main parameters of the presentation of toponymic material in it. The following features that distinguish the new resource are described: the use of open source code, the presence of the fields "Mention in historical sources", "Folk interpretation, legend", binding the names of objects to electronic maps. It presents the examples of toponym descriptions. It has been established that, in addition to the tasks of preserving and systematizing the toponymic heritage of the peoples of Karelia, displaying the desired geographical objects on maps, the created resource provides the access to the field materials of toponymists not only in linguistic research, but also for solving ethnohistorical and historical and cultural problems.

Conclusions. The project deliverable can make a significant contribution to the development of onomastics, ethnology, history, folklore and can be in demand by a wide audience. The information entered into the system, in future, can serve as the basis for interdisciplinary research, the preparation of a series of dictionaries, catalogs, collections of toponymic legends.

Keywords: Karelia, geographic information system, toponymy, Russian language, Baltic-Finnish languages, historical and cultural heritage

Acknowledgments: The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation № 22-28-00362 "Creation of an open geographic information system for toponyms of Karelia (the case of republic's Arctic zone)".

For citation: Zakharova EV. Development of a geographic information system for toponyms of Karelia: historical and cultural aspect. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14;4:463-473. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.463-473.

REFERENCES

1. Alekseenko NA. Information technology in the study of the toponymy of the Russian Arctic. *Geoinformatsionnoe kartografirovaniye v regionakh Rossii: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf.* = Geoinformation mapping in the regions of Russia. Materials of the V All-Russian scientific and practical conference. Voronezh; 2013:6–9. (In Russ.)
2. Gerd AS, Azarova IV, Fedorov SA, Nikolaev IS, Dmitriev AV. Automated database on toponymy as the basis of the model for the formation of the historical and cultural landscape of Ingermanland. *Finno-ugorskaia toponimiia v areal'nom aspekte: materialy nauch. simp.* = Finno-Ugric toponymy in the areal aspect. Materials of scientific symposium. Petrozavodsk; 2007:143–154. (In Russ.)
3. Zakharova EV, Kuz'min DV, Mullonen II. Karelian Toponymy in the State Catalog of Geographical Names: Correcting Mistakes. *Voprosy onomastiki* = Problems of Onomastics. 2022;19;3. (In Russ.)
4. Zakharova EV, Mullonen II. Lake Kivi or Kivi-järvi: complex place names of Karelia on maps and in the State Catalog. *Geodeziia i kartografiia* = Geodesy and cartography. 2022;8:56–64. (In Russ.). DOI: 10.22389/0016-7126-2022-986-8-56-64.

5. Zakharova EV, Mullonen II. Toponymic look of modern Karelia. *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovaniĭ* = Nordic and Baltic Studies Review. 2021;6:298–307. (In Russ.). DOI: 10.15393/j103.art.2021.1986.
6. Ivlieva NG. On the creation of a toponymic database for the purposes of mapping. *Geoinformatsionnoe kartografirovanie v regionakh Rossii: materialy V Vseros. nauch.-prakt. konf.* = Geoinformation mapping in the regions of Russia. Materials of the V All-Russian scientific and practical conference. Voronezh; 2013:68–70. (In Russ.)
7. Kert GM. Application of computer technologies in the study of toponymy (Baltic-Finnish, Russian). Petrozavodsk; 2002. (In Russ.)
8. Kert GM. The problem of identifying the substrate in the project “Computer bank of toponymy of the European North of Russia”. *Traditsionnaia kul'tura finno-ugrov i sosednikh narodov: problemy kompleksnogo izucheniia: tez. dokl. mezhdunar. simp.* = Traditional culture of the Finno-Ugric peoples and neighboring peoples: problems of a comprehensive study. Abstracts of the reports of the international symposium. Petrozavodsk; 1997:53–56. (In Russ.)
9. Kert GM, Vdovitsyn VT. Information system to support research in the field of toponymy. *Tekhnologii informatsionnogo obshchestva – Internet i sovremennoe obshchestvo: tr. VII Vseros. ob'ed. konf.* = Technologies of the information society – the Internet and modern society. Proceedings of the VII All-Russian united conference. Saint-Petersburg; 2004:62–65. (In Russ.)
10. Kert GM, Vdovitsyn VT. Information technologies in the study of toponymy. *Voprosy iazykoznanii* = Topics in the study of language. 2005;3:102–124. (In Russ.)
11. Kert GM, Lebedev VA. Possibilities of using computers in the study of the toponymy of the North of the European part of the USSR. Preprint of the report at the meeting of the Academic Council of the Institute of Language, Literature and History, September 27, 1988. Petrozavodsk; 1988. (In Russ.)
12. Kert GM, Mamontova NN. Riddles of Karelian toponymy: a story about the geographical names of Karelia. Ed. 3rd, corrected and supplemented. Petrozavodsk; 2007. (In Russ.)
13. Makarova AA. On the lexicographic description of the lake hydronymy of Belozerye: a dictionary and electronic database. *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy Mezhdunar. nauch. konf. Ekaterinburg, 8–12 sent. 2009 g.* = Ethnolinguistics. Onomastics. Etymology. Proceedings of the International scientific conference. Ekaterinburg, 8–12 September 2009. Ekaterinburg; 2009:166–168. (In Russ.)
14. Mishchenko OV. “Kostroma region toponymy”, an electronic database: field material processing and systematization. *Voprosy onomastiki* = Problems of Onomastics. 2011;2:89–104. (In Russ.)
15. Mullonen II. Materials to the “Dictionary of Karelia’s place-names”. *Al'manakh severoevropeiskikh i baltiiskikh issledovaniĭ* = Nordic and Baltic Studies Review. 2018;3:304–329. (In Russ.). DOI: 10.15393/j103.art.2018.1049.
16. Mullonen II. Motivation vs remotivation as a source of ethnocultural information (based on place names of Karelia). *Voprosy onomastiki* = Problems of Onomastics. 2019;16;3:61–77. (In Russ.). DOI: 10.15826/vopr_onom.2019.16.3.031.
17. Mullonen II, Liallia EV. Geographical information and analytical system “Zaonezhje toponymy”. *Voprosy onomastiki* = Problems of Onomastics. 2005;2:86–96. (In Russ.)
18. Mullonen II, Liallia EV. GIS technologies in the study of the toponymy of Karelia. *Vestnik Rossiiskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda* = Bulletin of the Russian foundation for humanities. 2006;1:159–168. (In Russ.)
19. Nikolaeva ES. Electronic file of toponymy of the Russian North: problems and prospects. *Finno-ugorskoe nasledie v russkom iazyke: sb. nauch. tr.* = Finno-Ugric heritage in Russian. Collection of scientific papers. Ekaterinburg; 2000;1:143–154. (In Russ.)
20. Teslenok SA. On the need to create a specialized GIS of Russian toponymy. *Geoinformatsionnoe kartografirovanie v regionakh Rossii: materialy VII Vseros. nauch.-prakt. konf.* = Geoinformation mapping in the regions of Russia. Materials of the VII All-Russian scientific and practical conference. Voronezh; 2015:143–148. (In Russ.)
21. Uchevatkina NV, Ivlieva NG. On the development of toponymic database GIS populated areas Kazakhstan Priuralye. *XLIV Ogarevskie chteniia: materialy nauch. konf.: v 3 ch. Ch. 2. Estestvennye nauki* = XLIV Ogarev Readings. Proceedings of scientific conference. Natural sciences. Saransk; 2016;2:481–487. (In Russ.)

Submitted 22.06.2022; reviewing 15.07.2022; accepted 29.09.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

E. V. Zakharova – Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, katja.zaharova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3225-7161>

Целебные свойства ягодных растений в народной медицине карел (из опыта полевых исследований)

Татьяна Владимировна Пашкова

Петрозаводский государственный университет

Александра Павловна Родионова

Институт языка, литературы и истории

Карельского научного центра РАН,

Петрозаводск, Россия

Введение. Предлагаемое исследование представляет собой анализ и систематизацию полевых материалов по народной медицине карел, собранных авторами в 2000-х гг. у представителей этноса, проживающих на территории Карелии.

Материалы и методы. В основу исследования легли полевые материалы, зафиксированные в местах проживания карел. В работе применены сравнительно-сопоставительный и сравнительно-исторический методы.

Результаты исследования и их обсуждение. Авторы обращаются к одному из самых распространенных и древних способов этномедицины – ягодолению, а именно к использованию ягод, ягодных растений и их компонентов у карел. Данная тема актуальна как с точки зрения применения народных медицинских знаний в практике лечения, так и в плане отражения в ассортименте лекарственных трав этнического своеобразия народа и локальных особенностей. В лечебных целях использовались такие виды ягод, как брусника, клюква, черника, черемуха, калина, малина, морошка, земляника, ирга, волчье лыко, черная смородина. Фитотерапия пользовалась большой популярностью при лечении простудных заболеваний, болезней желудочно-кишечного тракта, общего недомогания и некоторых кожных заболеваний у собственно карел, ливвиковских и людиковских карел. Самыми распространенными способами ягодоления, бытующими на всей территории проживания карельского народа, были употребление ягод клюквы и брусники в свежем виде, малинового варенья, чая с добавлением сушеной малины или чашелистиков морошки, отвара из листьев и ягод малины, брусничного или клюквенного морса. Одно и то же растение могло использоваться для лечения разных заболеваний, при этом части растения и способ употребления могли варьироваться.

Заключение. Собранный материал и проведенное исследование показали, что ягоды и части ягодных растений имеют достаточно широкий спектр применения в медицинской практике всех групп карел. В целом лечение с помощью ягодных растений пользовалось большой популярностью при избавлении от простудных заболеваний, болезней желудочно-кишечного тракта, общего недомогания и некоторых кожных заболеваний.

Ключевые слова: народная медицина, фитотерапия, карелы, карельская традиционная культура, лечебные обряды, верования

Благодарности: Исследование А. П. Родионовой проведено в рамках бюджетного финансирования Карельского научного центра РАН (тема № 121070700122-5 «Фундаментальные и прикладные аспекты исследования прибалтийско-финских языков Карелии и сопредельных областей»).

Для цитирования: Пашкова Т. В., Родионова А. П. Целебные свойства ягод в народной медицине карел (из опыта полевых исследований) // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 474–485. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.474-485.

Введение

Фитотерапия среди способов народной медицины занимает ведущее место. Она известна у всех финно-угорских народов, которые обладали проверенным и накопленным в течение тысячелетий опытом по сбору, заготовке, приготовлению и употреблению целебных трав. Набор

используемых лечебных растений, в том числе ягодных, в первую очередь зависел от местной флоры, условий жизни этноса и видов заболеваний. Познание целительных свойств растений давало возможность народу применять их в качестве лекарств при различных недугах.

Обзор литературы

В представленном исследовании авторы обращаются к одному из самых распространенных и древних способов этномедицины – ягодолечению, а именно использованию в лечебных целях ягод, ягодных растений и их компонентов у карел. В финно-угроведении к вопросу использования ягод в народной медицине обращались такие исследователи, как И. Ю. Винокурова [1], Н. Зайцева¹, Г. И. Иванова, Н. С. Попов [2], И. В. Ильина [3; 4], Л. И. Никонова [8; 9], К. Линкола [13], Й. И. Лиро² и др. [11; 12; 16; 18; 19; 21; 22].

Фитотерапия еще не была объектом специального изучения на карельском материале, однако существуют отдельные сведения и исследования по данной проблематике [5–7; 10; 14; 15; 17; 20; 22]. Обозначенная тема представляет интерес как с точки зрения народных медицинских знаний, применяемых в практике лечения, так и в плане отражения в ассортименте лекарственных трав этнического своеобразия народа и локальных особенностей его отдельных групп. Кроме того, подобные исследования дают возможность выявить единство культур народов, проживающих на одной или близлежащих территориях.

Материалы и методы

Исследование выполнено с применением сравнительно-сопоставительного и сравнительно-исторического методов. Способом сбора фактологического материала стали полевые изыскания, которые проводились авторами в 2000-х гг. с помощью методов анкетирования и интервью.

Для изучения роли народной медицины в современной жизни карел полевой материал³ собирался в местах их традиционно проживания на территории Республики Карелия: в Олонецком, Калевальском, Пряжинском районах, Костомукшском го-

родском округе. Информантами выступили мужчины и женщины, жители карельских деревень и городов, 1929–1976 г. р. Всего было опрошено более 70 чел.

Результаты исследования и их обсуждение

Задаваемые респондентам вопросы касались рациональной и иррациональной народной медицины, верований и мифологических представлений карел, народных названий болезней и др. В данной статье мы рассмотрим, какое место в фитотерапии у карел занимают ягоды. Для наглядности весь собранный материал по обозначенному аспекту представим в виде таблицы.

Рассмотрим подробнее ягодные растения с наиболее широким спектром применения в народной медицине карел.

Брусника. По сведениям информантов, у всех групп карел приоритет в народной лечебной практике принадлежит бруснике. Из листьев этого растения, богатого витамином С, изготавливали ранее и изготавливают сейчас отвары и настойки; ягоды применяются в виде отвара, варенья, морса, сока, в свежем виде. Отвар из листьев в виде примочек или протирания считается эффективным при лечении кожных заболеваний у карел-людигов, а употребление внутрь практикуется при болезнях мочеполовой системы и почек у карел-ливвиков, а также для излечения простуды и кашля у ливвиковских и собственно карел. Целительную силу ягодного отвара отметили при опросе жители с. Видлица (для лечения «разных заболеваний») и г. Лахденпохья (при кашле и простуде). Настойку только из листьев ягодного кустарника изготавливали в местах проживания собственно карел (д. Толлорека, д. Войница). Ее использовали в форме компрессов при нарывах или употребляли внутрь от «многих заболеваний». Простудные болезни, сопровождающиеся различными симптомами (кашель, жар, цистит), у ливвиков-

¹ См.: Зайцева Е. Н. Народная медицина удмуртов: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2004.

² См.: Karjalaisia kasvinnimiä / koonnut J. I. Liro. Helsinki, 1915.

³ Полевые материалы автора: экспедиция в Олонецкий, Калевальский, Костомукшский, Пряжинский районы Республики Карелия. Январь 2015 г. Информанты: 1, 1961 г. р.; 2, 1940 г. р.; 3, 1939 г. р.; 4, 1947 г. р.; 5, 1948 г. р.; 6, 1962 г. р.; 7, 1931 г. р. и т. д.

Таблица. Применение ягодных растений в карельской народной медицине (начало)

Table. The use of berry plants in Karelian folk medicine (begin)

Растение / Plant	Используемые части / Parts to use	Вид применения / Application mode	Способ применения / Method of application	Заболевание / Disease	Локальная группа карел / Local group of the Karelians	
1	2	3	4	5	6	
Брусника / Lingonberry	Листья / Leaves	Отвар / Decoction	Протирание, примочки / Rubbing, lotions	Кожные заболевания / Skin diseases	Людиковские карелы (д. Нюхово) / Ludic Karelians	
			Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Ливвиковские карелы (д. Гавриловка, д. Тукса), собственно карелы (пгт Калевала, д. Ювалакша) / Livvic Karelians, Karelians	
			Болезни мочеполовой системы, болезни почек / Diseases of the genitourinary system, kidney disease	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро, д. Кибранаволок, д. Колатсельга) / Livvic Karelians		
			Кашель / Cough	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро), собственно карелы (г. Лахденпохья) / Livvic Karelians, Karelians		
	Настойка / Tincture	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Многие заболевания / Various diseases	Собственно карелы (д. Войница) / Karelians		
			Примочки / Lotions	Нарывы / Boils	Собственно карелы (д. Толлорека) / Karelians	
	Ягоды / Berries	Отвар / Decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Разные заболевания / Various diseases	Ливвиковские карелы (с. Видлица) / Livvic Karelians	
			Варенье, морс / Jam, fruit drink	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Общеукрепляющее средство, простуда / General tonic, cold	Людиковские карелы (пгт Пряжа) / Ludic Karelians
			В свежем виде / Fresh	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians
					Общеукрепляющее средство / General tonic	Ливвиковские карелы (д. Колатсельга) / Livvic Karelians
					Цинга / Scurvy	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволок, д. Лахта) / Livvic Karelians
			Клади в ухо / Ear drops	Отит / Otitis	Ливвиковские карелы (д. Метчелица) / Livvic Karelians	
			Отвар, морс / Decoction, fruit drink	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда, кашель / Cold, cough	Собственно карелы (г. Лахденпохья) / Karelians
			В собственном соку / In own juice	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Болезни мочеполовой системы / Diseases of the genitourinary system	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians
Морс / Fruit drink			Внутрь / Taken by mouth (orally)	Жар / Fever	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволок, д. Лахта) / Livvic Karelians	
Сок / Juice			Внутрь / Taken by mouth (orally)	Кашель / Cough	Ливвиковские карелы (д. Метчелица) / Livvic Karelians	

Таблица. Применение ягодных растений в карельской народной медицине (продолжение)

Table. The use of berry plants in Karelian folk medicine (continuous)

1	2	3	4	5	6			
Волчье лыко / Wolf bast	Ягоды / Berries	Сушеные / Dry	Прикладыва-ние / Applied to the skin	Зубная боль / Toothache	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволоок, д. Лахта, с. Эссойла) / Livvic Karelians			
Земля-ника / Strawberry	Листья, ягоды / Leaves, berries	Отвар / Decoction	Внутри / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians			
	Листья / Leaves	Настойка / Tincture	Внутри / Taken by mouth (orally)	Цинга / Scurvy	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволоок, д. Лахта) / Livvic Karelians			
Ирга / Irga	Ягоды / Berries	Настойка / Tincture	Внутри / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Собственно карелы (пгт Калевала, д. Ювалакша) / Karelians			
Калина / Viburnum	Ягоды / Berries	Сок / Juice	Капание / Drops	Отит / Otitis	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians			
			Внутри / Taken by mouth (orally)	Головная боль / Headache	Ливвиковские карелы (с. Эссойла), людиковские карелы (пгт Пряжа) / Livvic Karelians, Ludic Karelians			
		Отвар / Decoction	Капание / Drops	Отит / Otitis	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians			
			Обмывание / Washing	Золотушка / Scrofula	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволоок, д. Лахта) / Livvic Karelians			
Клюква / Cranberry	Ягоды / Berries	Сок / Juice	Смазывание / Anointing	Лишай / Lichen	Собственно карелы (д. Толлорека) / Karelians			
				Фурункул / Furuncle	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians			
				Болячки / Sores	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволоок, д. Лахта) / Livvic Karelians			
			Внутри / Taken by mouth (orally)	Кашель / Cough	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians			
		Сок с медом / Juice with honey	Внутри / Taken by mouth (orally)	Сок с медом / Juice with honey	Внутри / Taken by mouth (orally)	Кашель / Cough	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians	
						Простуда / Cold	Ливвиковские карелы (п. Поросозеро) / Livvic Karelians	
							Общеукрепляющее средство, простуда / General tonic, cold	Людиковские карелы (пгт Пряжа), ливвиковские карелы (д. Корбинаволоок, д. Лахта) / Ludic Karelians, Livvic Karelians
							Кашель / Cough	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians
		Морс, настойка, отвар / Decoction, tincture, fruit drink	Внутри / Taken by mouth (orally)	Морс, настойка, отвар / Decoction, tincture, fruit drink	Внутри / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Ливвиковские карелы (д. Кибранаволоок) / Livvic Karelians	
						В свежем виде / Fresh	Внутри / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold
В свежем виде / Fresh	Внутри / Taken by mouth (orally)	В свежем виде / Fresh	Внутри / Taken by mouth (orally)	Цинга / Scurvy	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволоок, д. Лахта) / Livvic Karelians			

Table. The use of berry plants in Karelian folk medicine (continuous)

1	2	3	4	5	6
		Отвар, морс / Decoction, fruit drink	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда, кашель / Cold, cough	Собственно карелы (г. Лахденпохья) / Karelians
		Запаривали в печи с саха- ром и спирт- ом / Steamed in an oven with sugar and alcohol	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians
		Протертая с сахаром / Pureed with sugar	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Болезни мочеполовой системы / Diseases of the genitourinary system	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians
Малина / Raspberry	Листья / Leaves	Отвар, чай / Decoction, tea	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простудные за- болевания, грипп, ангина / Colds, flu, sore throat	Людиковские карелы (д. Нюхово), ливвиковские карелы д. Тукса), собствен- но карелы (д. Войница, г. Кемь, д. Толлорека) / Ludic Karelians, Livvic Karelians, Karelians
					Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро, д. Киннерма, д. Матчезеро, д. Кибранаволок) / Livvic Karelians
	Листья, веточки / Leaves, twigs	Отвар / Decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда, кашель / Cold, cough	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро, д. Киннерма, д. Матчезеро, д. Кибранаволок) / Livvic Karelians
					Ливвиковские карелы (д. Колатсельга) / Livvic Karelians
	Ягоды / Berries	Чай / Tea	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Собственно карелы (д. Толлорека) / Karelians
					Собственно карелы (пгт Калевала) / Karelians
		Варенье / Jam	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians
					Ливвиковские карелы (д. Колатсельга) / Livvic Karelians
		Варенье с горячим чаем или молоком / Jam with hot tea or milk	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Боль в горле / Sore throat	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволок, д. Лахта) / Livvic Karelians
		Сушеные, отвар / Dry, decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Ливвиковские карелы (д. Колатсельга) / Livvic Karelians
		Варенье, морс / Jam, fruit drink	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Общеукрепляющее средство, простуда / General tonic, cold	Людиковские карелы (пгт Пряжа) / Ludic Karelians
	Ягоды, листья / Berries, leaves	Сушеные, отвар / Dry, decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда, боль в горле, анги- на / Cold, Sore throat, tonsillitis	Ливвиковские карелы (д. Вехкусельга, д. Улваньи) / Livvic Karelians
			Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians
Внутрь / Taken by mouth (orally)			Жар / Fever	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволок, д. Лахта) / Livvic Karelians	
Ягоды, ча- шелустики / Berries, sepals	Сушеные, отвар / Dry, Decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Боль в горле / Sore throat	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволок, д. Лахта) / Livvic Karelians	

Таблица. Применение ягодных растений в карельской народной медицине (продолжение)

Table. The use of berry plants in Karelian folk medicine (continuous)

1	2	3	4	5	6
Морошка / Cloudberry	Чашелистики / Sepals	Отвар, чай / Decoction, tea	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Болезни дыха- тельных путей / Respiratory diseases	Ливвиковские карелы (д. Вех- кусельга), людиговские карелы (д. Нюхово), собственно карелы (д. Войница, пгт Калевала, д. Толлорека, д. Ювалакша) / Livvic Karelians, Ludic Karelians, Karelians
		Отвар, на- стойка, чай / Decoction, tincture, tea	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Общеукрепля- ющее средство, простуда / General tonic, cold	Людиговские карелы (пгт Пряжа) / Ludic Karelians
		Отвар / Decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда, кашель / Cold, cough	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро, д. Кибранаволок, д. Тукса) / Livvic Karelians
		Отвар, за- паривание / Decoction, steaming	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Кашель / Cough	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians
		Настойка / Tincture	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Многие заболевания / Various diseases	Собственно карелы (д. Войница) / Karelians
	Ягоды / Berries	Варенье, морс / Jam, fruit drink	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Общеукрепля- ющее средство, простуда / General tonic, cold	Людиговские карелы (пгт Пряжа) / Ludic Karelians
		Отвар, морс / Decoction, fruit drink	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда, кашель / Cold, cough	Собственно карелы (г. Лахденпохья) / Karelians
		В свежем виде, сок / Fresh, juice	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Цинга / Scurvy	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволок, д. Лахта) / Livvic Karelians
		Отвар / Decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Кашель / Cough	Собственно карелы (д. Войница, г. Кемь), ливвиковские карелы (д. Кинерма, д. Магчезеро) / Karelians, Livvic Karelians
				Простуда / Cold	Собственно карелы (пгт Калевала) / Karelians
В собствен- ном соку / In own juice	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Общеукрепля- ющее средство, простуда / General tonic, cold	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians		
Рябина / Rowanberry	Ягоды / Berries	Сушеные, в свежем виде / Dried, fresh	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Боль в животе / Stomach-ache	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволок, д. Лахта) / Livvic Karelians
		Свежие ис- толченные / Fresh crushed	Смазывание / lubrication	Бородавки / Warts	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволок, д. Лахта) / Livvic Karelians
Смородина (черная) / Black currant	Листья / Leaves	Отвар / Decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Собственно карелы (д. Войница, пгт Калевала, г. Кемь, д. Ювалакша), ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Karelians, Livvic Karelians
	Листья, яго- ды / Leaves, berries	Отвар / Decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Ливвиковские карелы (д. Ульвань) / Livvic Karelians
	Ягоды / Berries	Сок из свежих ягод / Juice from fresh berries	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Головная боль, увеличение щитовидной же- лезы / Headache, enlargement of the thyroid gland	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро, с. Эссойла) / Livvic Karelians

Table. The use of berry plants in Karelian folk medicine (finish)

1	2	3	4	5	6
Черника / Blueberry	Листья / Leaves	Отвар / Decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Боль в животе / Stomach-ache	Собственно карелы (д. Толлорека) / Karelians
	Ягоды / Berries	Отвар, сушеные, настойка / Decoction, dried, tincture	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Боль в животе / Stomach-ache	Собственно карелы (д. Толлорека) / Karelians
		Сушеные / Dry	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Боль в животе / Stomach-ache	Ливвиковские карелы (д. Вехкусельга, д. Кибра- наволок) / Livvic Karelians
		Сушеные, отвар, настойка / Dry, dried, tincture	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Кишечные болезни / Intestinal diseases	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians
		В собствен- ном соку / In own juice	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Диабет / Diabetes	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians
		Варенье / Jam	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Общеукрепля- ющее средство / General tonic	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians
		Сушеные, чай / Dry, tea	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Боль в животе / Stomach-ache	Ливвиковские карелы (д. Колатсельга) / Livvic Karelians
	Листья, яго- ды / Leaves, berries	Отвар / Decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Простуда / Cold	Ливвиковские карелы (д. Вехкусельга) / Livvic Karelians
Диарея / Diarrhea				Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians	
Черемуха / Bird cherry	Ягоды / Berries	Отвар / Decoction	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Диарея / Diarrhea	Ливвиковские карелы (с. Ведлозеро) / Livvic Karelians,
		Сушеные, чай / Dry, tea	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Боль в животе / Stomach-ache	Ливвиковские карелы (д. Колатсельга) Livvic Karelians,
		Сушеные, в свежем виде / Dry, fresh	Внутрь / Taken by mouth (orally)	Боль в животе / Stomach-ache	Ливвиковские карелы (д. Корбинаволок, д. Лах- та) / Livvic Karelians
			Диарея / Diarrhea	Ливвиковские карелы (с. Эссойла) / Livvic Karelians	

ских и людиковских карел лечили употреблением ягод брусники в виде варенья (пгт Пряжа), морса (д. Корбинаволок, д. Лахта, пгт Пряжа), в свежем виде (с. Ведлозеро), в собственном соку (с. Ведлозеро), полученного сока (д. Метчелица). Карелы-ливвики и людики отмечают общеукрепляющее действие на организм брусничного варенья и морса, а также свежих ягод. Распространенное заболевание цинга, вызванное нехваткой витамина С, информанты из д. Корбинаволок и д. Лахта лечили свежими ягодами брусники, поедая их в большом количестве. Интерес

вызывает способ лечения отита у жителей д. Метчелица: в большое ухо клали свежую ягоду брусники. Возможно, это связано с ее противовоспалительными свойствами⁴.

Клюква. Применение клюквы по многим параметрам (виды заболеваний, способ и вид применения), включая ареалы распространения, сходно с брусникой. Клюква также содержит большое количество витамина С. Ее главное отличие от брусники состоит в том, что в карельской народной медицине использовали только ягоды, из которых изготавливали сок, морс, настойку, отвар, а также употребля-

⁴См.: Чернов В. Н. Лекарственные растения Карелии. Петрозаводск, 1958. С. 24.

ли в свежем виде или выпаривали в печи. Для исцеления кожных заболеваний (лишай, фурункул, различные болячки) пораженные места смазывали клюквенным соком. Кроме того, свежий сок клюквы (как вариант: сок с медом – с. Ведлозеро), морс (д. Корбиनावолок, д. Лахта, п. Поросозеро, пгт Пряжа), настойку или отвар (д. Кибранаволок, г. Лахденпохья), а также выпаренные в печи с сахаром и спиртом или свежие ягоды (с. Ведлозеро) употребляли внутрь при простудных заболеваниях (особенно при кашле). С цингой боролись поеданием свежих ягод (д. Корбиनावолок, д. Лахта). Ливвиковские карелы с. Ведлозеро для избавления от болезненной мочеполовой системы ели протертую клюкву с сахаром.

Малина. У всех групп карел арсенал лекарственных растений включал малину. Благодаря своим целебным свойствам использовались ягоды, листья, веточки и чашелистики. Наиболее часто эти части растения применялись при лечении простудных заболеваний (упоминаются также грипп, ангина), которые сопровождались болью в горле, жаром или кашлем. Для исцеления употребляли внутрь отвары, чай, морс. Кроме того, хорошим жаропонижающим средством, по мнению информантов, было сваренное из ягод малиновое варенье – его ели с горячим чаем или молоком. Жители д. Колатсельга считают, что отвар из листьев и веточек малины обладает хорошим профилактическим свойством в сезон простуды.

Ягоды и части ягодных растений имеют достаточно широкий спектр применения в медицинской практике всех групп карел. В лечебных целях использовались такие виды ягод, как брусника, клюква, черника, черемуха, калина, малина, морошка, земляника, ирга, волчье лыко, черная смородина.

Морошка. Из чашелистиков и ягод морошки карелы делали отвары, чай, настойки, варенье, морс. Повсеместно пили отвары или чай из чашелистиков для лечения болезней дыхательных путей. Такое

У всех групп карел приоритет в народной лечебной практике принадлежит бруснике. Из листьев этого растения, богатого витамином С, изготавливали ранее и изготавливают сейчас отвары и настойки; ягоды применяются в виде отвара, варенья, морса, сока, в свежем виде. Отвар из листьев в виде примочек или протирания считается эффективным при лечении кожных заболеваний.

же средство использовалось карелами-людиками (пгт Пряжа) в качестве общеукрепляющего и при простудах. Информанты из с. Ведлозеро, д. Кибранаволок, д. Тукса употребляли отвары (как вариант: выпаренные чашелистики) от кашля. Из чашелистиков изготавливали настойку (собственно карелы из д. Войница) для избавления «от многих заболеваний», из ягод – варенье или морс (карелы-людики из пгт Пряжа) в качестве общеукрепляющего средства и от простуды, отвар или морс (собственно карелы из г. Лахденпохья) от простуды или кашля. Карелы-ливвики употребляли ягоды морошки в свежем виде или выдавливали из них сок для лечения цинги, так как эта ягода богата витамином С.

Смородина (черная). Согласно полученным от респондентов данным, большое количество витаминов содержится в черной смородине. Именно по этой причине отвары из ее листьев и ягод применялись ливвиковскими и собственно карелами при различных простудных заболеваниях. При головной боли или увеличении щитовидной железы ягоды употреблялись в свежем виде.

Черника. Лечение боли в животе, различных кишечных болезней, диареи карелы осуществляли посредством листьев или ягод черники. С этой целью изготавливали отвар или настойку (собственно карелы из д. Толлорека; ливвиковские карелы из с. Ведлозеро). Многие информанты отмечают, что ягоды черники сушили на зиму и затем ели их при расстройстве желудка или болезненных проявлениях в

животе. Помимо упомянутых заболеваний с помощью черники жители с. Ведлозеро пытались лечить недомогания, вызванные нехваткой витаминов, и диабет. В первом случае для этого употребляли черничное варенье, а во втором – ягоды в собственном соку. Информанты из д. Вехкусельга пили отвар из листьев и ягод черники при простудных заболеваниях.

Ливвиковские карелы избавлялись от боли в животе и диареи с помощью ягод *черемухи* или *рябины*, как сушеных, так и в свежем виде. Изолченными плодами рябины выводили бородавки: смазывали и завязывали на ночь (д. Корбинаволок, д. Лахта).

В фитотерапии использовались и другие ягоды и ягодные растения, о которых от информантов были получены единичные сведения. Например, эффективность ягод *волчьего лыка* при зубной боли была отмечена только ливвиковскими карелами (д. Корбинаволок, д. Лахта, с. Эссойла). Ягоды собирали летом, снимали с них корку и сушили, а затем при необходимости прикладывали к больному зубу или закладывали в него. Благодаря большому количеству витамина С в листьях и ягодах *земляники* карелы-ливвики из с. Ведлозеро, д. Корбинаволок, д. Лахта использовали их в виде отвара от простуды и настойки от цинги. В с. Ведлозеро (карелы-ливвики) избавлялись от отита закапыванием в ушную раковину отвара или сока из ягод *калины*, а в пгт Пряжа (карелы-людики) и с. Эссойла (карелы-ливвики) пили сок из ягод *калины* от головной боли. Собственно карелы (пгт Калевала, д. Ювалакша) употребляли внутрь настойку из ягод *ирги* при простудных заболеваниях.

Заключение

Итак, собранный материал и проведенное исследование показали, что ягоды и части ягодных растений имеют достаточно широкий спектр применения в медицинской практике всех групп карел. В лечебных целях использовались такие виды ягод, как брусника, клюква, черника, черемуха, калина, малина, морошка, земляника, ирга, волчье лыко, черная смородина. Однако диапазон их применения различался.

У всех групп карел арсенал лекарственных растений включал малину. Благодаря своим целебным свойствам использовались ягоды, листья, веточки и чашелистики. Наиболее часто эти части растения применялись при лечении простудных заболеваний, которые сопровождались болью в горле, жаром или кашлем. Для исцеления употребляли внутрь отвары, чай, морс.

Наиболее широкий спектр был у малины. В лечебных целях карелы использовали листья, чашелистики, ягоды, веточки этого растения. Стоит отметить и большую частотность употребления брусники, морошки и клюквы. В целом фитотерапия пользовалась большой популярностью при лечении простудных заболеваний, болезней желудочно-кишечного тракта, общего недомогания и некоторых кожных заболеваний у всех групп карел (собственно карел, ливвиковских и людиковских карел).

Самыми распространенными способами ягодоления, бытующими на всей территории проживания карел, были употребление в свежем виде ягод клюквы и брусники, использование малинового варенья, чая с добавлением сушеной малины или чашелистиков морошки, отвара из листьев и ягод малины, брусничного или клюквенного морса. Одно и то же растение служило для лечения разных заболеваний – варьировались части растения и способ употребления. Например, с помощью малины лечили кашель, боль в горле, жар, прыщи. Для этого использовали ягоды (варенье, отвар), чашелистики (заваренные), веточки (заваренные), листья (отвар). Большое количество витаминов содержалось в ягодах. Карелы поедали их в свежем виде, а также выдавливали из них сок: головную боль и увеличенную щитовидную железу лечили соком из свежих ягод черной смородины или калины, от кашля пили сок клюквы или брусники. Все группы карел от цинги исцелялись употреблением большого количества ягод и трав с повышенным содержанием витамина С: клюквы, брусники, морошки, земляники.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Винокурова И. Ю. Вепсы. Народная медицина // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск, 2019. С. 478–490.
2. Иванова Г. И., Попов Н. С. Народная медицина // Марийцы = Марий калык: историко-этнографические очерки. Йошкар-Ола, 2005. С. 237–243.
3. Ильина И. В. Народная медицина коми. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1997. 236 с.
4. Ильина И. В. Традиционная медицинская культура народов Европейского Северо-Востока (конец XIX – XX вв.). Сыктывкар: КомиНЦ УрО РАН, 2008. 225 с.
5. Инха И. К. В краю калевальских песен: тропой Лённрота по Беломорской Карелии; Очерк о земле Беломорской Карелии. Петрозаводск: Периодика: Юминкеко, 2019. 462 с.
6. Конкка А. П. Viändöi – время летнего «поворота» в календарной обрядности карел // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1992. С. 28–45.
7. Никольская Р. Ф., Сурхаско Ю. Ю. О карельской народной медицине: рациональное и «иррациональное» в традиционном врачевании // Обряды и верования народов Карелии: Человек и его жизн. цикл. Петрозаводск, 1994. С. 103–121.
8. Никонова Л. И. Традиционная медицина тюркских народов Поволжья и Приуралья как часть системы их жизнеобеспечения. Рузаевка: [Б. и.], 2000. 156 с.
9. Никонова Л. И., Кандрина И. А., Романова М. Н. Народная медицина мордвы – простая и загадочная... (по результатам этнографических экспедиций. 1990–2010 гг.): моногр. Саранск; Пенза: Социосфера, 2011. 419 с. (Народы Мордовии).
10. Пашкова Т. В. Народная медицина // Народы Карелии: историко-этнографические очерки. Петрозаводск, 2019. С. 240–250.
11. Hakamies P. Sauna ja kansanomaisen terveydenhoito // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 275–280.
12. Kansanomainen lääkintätietous / toim. M. Hako. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1957. 255 s.
13. Linkola K. Raja-karjalaisia kasvien nimiä keräämässä // Luonnon ystävä. Yleistajuinen luonnontieteellinen aikakauslehti. 1914. No. 5. S. 191–197.
14. Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä // Kansa parantaa. Helsinki, 1983. S. 225–230.
15. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1924. 188 s.
16. Pelkonen R. Lääketieteen juurilla // Kalevalaseuran vuosikirja. Lönnrotin hengessä. Helsinki, 2002. No. 81. S. 157–169.
17. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto: Uskontoantropologinen tutkimus. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1971. 388 s.
18. Rautavaara T. Miten luonto parantaa. Kansanparannuskeinoja ja luontaislääketiedettä. Porvoo; Helsinki; Juva: WSOY, 1980. 286 s.
19. Virtanen L. Suomalainen kansanperinne. Helsinki: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1999. 319 s.
20. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki: Werner Söderström Osakeyhtiö, 1961. 271 s.
21. Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki: WSOY, 1975. 776 s.
22. Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu: Puna Musta, 1990. 104 s.

Поступила 15.02.2022; одобрена 18.05.2022; принята 29.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Т. В. Пашкова – доктор исторических наук, профессор кафедры прибалтийско-финской филологии Петрозаводского государственного университета, tvpashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

А. П. Родионова – кандидат филологических наук, научный сотрудник сектора языкознания Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, santrar@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5645-9441>

Healing properties of berry plants in Karelian folk medicine (based on field research)

Tatyana V. Pashkova

Petrozavodsk State University

Aleksandra P. Rodionova

*Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences,
Petrozavodsk, Russia*

Introduction. The research analyzes and systematizes the field materials of folk medicine of the Karelians collected by the authors among the Karelians living in Karelia in the 2000-ies.

Materials and Methods. Field materials were collected in the places of residence of the Karelians. The research was carried out using comparative and comparative-historical methods.

Results and Discussion. In the presented study, the authors turn to one of the most widespread and ancient methods of ethno-medicine which is a treatment by berries, namely the use of berries, berry plants and their components by the Karelians. This topic is relevant both from the point of view of the application of traditional medical knowledge to the treatment, and because the range of medicinal herbs reflects the ethnic identity of the people and local characteristics. The collected and reviewed materials showed that berries and parts of berry plants have a fairly wide range of applications in the medical practice of all groups of the Karelians. Such types of berries as lingonberry, cranberry, blueberry, bird cherry, viburnum, raspberry, cloudberry, strawberry, irga, wolf bast, black currant were used for medical purposes. Herbal medicine was very popular in the treatment of colds, gastrointestinal diseases, general malaise and some skin diseases in all groups of the Karelians (Livvic and Ludic). The most common methods of berry treatment, which are common throughout the territory of Karelia, were fresh cranberries and lingonberries; raspberry jam; tea with dried raspberries or cloudberry sepals; decoction of raspberry leaves and berries; lingonberry or cranberry juice. The same plant could be used to treat different diseases, but the parts of the plant and the way it was consumed could vary.

Conclusion. The collected material and the research have shown that berries and parts of berry plants have a fairly wide range of applications in the medical practice of all groups of the Karelians. In general, treatment with berry plants was very popular in the treatment of colds, gastric diseases, general malaise and some skin diseases in all groups of the Karelians.

Keywords: folk medicine, herbal medicine, Karelians, Karelian traditional culture, healing rituals, beliefs

Acknowledgments: The study by A. P. Rodionova was carried out within the framework of the state financing of the Karelian Research Center of the Russian Academy of Sciences (subject no. 121070700122-5 "Basic and applied aspects of research on Baltic Finnic languages of Karelia and neighbor regions").

For citation: Pashkova TV, Rodionova AP. Healing properties of berry plants in Karelian folk medicine (based on field research). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2022;14:4:474–485. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.474-485.

REFERENCES

1. Vinokurova Iu. Ethnoscience. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* = The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays. Petrozavodsk; 2019:478–490. (In Russ.)
2. Ivanova GI, Popov NS. Ethnoscience. *Mariitsy = Marii kalyk: istoriko-etnograficheskie ocherki* = Mari = Mari kalyk: historical and ethnographic essays. Yoshkar-Ola; 2005:237–243. (In Russ.)
3. Il'ina IV. Komi folk medicine. Syktyvkar; 2008. (In Russ.)
4. Il'ina IV. Traditional medical culture of the peoples of the European North-East. Syktyvkar; 1997. (In Russ.)
5. Il'ina IV. Traditional medical culture of the peoples of the European North-East (the end of the XIX – XX centuries). Syktyvkar; 2008. (In Russ.)
6. Inkha IK. In the land of Kalevala songs: the Lönnrot trail along the White Sea Karelia; Essay on the land of the White Sea Karelia. Petrozavodsk; 2019. (In Russ.)

7. Konkka AP. Viändöi is the time of the summer “turn” in the calendar rituals of the Karelians. *Obriady i verovaniia narodov Karelii* = Rituals and beliefs of the peoples of Karelia. Petrozavodsk; 1992:28–45. (In Russ.)
8. Nikol'skaia RF, Surkhasko Iulu. About Karelian folk medicine: rational and “irrational” in traditional medicine. *Obriady i verovaniia narodov Karelii: Chelovek i ego zhizn. tsikl* = Rituals and beliefs of the peoples of Karelia: Man and his life cycle. Petrozavodsk; 1994:103–121. (In Russ.)
9. Nikonova LI. Traditional medicine of the Turkic peoples of the Volga and Ural regions as part of their life support system. Ruzaevka; 2000. (In Russ.)
10. Nikonova LI, Kandrina IA, Romanova MN. Mordovian folk medicine: so simple and mysterious. Saransk; 2011. (In Russ.)
11. Nikonova LI, Kandrina IA, Romanova MN. Folk medicine of the Mordovians – simple and mysterious... (based on the results of ethnographic expeditions. 1990–2010). Monograph. Saransk; Penza; 2011. (In Russ.)
12. Pashkova TV. Ethnoscience. *Narody Karelii: istoriko-etnograficheskie ocherki* = The peoples of Karelia: historical and ethnographic essays. Petrozavodsk; 2019:240–250. (In Russ.)
13. Hakamies P. Sauna ja kansanomainen terveydenhoito. *Kansa parantaa*. Helsinki; 1983:275–280.
14. Hako M, ed. Kansanomainen lääkintätietous. Helsinki; 1957.
15. Linkola K. Raja-karjalaisia kasvien nimiä keräämässä. *Luonnon ystävä. Yleistajuinen luonnontieteellinen aikakauslehti*. 1914;5:191–197.
16. Norvik P. Djoržan karjalaisten kansanlääkinnästä. *Kansa parantaa*. Helsinki; 1983:225–230.
17. Paulaharju S. Syntymä, lapsuus ja kuolema: Vienan Karjalan tapoja ja uskomuksia. Porvoo; 1924.
18. Pelkonen R. Lääketieteen juurilla. *Kalevalaseuran vuosikirja. Lönnrotin hengessä*. Helsinki; 2002;81:157–169.
19. Pentikäinen J. Marina Takalon uskonto: Uskontoantropologinen tutkimus. Helsinki; 1971.
20. Rautavaara T. Miten luonto parantaa. *Kansanparannuskeinoja ja luontaislääketiedettä*. Porvoo; Helsinki; Juva; 1980.
21. Virtanen L. Suomalainen kansanperinne. Helsinki; 1999.
22. Virtaranta P. Tverin karjalaisten entistä elämää. Porvoo; Helsinki; 1961.
23. Vuorela T. Suomalainen kansankulttuuri. Porvoo; Helsinki; 1975.
24. Ylinen H. Miten kansa paransi. Joensuu; 1990.

Submitted 15.02.2022; reviewing 23.05.2022; accepted 29.09.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

T. V. Pashkova – Doctor of History, Professor, Department of Baltic-Finnic Philology, Petrozavodsk State University, tvpashkova05@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0505-4767>

A. P. Rodionova – Candidate Sc. {Philology}, Research Fellow, Department of Linguistics, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, santrar@krc.karelia.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5645-9441>

Образ Жизни в эпосе «Масторава» А. М. Шаронова

Елена Александровна Шаронова

*Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва,
Саранск, Россия*

Оксана Петровна Ингл

*Институт иностранных языков,
Монтерей, США*

Введение. Фольклор создает образы Жизни и Смерти, вписывая их в конкретный исторический контекст и одновременно в контекст «большого времени». Эти образы в книжной форме героического эпоса решаются в масштабе жизни всего народа, включенного в большую Жизнь, где сосуществуют прошлое, настоящее и будущее. Национальный эпос сознанием коллективного разума придает им концептуальность, философский и социологический смыслы. В статье с опорой на научную литературу и текст эрзяно-мокшано-русского героического эпоса «Масторава» дается характеристика поэтических приемов и изобразительно-выразительных средств, используемых в произведении для создания образа Жизни.

Материалы и методы. Материалом исследования является эпос «Масторава». Цели и задачи работы обусловили выбор методов исследования: историко-литературного, описательного, генетического, на основе которых осуществляется анализ образа Жизни в эпосе «Масторава». В методике особое внимание уделяется детальному анализу произведения, репрезентативности наблюдений и выводов. Этим объясняются пристальное внимание к тексту, последовательное использование его в качестве «иллюстративного» материала и многоуровневый анализ в соответствии с заявленной исследовательской моделью.

Результаты исследования и их обсуждение. Категория Жизни в «Мастораве» – понятие космологическое, философское и социологическое, а не только биологическое. Она ассоциируется с Белым Светом, состоящим из Земли, Неба и Человека. Ее появление заложено в идее божественного творения мира. Главный концептуальный персонаж Жизни – человек, ради которого она создается. В эпосе человек представлен выдающимися героями, в совокупности олицетворяющими народ. Народ основное действующее лицо эпоса, а следовательно, и истории. Он трудится, совершает воинские подвиги, организует семейную и общественную жизнь, вносит в нее разум и порядок, гармонию и красоту.

Заключение. Образ Жизни в «Мастораве» складывается из вечного и преходящего, бытового и бытийного, прекрасного и трагического и т. д. Он включает в себя создание основополагающих форм отношений между человеком и миром, людьми и народами, имеющими уникальный характер, менталитет и психологию.

Ключевые слова: эпос, Масторава, Жизнь, герой, сюжет, время, пространство

Для цитирования: Шаронова Е. А., Ингл О. П. Образ Жизни в эпосе «Масторава» А. М. Шаронова // Финно-угорский мир. 2022. Т. 14, № 4. С. 486–494. DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.486-494.

Введение

Жизнь и Смерть – извечные соперники в борьбе за человека, так как код жизни и код смерти в равной мере вписаны в ген человека. Искусство наблюдает и осмысляет их поединки. Литература, устная и письменная, рисует образы Жизни и Смерти, вписывая их в конкретный исторический контекст, в котором они обретают конкретный исторический облик, и одновременно в контекст «большого времени». Однако «претендуя на историчность, эпос вместе с тем мало заботится о подлинности событий и лиц, создавая свой особый идеальный мир» [16, 14]. Эти образы в книжной форме

героического эпоса подаются в масштабе жизни всего народа, включенного в большую Жизнь, где сосуществуют прошлое, настоящее и будущее, а пространство эпоса способно разумно их организовать. Настоящее, становясь прошлым, видоизменяется, меняет свои очертания, обретает признаки идеального. Настоящее несовершенно, оно движется и изменяется; прошлое же совершенно, так как законченно. Книжная форма эпоса, воссоздавая национальный образ прошлого, актуализирует его, переносит в настоящее, что позволяет сформировать взгляд в будущее.

В эрзяно-мокшано-русском героическом эпосе «Масторава» Жизнь изображается как бесконечный творческий процесс, как непрерывное движение и развитие. Смерть отступает перед силой Жизни. Эпос осознает ее торжество и наполняется оптимизмом и героическим пафосом; судьба народа осмысливается как феномен, не знающий апокалиптических мотивов.

Научная новизна статьи обуславливается впервые произведенным анализом образа Жизни в эпосе «Масторава». Объектом исследования является эпос «Масторава», предметом выступает представленный в нем образ Жизни. Цель исследования – рассмотрение уникальности образа Жизни как бесконечного творческого процесса, жизни как творчества. В статье с опорой на научную литературу и текст эпоса «Масторава» дается характеристика поэтических приемов и изобразительно-выразительных средств, используемых в произведении для создания образа Жизни.

Обзор литературы

Научная проблематика «Масторавы» обширна ввиду уникальности ее художественной природы, сформировавшейся на индивидуально-авторской и фольклорной основах. Интерес к ней обусловлен и тем, что она входит в число первых образцов книжной формы эпоса финно-угорских народов, созданных во второй половине XX в. Образ Жизни – один из центральных эпических образов – не только организует образную систему «Масторавы», но и наследуется современной финно-угорской поэзией России, что активно осмысливается как в индивидуальных, так и в коллективных исследованиях А. А. Арзамазова [1; 2], А. А. Гагаева [3; 4], С. П. Гудковой [6–8; 22], О. П. Ингл [10–12; 18], Р. А. Кудрявцевой [13; 14; 21], В. П. Миничкиной, Е. С. Руськиной [15], Е. А. Шароновой [16–20; 22–24], А. М. Шаронова [12; 19; 20; 22; 23] и др.

О. П. Ингл в статье «Проблема кризиса патриархального правления в эпосе “Масторава”» отмечает парадоксальность природы «Масторавы» (а вместе с ней и других книжных эпосов XX в.¹). Будучи

основанной на устной традиции, позволяющей сопоставлять ее с традиционными устными эпосами, «Масторава» содержит и литературно обработанные фольклорные тексты, сведенные воедино со сказаниями, написанными А. М. Шароновым. Этот прием усложняет форму произведения, делает его многоаспектным [11].

А. А. Арзамазов в работах, посвященных непосредственно «Мастораве» [2] и в целом современному состоянию национальных литератур России [1], рассматривает «Мастораву» и ее автора как уникальные феномены, задающие координаты движения национальной культуры, определяющие духовные приоритеты этноса. Исследователь считает, что без «больших» книг и «больших» писателей народу трудно воспринимать себя состоявшимся.

Р. А. Кудрявцева, М. Н. Кузнецова предлагают комплексный анализ «Масторавы», сосредоточиваясь на ее структуре, тематике, проблематике, мотивике, представляя произведение как национальный культурный мегапроект [14].

А. А. Гагаев, П. А. Гагаев, О. В. Бочкарева выдвигают новый научный сюжет, создавая феномен «философия “Масторавы”». Они расширяют границы восприятия эпоса, ставя его в один ряд с такими книгами, как Библия, «Илиада», «Калевала» [3].

С. П. Гудкова исследует характер использования мифологического и фольклорного материала в творчестве А. М. Шаронова [7].

В. П. Миничкина и Е. С. Руськина обращаются к проблеме «Масторавы» в связи с подходом к эпосу как фактору формирования этнической идентичности личности, видя в нем мощное средство воспитания и сохранения в молодежи национального генокода и формирования национально-ментальных и общечеловеческих ценностей [15].

Материалы и методы

Материалом исследования является эпос «Масторава». Цели и задачи работы объясняют выбор методов исследования: историко-литературного, описательного, генетического, на основе которых осуществляется анализ образа Жизни в эпосе «Масторава».

¹ См. об этом: Ингл О. П. Книжные формы эпоса финно-угорских народов: типология и поэтика: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2015.

В методике особое внимание уделяется детальному анализу произведения, репрезентативности наблюдений и выводов, последовательному использованию текста в качестве «иллюстративного» материала, многоуровневому анализу его в соответствии с заявленной исследовательской моделью.

Результаты исследования и их обсуждение

Книжная форма эпоса – научно-художественное явление, актуализированное в эпоху утвердившейся письменности и сложившейся литературы. Она создается поэтом на основе переплетения фольклорного и литературного начал для концентрированного выражения национальной идеи, которая содержится и в фольклоре, и в литературе, но в «наивном» виде². Автор эпоса организует материал и создает образ народа с его представлениями о мире, Жизни и Смерти, Любви и Ненависти и т. д., проявляющимися в эпическом макросюжете посредством входящих в него микросюжетов.

В 1909 г. в журнале «Живая старина» была опубликована «Мордовская история» Т. Е. Завражнова и С. А. Ларионова, в 1935 г. издана поэма Я. Я. Културкаева «Эрмезь». С этого времени мордовский эпос стал постепенно готовиться к окончательному рождению. В 1950-е гг. в СССР начался процесс исследования, описания и публикации национальных эпосов. Была разработана специальная программа по изучению и изданию эпических памятников. Литераторы Мордовии подключились к реализации данной инициативы, так как необходимая почва для этого имела. К рубежу 1950–1960-х гг. идея создания национального эпоса не просто витала в воздухе – она была осмыслена и энергично стремилась к воплощению. В 1960 г. В. К. Радаев опубликовал поэму «Сияжар», которая до 1994 г. – года выхода в свет «Масторавы» А. М. Шаронова – воспринималась как эрзянский и мокшанский эпос. Но с публикацией «Масторавы» стало очевидно, что именно она в полной мере отражает содержание понятия национального героического эпоса. Извест-

ный финно-угровед П. Домокош оценил «Мастораву» как «третий полноценный финно-угорский эпос», назвав ее автора «мордовским Лённротом» [9, 11].

Управляемый разумом времени и истории эпос ждал того мгновения, когда Время, Пространство, Творец идеально сойдутся, чтобы осуществить акт творения Книги. По мнению Г. Д. Гачева, «...эпопея – это когда народ и государство справляют свой день рождения на краю смерти, небытия. Это – творение, перворождение мира, всех вещей и отношений: “Да будет свет!” – и поэтому в эпопее они облиты ослепительным блеском, умыты, как природа после грозы. Вот почему так лестно каждому государству (обществу) иметь свою национально-историческую эпопею, и такие усилия оно прилагает всегда, чтобы в его условиях она была создана... Но не всякому обществу дано создать эпопею» [5, 77–78].

1960–1980-е гг. – время расцвета и благополучия СССР, состоявшегося как великое государство. В такие периоды эпосы не появляются, поскольку народ ощущает себя эпически полноценным, состоявшимся, отдыхающим от процесса творения, наслаждающимся результатом титанических усилий по созданию самого себя. В 1990-е гг., носившие бурный революционный характер, возникли условия для публикации «Масторавы» А. М. Шаронова. «Начало эры литературы-письменности, – подчеркивает Г. Д. Гачев, – есть alter ego (второе я) начала государства. Они видят друг в друге себя и необходимы друг для друга. Создание Книги есть дело жизни государства...» [5, 80].

Новая Россия и новая Мордовия действительно нуждались в «Мастораве»: они вдруг оказались на развалинах погубившего себя государства, и от них в очередной раз требовали отречения от своего прошлого. Но народ, как и человек, не может жить, осознавая, что за его спиной и впереди него – темная пропасть, поэтому стремится заменить ее чем-то, на что можно опереться. Назрела потребность в возрождении образа прошлого, великость которого способствовала бы усилению уверенности в дне настоящем. Появившись, этот образ стал активно

²См.: Mordwinische Volksdichtung / gesamm. von H. Paasonen; hrsg. und übers. von P. Ravila. Helsinki, 1938–1981. Bd. 1. 1938; Bd. 4. 1947.

влиять на обретение народом амбициозного взгляда на самого себя, на утверждение его права быть равным среди равных. Эпос выступил в роли волшебного зеркала, смотря в которое, народ осознавал свою историческую значимость, право на большую Жизнь и видел себя в «большом времени».

Основной мотив «Масторавы» – мотив рождения и творения Жизни. Первое сказание «Рождение земли» начинается сюжетом об Инешкипазе – боге богов: «Прежде сам Инешкипаз родился / Как всему основа и причина, / Мира бесконечного начало. / До его великого рожденья / Не было земли, над нею – неба»³. Родившись, Инешкипаз констатирует: «Я Творец. И в том мое значенье» (с. 20). Процессы рождения и творения следуют один за другим, превращаясь с возникновением человека в большую Жизнь. Эпос утверждает: факт существования Земли дополняется фактом жизни Земли после появления на ней человека. Инешкипаз, создав Землю, решает, что без человека мир невозможен, лишен Жизни, и поэтому учреждает ее.

В «Мастораве» центральная фигура мироздания – человек, смысл существования которого состоит в исполнении божественного предназначения. Отношения человека с богами осуществляются посредством молитвы, жертвоприношений, брачных связей, соблюдения предписанных Творцом нравственно-эстетических норм. Он ведет непрерывный диалог с миром, временем и пространством, способен рефлексировать и осознавать себя и окружающую действительность.

В течении Жизни в «Мастораве» участвуют боги и люди. Жизнь, чтобы не закончиться, требует от них энергичных действий. Во втором сказании «Основание обычаев и законов жизни» следует череда свадеб богов и людей, заключающих брачные союзы, рождающих детей, строящих жилища, выращивающих хлеб, постоянно переходящих из одного состояния в другое: девица – в невесту, жену, мать, хозяйку дома, бабушку; парень – в жениха, мужа, отца, хлебопашца, патриарха рода. Вступают в брак бог грома Пурьгинепаз и

дочь Инешкипаза Кастарго, бог подземного мира Масторпаз и богиня воды Ведява, парень Мельседей и дочь Инешкипаза Везорго, девушка Азравка и бог света Верепаз и т. д. Образцом идеальной семейной жизни становится союз Дамаю и дочери Пурьгинепаза: «На Земле – на Масторе есть парень, / Поживает молодец на Свете. / Он живет – и годы не считает, / Времени полет не замечает. / Он живет – с женой своей играет, / Сыновей и дочерей рождает, / Доброе растит себе потомство. / Так все говорят об этом парне, / Слух такой о нем идет по миру: / “Славно жить Мазый Дамай умеет. / У Дамаю полный дом детишек, / У Дамаю полный дом богатства...”» (с. 74–75).

Поскольку «Масторавы» как эпос имеет дело исключительно с идеальными проявлениями Жизни и Смерти, Добра и Зла и т. д., изображенный в ней мир разумно организован и целесообразен. В нем не совершаются действия ради действия, всё стремится к определенной цели: женихи ищут красивых невест («Взять жену себе он хочет – / Радость глаз, подругу жизни. / Ищет он жену – красотку, / Ищет он жену такую: / Чтоб ровня была по росту, / Чтоб ровня была по стану, / Чтобы всё в ней было в меру; / Чтобы нравилась невеста / И умом, и белым телом, / И лицом, и ясным взглядом, / И характером предобрым» (с. 75); невесты в мужья выбирают небожителей («Верепаз, и добрый, и пригожий, / Девицу-красавицу увидел. / Взят ее за правую за руку / И к отцу привел, к Инешкипазу. / Инешкипаз полюбил Азравку / И за Верепазу выдал замуж. / – Вот тебе, дитя мое, невеста. / Вот тебе жена, сыночек любимый. / Боги, люди – все живите вместе, / Знайте одну долю, одно счастье!» (с. 82)). Красота является важной категорией в «Мастораве». К красоте стремятся потому, что от браков красивых людей и богов рождаются красивые дети, которые, взрослея, украшают Жизнь любовью, трудом, творчеством, бескорыстием, созданием справедливых законов и пр.

Жизнь в ее противоречивой полноте дана в третьей части «Масторавы» «Век Тюштяна». В сказании «Жизнь Масторавы» Тюштян, избранный народом и благословенный

³ Шаронов А. М. Масторавы. Изд. 5-е, испр. и доп. Саранск, 2022. С. 20. В дальнейшем ссылки на это издание будут приводиться в тексте с указанием номера страницы в круглых скобках.

богами правитель, отправляется в путешествие по родной земле, чтобы увидеть ее всю как она есть и лицом к лицу встретиться с народом: «Велика земля родная наша / И ее народ: на Раве – Эрзя, / А на Мокше полноводной – Мокша. / Дай-ка я объеду Мастораву, / Средь народа своего побуду, / Посмотрю на племена и роды. / Как живут эрзяне, я увижу, / Что печалит-радует, узнаю, / Племена мокшанские на юге» (с. 242). Тюштян представляет свою страну огромной, простирающейся от одной большой реки до другой, а народ – многоликим, но единым. В «Мастораве» отражается древнее понимание национальных границ страны как чего-то необъятного (что свойственно многим народам): расстояния от одного края до другого пешком не прошагать, верхом не проскакать, не перелететь и не переплыть. Образ родной земли исключительно прекрасный: на ней стоят высокие горы, текут чистые и глубокие реки, растут густые леса, простираются плодородные луга и поля.

Величие страны измеряется не только в километрах, которые не подлежат счету, но и в людях, благодаря прекрасным лицам которых вырисовывается портрет народа. Эти люди отличаются умом, красотой, благородством, трудолюбием. В эпосе безусловен принцип этноцентризма, подразумевающий взгляд народа на самого себя как на эталон, как на лучшего из лучших.

Автор «Масторавы», философ и поэт, исповедует убеждение, что человек – это маленький бог, следовательно, он обладает творительными способностями бога, но в более «узком» контексте своих возможностей. В эпосе жизнь одного человека влияет не только на жизнь народа, но и на жизнь всего мира, поэтому сила активности большого бога и маленького бога уравниваются, с той лишь разницей, что первый воздействует извне, а второй – изнутри. Например, крестьянин-богатырь Арсай из Прундаза, который землю пашет без лошади, сам впрягаясь в соху, видит целью жизни служение народу: «– В самом деле молодец ты, Арсай. / Нет твоей сохе на свете равных. / – Сам ты знаешь, каназор эрзянский, / Понимаешь, оцязор мокшанский. / Я о ком душою беспокоюсь, / Для кого желаю доброй жизни. / Об эрзянах всей душой бо-

лею, / Для мокшан желаю лучшей жизни. / Накормить их всех хочу я хлебом, / Чтобы голода они не знали» (с. 244).

Другой пример – вышивальщица Мазярго из Пурьгаза: «Вот он едет по селу Пурьгазу. / Ох, село хорошее – он смотрит! / Ох, село пригожее – он видит! / Чем село хорошее уж очень?.. / Тем село пригоже и красиво: / На четыре стороны – проулки, / На три стороны – развилки улиц, / Как серебряные блюдца – пашни, / Словно гребни медные – лес темный, / Словно ленты шелковые – межи, / Как холсты расстеленные – нивы, / Словно овцы в стаде – бродят зайцы... / Потому Пурьгаз село красиво: / В нем живет краса земли Мазярго, / Девушка прекрасная Мазярго... / И людей одеть Мазярго хочет / В добрую красивую одежду. / Если старый дед утрется утром / Полотенцем, вышитым Мазярго, / Снова станет молодцем пригожим; / Если вытрет им лицо старуха, / Превратится в юную красотку. / Вот она взяла холст белоснежный / И мужскую стала шить рубашку. / Сшила ее, нитками обшила, / Вывела на ней узоры шелком, / Вышила мерцающие звезды, / Пуговицы белые пришила. / Слово молвить не успел инязор, / Как рубашка эта забелела / На его плечах, сияя светом» (с. 246). В этом сюжете также фигурирует образ человека, преобразующего жизнь, наполняющего ее красотой. Игла с шелковой нитью в руках Мазярго уподобляется перу поэта, рождающего землю и небеса, звезды и цветы, города и людей. Образ девушки синонимичен образу бога: чистый холст в ее руках подобен ровной и чистой земле, на которой усилием творящей воли создается мир. Идеальность Мазярго – идеальность героя эпоса, направленная на формирование совершенных законов человеческого бытия и утверждение их в жизни. «Масторава» говорит: человек придуман красивым, чтобы наполнить жизнью, любовью, добротой созданный богом мир.

Образ Жизни, создаваемый в «Мастораве», был бы неполным без истории Канявы: «– Девушка одна жила когда-то, / Дивная красавица Канява. / Как была она красива, Тюштян, / Так была мила, добра, разумна. / Красоту, что солнце в ясном небе, / За дверями от людей не скроешь. / Все ее увидят и заметят / И расскажут про нее друг другу. /

Красота не только светит людям, / Красота сердца им согревает... / Красота, как дух Инешкипаза, / Всем несет добро, приносит пользу, / Светлые желания рождает...» (с. 255–256). Красота, сердечность и мудрость девушки были по нраву Инешкипазу, и он решил одарить ее 14 дополнительными душами, чтобы светлая ее жизнь никогда не заканчивалась. Красавица же раздала эти души своим детям, оставив себе только одну, но и с одной душой «ярче солнца на весеннем небе / Всем она светила, всех собою / Радуя, лаская, согревая» (с. 256). Каянява словно вобрала в себя душу всего народа, именно поэтому, раздавая подаренные души, она всякий раз получала взамен силу и красоту, наполнялась светом.

Немеркнувшей красоте Каянявы стала завидовать сама Кулома – Смерть. Не в силах справиться с Каянявой, она извела ее любимую внучку Равашу. Чтобы спасти девочку, Каянява отдала ей свою последнюю душу, а сама в образе прекрасного белого лебедя вознеслась в небеса. Данный сюжет вписан в сюжет жизни народа настолько, что один без другого прочитан быть не может.

Образ Жизни в «Мастораве» складывается из Красоты, Любви, Доброты, Жертвенности, Творчества, Труда. Очевидно, что все это заложено в идее божественного творения, однако участвует в актуализации Жизни лишь благодаря присутствию человека и усилиям, которые он прикладывает, чтобы освоить сотворенную богом Землю. Согласно мифу о сотворении человека, Инешкипаз, сделав его, но не вдохнув в него душу, отправляется спать, оставив «бездушное» творение без присмотра. Как только бог удаляется, к человеку приближается черт и пытается наполнить его своим дыханием. Но сделать это ему не удается, потому что дыхание черта не животворно. Вернувшийся Инешкипаз доводит до логического завершения свой замысел: наполняет чело-

века духом, и тот оживает. Прослеживается параллель: бог буквально вдыхает жизнь в человека, а человек посредством активного труда на Земле одухотворяет ее.

Народ, творящий историю с помощью множества выдающихся персонажей, – главный герой эпоса. Будучи сложным из образов незаурядных людей (Дамай, Кудадей, Текшонь, Тюштян, Арсай, Каянява и др.), он универсально мыслит, действует, побеждает, хлебопашествует, наполняет мир творительной энергией, олицетворяет Жизнь в высшем ее проявлении.

Заключение

Образ Жизни, созданный в эпосе «Мастораве», складывается из вечного и преходящего, идеального и вещного, бытового и бытийного. Жизнь в эпосе создает такие формы отношений между людьми и народами, между Человеком и миром, которые являются основополагающими, определяющими движение истории. В «Мастораве» герои мыслят себя «Страной живых», в которой Смерть, вступая в единоборство с Жизнью, часто проигрывает и отступает («Мокшанский парень и смерть», «Сураля», «Кудадей», «Каянява», «Кастуша»). Человек, осознавая себя частью народа, гордится принадлежностью к нему и наполняется его силой («Сабан», «Кудадей», «Арса», «Саманька»). Женщина сама творит свою судьбу, так как уже по факту рождения наделена героическими, т. е. творительными, качествами («Литова», «Азравка», «Саманька»).

Жизнь народа в эпосе проходит во времени и в пространстве, которые имеют как абстрактные, так и совершенно конкретные очертания. Между людьми, временем и пространством существует связь. Время и пространство господствуют над человеком, но и он в своем сознании управляет ими. В этой обоюдной взаимосвязи движется и развивается Жизнь.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арзамазов А. А. Контексты художественного обновления национальной литературы: моногр. Ижевск: Шелест, 2018. 290 с.
2. Арзамазов А. А. Художник, создавший эпос. Отзыв на эпос «Масторава» А. М. Шаронова // Ежегодник финно-угорских исследований. 2020. Т. 14, № 3. С. 557–559. DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-557-559.
3. Гагаев А. А., Гагаев П. А., Бочкарева О. В. Философия эрзянского эпоса – «Масторава»

- А. М. Шаронова // Наука и культура России: материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2014. С. 88–90.
4. Гагаев А. А., Гагаев П. А. «Масторава» А. М. Шаронова в лингвистической теории дискурса и текста // Русский язык и ономастика в поликультурном образовательном пространстве Юга России и Северного Кавказа: проблемы и перспективы: сб. материалов XI Междунар. науч. конф. Майкоп, 2017. С. 140–145.
 5. Гачев Г. Д. Содержательность художественных форм: эпос, лирика, театр. 2-е изд. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. 281 с.
 6. Гудкова С. П. Образ Эрзяния в поэтическом осмыслении А. М. Шаронова // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 1. С. 107–109.
 7. Гудкова С. П. Художественное осмысление эрзя-мокшанской мифологии и фольклора в героической поэме Мордовии (на материале поэмы А. Шаронова «Кудайей») // Полиэтнический мир Евразии: проблемы взаимовосприятия: сб. ст. по материалам докл. Всерос. науч. конф. с междунар. участием. Ижевск, 2016. С. 415–422.
 8. Гудкова С. П., Хозяйкина А. В. Особенности развития книги стихов в современной русскоязычной поэзии Мордовии (на материале поэтических книг А. М. Шаронова «Монологи» и С. Ю. Сеничева «ВИНОГРАДЬШО-КОЛАДЕ, или Словоуплетение») // Вестник угроведения. 2021. Т. 11, № 1. С. 16–24. DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-16-24.
 9. Домокош П. Об эпосе и фольклоре финно-угорских народов // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Искусство и дизайн. 2005. № 12. С. 9–13.
 10. Ингл О. П. «Масторава» А. М. Шаронова // Шаронов А. М. Масторава. Tallinn, 2014. С. 520–524.
 11. Ингл О. П. Проблема кризиса патриархального правления в эпосе «Масторава» // Финно-угорский мир. 2016. № 3. С. 40–43.
 12. Ингл О. П., Шаронов А. М. «Калевала» и «Масторава»: в фокусе фольклорной типологии // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2010. Т. 16, № 4. С. 188–192.
 13. Кудрявцева Р. А. Топос «мир» в контексте авторской аксиологии в современной марийской поэзии // Litera. 2019. № 4. С. 51–69.
 14. Кудрявцева Р. А., Кузнецова М. Н. Мордовский эпос «Масторава» А. Шаронова (к в-просу о типологических чертах книжной формы эпоса финно-угорских народов) // Вестник угроведения. 2020. Т. 10, № 3. С. 479–488. DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-479-488.
 15. Миничкина В. П., Руськина Е. С. Эпос как фактор формирования этнической идентичности личности (на примере Республики Мордовия) // Финно-угорский мир. 2019. Т. 11, № 1. С. 93–106. DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.01.093-106.
 16. Наумкин В. В., Шаронова Е. А. «Масторава»: космос и социум // Шаронов А. М. Масторава. Саранск, 2022. С. 3–15.
 17. Федосеева (Шаронова) Е. А. Книжные формы мордовского героического эпоса: возникновение и эволюция: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2007. 212 с.
 18. Шаронова Е. А., Ингл О. П. «Калевала», «Калевипоэг», «Масторава»: эпико-исторический диалог: моногр. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2017. 147 с.
 19. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. Основные концепты эрзянской мифологии // Вестник угроведения. 2019. Т. 9, № 2. С. 328–339.
 20. Шаронова Е. А., Шаронов А. М. О специфике мировоззрения эрзянских и мокшанских семейно-брачных мифов // Филология: научные исследования. 2021. № 8. С. 1–13. DOI: 10.7256/2454-0749.2021.8.36164.
 21. Шкалина Г. Е., Кудрявцева Р. А. Культурфилософский контекст аксиосферы марийской литературы // Вестник Марийского государственного университета. 2022. Т. 16, № 3. С. 386–396. DOI: 10.30914/2072-6783-2022-16-3-386-396.
 22. Inter-ethnic relations in the Mordovian folklore / E. A. Sharonova, A. M. Sharonov, T. N. Belyaeva, etc. // Proceedings of INTCESS 2018 – 5th International Conference on Education and Social Sciences, 5–7 February 2018, Istanbul, Turkey. Istanbul, 2018. P. 146–151.
 23. The Erzya and Moksha plots about the family and conjugal relations of Gods and people / E. A. Sharonova, A. M. Sharonov, R. A. Kudryavtseva, etc. // Proceedings of SOCIOINT 2018 – 5th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities, 2–4 July 2018, Dubai, U. A. E. Dubai, 2018. P. 131–137.
 24. The mythological plots about the creation of the world and human beings in the Erzyan epic, Mastorava / E. A. Sharonova, O. Y. Osmuhina, S. P. Gudkova, etc. // Revista de Letras. 2016. Vol. 56, no. 1. P. 83–102.

Поступила 11.06.2022; одобрена 16.07.2022; принята 29.09.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Е. А. Шаронова – доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, sharon.ov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0221-4427>

О. П. Ингл – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Института иностранных языков, Монтерей, США, oksana.ingle@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3058-9253>

The image of Life in the epic “Mastorava” by A. M. Sharonov

Elena A. Sharonova

National Research Mordovia State University,
Saransk, Russia

Oksana P. Ingle

Foreign Language Institute,
Monterey, U.S.A.

Introduction. Folklore often expresses images of Life and Death in a specific historical context as well as in the context of “big time”. The heroic epic depicts Life and Death over the course of the life of a nation which is part of the “big” Life that incorporates past, present and future. The national epic, however, with its collective consciousness is able to organize the themes of Life and Death and give them philosophical and social meaning. The academic novelty of this article is its analysis of the image of Life in the epic “Mastorava” by A. M. Sharonov. The object of study is the epic “Mastorava”. The subject of the research is the image of Life in the epic “Mastorava”. The purpose of the study is to consider the uniqueness of the image of Life presented in “Mastorava” as an endless creative process: life as creativity. This article uses scholarly literature and the epic “Mastorava” to show the poetic, figurative and expressive means which are used to create the image of Life.

Materials and Methods. The material of study is the epic “Mastorava” by A. M. Sharonov. The goals and objectives of the study are to explain the choice of research methods: historical-literary, descriptive, and genetic, which are used to analyze the image of Life in the epic “Mastorava”. In the methodology, special attention is paid to the detailed analysis of “Mastorava”, along with observations and conclusions. Close attention is paid to the text as “illustrative” material and to analyzing it on different levels in accordance with the stated research model.

Results and Discussion. The category of Life in “Mastorava” is cosmological, philosophical, and sociological in addition to being biological. It is associated with Light which comprises the realms of the earth, sky, and man where Life is embedded in the idea of divine creation. However, the main character of Life is a human collective for whom the entire earth is created. In the epic the human collective is personified by Heroes (Damai, Kudaday, Tekshon, Tyushtyan, Arsai, Kanyava, etc.) who represent ordinary people in the epic and in history. These people think, perform heroic deeds, organize their families and social lives, and introduce order, harmony and beauty.

Conclusion. The image of Life in “Mastorava” includes everyday and eternal life, the ordinary and existential, and the beautiful and tragic. The image of Life also shows the fundamental forms of relations between man and the world, between people and nations, and how each of them has a unique character, mentality, and psychology. The image of Life is presented as a universal phenomenon. In “Mastorava” the Erzyans and Mokshans call their land the “Land of the Living” in which Life almost always defeats Death. A man realizing himself as one of the people is proud of belonging and gains his strength from their strength. And a woman just because she is born a woman possesses heroic and creative qualities and can choose her own destiny.

Keywords: epic, Mastorava, Life, hero, plot, time, space

For citation: Sharonova EA, Ingle OP. The image of Life in the epic “Mastorava” by A. M. Sharonov. *Finno-ugorskii mir = Finno-Ugric World*. 2022;14;4:486–494. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.014.2022.04.486-494.

REFERENCES

1. Arzamazov AA. Contexts of artistic renewal of national literature. Monograph. Izhevsk; 2018. (In Russ.)
2. Arzamazov AA. The literary artist who created the epic. Review on the epic “Mastorava” by A. M. Sharonov. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy = Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2020;14;3:557–559. (In Russ.). DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-557-559.
3. Gagaev AA, Gagaev PA, Bochkareva OV. The philosophy of the Erzya epic – “Mastorava” by A. M. Sharonov. *Nauka i kul'tura Rossii: materialy XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. = Science and Culture of Russia. Proceedings of the XI International scientific and practical conference*. Samara; 2014:88–90. (In Russ.)
4. Gagaev AA, Gagaev PA. “Mastorava” by A. M. Sharonov in the linguistic theory of discourse and text. *Russkii iazyk i onomastika v polikul'turnom obrazovatel'nom prostranstve IUGa Rossii i Severnogo Kavkaza: problemy i perspektivy: sb. materialov XI Mezhdunar. nauch. konf. = Russian language and onomastics in the polycultural educational space of the South of Russia and*

- the Northern Caucasus: problems and prospects. Collection of materials of the XI International Scientific Conference. Maykop; 2017:140–145. (In Russ.)
5. Gachev GD. Content of artistic forms: epic, lyrics, theater. 2nd ed. Moscow; 2008. (In Russ.)
 6. Gudkova SP. The image of Erzia Land in the poetic view of A. M. Sharonov. *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020;12;1:107–109. (In Russ.)
 7. Gudkova SP. Artistic comprehension of Erzya-Moksha mythology and folklore in the heroic poem of Mordovia (on the material of A. Sharonov's poem "Kudadei"). *Polietnichnyi mir Evrazii: problemy vzaimovospriiatiia: sb. st. po materialam dokl. Vseros. nauch. konf. s mezhdunar. uchastiem* = The multi-ethnic world of Eurasia: problems of mutual perception. Collection of articles based on the materials of the reports of the All-Russian scientific conference with international participation. Izhevsk; 2016:415–422. (In Russ.)
 8. Gudkova SP, Khoziaikina AV. Features of the development of books of poems in modern Russian-language poetry of Mordovia (on the material of the poetry books by A. M. Sharonov "The Monologues" and S. Yu. Senichev "Grapes in Chocolate, or Compounding"). *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2021;11;1:16–24. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-1-16-24.
 9. Domokos P. About epos and folklore of Finno-Ugric nationalities. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Iskusstvo i dizain* = Bulletin of Udmurt University. Art and design series. 2005;12:9–13. (In Russ.)
 10. Ingle OP. "Mastorava" by A. M. Sharonov. *Mastorava* = Mastorava. Tallinn; 2014:520–524. (In Russ.)
 11. Ingle OP. The problem of the crisis of patriarchal rule in the epic "Mastorava". *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2016;3:40–43. (In Russ.)
 12. Ingle OP, Sharonov AM. "Kalevala" and "Mastorava": in the focus of folklore typology. *Vestnik NII gumanitarnykh nauk pri Pravitel'stve Respubliki Mordoviia* = Bulletin of the Research Institute of the Humanities by the Government of the Republic of Mordovia. 2010;16;4:188–192. (In Russ.)
 13. Kudriavtseva RA. The world topos in terms of European axiology of modern Mari poetry. *Litera*. 2019;4:51–69. (In Russ.)
 14. Kudriavtseva RA, Kuznetsova MN. The Mordovian epos "Mastorava" by A. Sharonov (to the issue about typological features of book form of epos of the Finno-Ugric peoples). *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2020;10;3:479–488. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2020-10-3-479-488.
 15. Minichkina VP, Rus'kina ES. Epos as a factor of formation of ethnic identity of a personality (on the example of Republic of Mordovia). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2019;1:93–106. (In Russ.). DOI: 10.15507/2076-2577.011.2019.01.093-106.
 16. Naumkin VV, Sharonova EA. "Mastorava": space and society. *Mastorava* = Mastorava. Saransk; 2022:3–15. (In Russ.)
 17. Fedoseeva (Sharonova) EA. Book forms of the Mordovian heroic epic: origin and evolution. Monograph. Saransk; 2007. (In Russ.)
 18. Sharonova EA, Ingle OP. "Kalevala", "Kalevipoe", "Mastorava": epic-historical dialogue. Monograph. Saransk; 2017. (In Russ.)
 19. Sharonova EA, Sharonov AM. The main concepts of Erzya mythology. *Vestnik ugrovedeniia* = Bulletin of Ugric Studies. 2019;9;2:328–339. (In Russ.). DOI: 10.30624/2220-4156-2019-9-2-328-339.
 20. Sharonova EA, Sharonov AM. On the specificity of the worldview of Erzya and Moksha matrimonial myths. *Filologiya: nauchnye issledovaniia* = Philology: Scientific Research. 2021;8:1–13. (In Russ.). DOI: 10.7256/2454-0749.2021.8.36164.
 21. Shkalina GE, Kudriavtseva RA. Cultural and philosophical context of the axiosphere of Mari literature. *Vestnik Mariiskogo gosudarstvennogo universiteta* = Vestnik of the Mari State University. 2022;16;3:386–396. (In Russ.). DOI: 10.30914/2072-6783-2022-16-3-386-396.
 22. Sharonova EA, Sharonov AM, Belyaeva TN, etc. Inter-ethnic relations in the Mordovian folklore. *Proceedings of INTCESS 2018 – 5th International Conference on Education and Social Sciences, 5–7 February 2018 – Istanbul, Turkey*. Istanbul; 2018:146–151.
 23. Sharonova EA, Sharonov AM, Kudriavtseva RA, etc. The Erzya and Moksha plots about the family and conjugal relations of Gods and people. *Proceedings of SOCIOINT 2018 – 5th International Conference on Education, Social Sciences and Humanities, 2–4 July 2018 – Dubai, U. A. E.* Dubai; 2018:131–137.
 24. Sharonova EA, Osmuhina OY, Gudkova SP, etc. The mythological plots about the creation of the world and human beings in the Erzyan epic, Mastorava. *Revista de Letras*. 2016;56;1:83–102.

Submitted 11.06.2022; reviewing 16.07.2022; accepted 29.09.2022.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

E. A. Sharonova – Doctor of Philology, Professor, Department of Russian and Foreign Literature, National Research Mordovia State University, sharon.ov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0221-4427>

O. P. Ingle – Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Russian Language, Foreign Language Institute, Monterey, U.S.A., oksana.ingle@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-3058-9253>

VERBA VOLANT, SCRIPTA MANENT | WORDS CAN FLY OFF, BUT THE SIGNS REMAIN

Рецензия на книгу: Сергеев О. А. Язык памятников письменности марийского языка (конец XVII–XVIII вв.). – Йошкар-Ола: МарНИИЯЛИ, 2021. – 422 с.: ил., портр.

Book review: Sergeev O. A., Language of written monuments of the Mari language (end of the XVII–XVIII centuries). – Yoshkar-Ola: MarSRILLH, 2021. 422 p.

В 2021 г. увидела свет монография Олега Арсентьевича Сергеева о языковых особенностях ранних памятников письменности марийского языка конца XVII–XVIII в.

Ранние письменные памятники марийского языка служат важным источником сведений об истории, в частности об исторической фонетике, диалектологии, лексикологии и грамматике, марийского языка. Ранний период истории марийской словесности был и остается предметом исследования для языковедов. Подавляющую часть книг и рукописей на марийском языке XVII–XVIII вв., в основном религиозного содержания, составляют переводы с русского языка. Это вполне объяснимо: абсолютное большинство молодых национальных литератур при своем возникновении и на первоначальном этапе развития активно пользовались переводами с других языков.

Книга адресована лингвистам, преподавателям, аспирантам и студентам гуманитарного профиля, а также всем, кто интересуется памятниками письменности марийского языка.

Монография – результат целенаправленного изучения автором ранних письменных памятников на марийском языке. Многие переводы текстов христианского просвещения до сих пор не вошли в научный

оборот, что искажает и обедняет историю развития марийской литературы и особенно литературного языка.

Книга посвящена изучению языковых особенностей ранних памятников письменности марийского языка конца XVII–XVIII в. Лингвистической интерпретации подвергнуты марийские лексические единицы, впервые зафиксированные в конце XVII – начале XVIII в., материалы участников Камчатской экспедиции, рукописные словари, молитвенные тексты, марийские стихотворения XVIII в., текст «речи черемисской» и первая марийская грамматика 1775 г.

Тема памятников письменности марийского языка остается в центре внимания О. А. Сергеева долгие годы. Исследование истории языка требует от ученого широты кругозора.

Композиционно книга состоит из введения, четырех глав, заключения, списков условных сокращений, литературы, использованных источников.

Введение (с. 6–36) делится на два подраздела. В первом – «Общая характеристика работы» (с. 6–11) – описываются выбор темы, успехи финно-угорского языкознания, достижения, объект исследования; выявляются и систематизируются принципы кириллической транскрипции. Во втором – «Из

истории изучения и выявления ранних памятников письменности марийского языка конца XVII–XVIII вв.» (с. 11–36) – дается характеристика ранних письменных памятников марийского языка и других финно-угорских языков начиная с конца XVII в. Среди них работы Дамаскина, Г. Ф. Миллера, Н. К. Витсена, Г. Бреннера, И. Э. Фишера, П. С. Палласа, Й. Буденца, М. Силаши, Г. Рамстедта, А. Регулы, В. Поркка, А. Генеца, Т. Себеока, А. Алхониemi, Г. Берещки, Г. Й. Стипы, П. Домокоша, Р. Бартенс, К. Адягаша, П. Помози, Ш. Матичака, И. Г. Иванова, Н. И. Исанбаева, С. И. Эмана, В. М. Васильева, Н. Т. Пенгитова, М. Н. Кузнецовой и др. – по марийскому языку, В. К. Кельмакова, Л. М. Ившина – по удмуртскому, А. П. Фектистова – по мордовским языкам. О. А. Сергеев считает, что письменные памятники марийской словесности указанного периода представляют собой бесценное культурное наследие марийского народа, которое сыграло роль фундамента в становлении языка национальной литературы.

Первая глава «Марийский язык в конце XVII–XVIII вв.» (с. 37–105) делится на несколько подглав. В частности, в подглаве «Упоминания о марийском языке в конце XVII в. в переписке Г. В. Лейбница»

(с. 37–67) описывается переписка немецкого философа и общественного деятеля с другими исследователями и путешественниками, членами научного общества, которые посещали разные уголки Российской империи и сталкивались с разными народами финно-угорской группы. Как известно, Г. В. Лейбниц был сторонником сравнительно-исторического изучения языков, в том числе финно-угорских. Свои мысли о марийском языке он акцентировал в 12 письмах (с. 43), адресованных аббату Густаву Даниэлю Шмидту, итальянскому обществуному деятелю Карло Маурицио Вотте, Адаму Адаманусу Коханскому, немцу Кристофу Иоахиму Николаи фон Грейфенкранцу, библиотекарю, советнику Вольфенбюттеля Хертелю Лоренцу, итальянскому либреттисту графу Франческо Палмиери, Иоганну Андреасу Шмидту, шведскому языковеду, дипломату Иоганну Габриэлю Спарвенфельду (с. 43–44). В его сочинениях неоднократно подчеркивались особенности финского, саамского, мордовского, марийского, коми, удмуртского, хантыйского, мансийского и других финно-угорских языков. Как отмечает автор монографии, в том, что к концу XVII в. была выявлена финно-угорская общность, «неизмеримая заслуга... принадлежит немецкому философу Г. В. Лейбницу» (с. 67).

В подглаве «Впервые зафиксированные марийские слова в конце XVII–XVIII вв.» (с. 68–75) тщательным образом анализируются работы Н. К. Витсена, Г. Бреннера, В. Н. Татищева. Все три исследователя занимались финно-угорскими языками и сами в полевых условиях записывали эмпирический материал для будущих книг. Так, Н. К. Витсен в книге “Noord en Oost Tartarye” («Северная и Восточная Тартария», Амстердам, 1693) зафиксировал «12 слов, где входным языком выступает латинский язык» (с. 70). Справедливо утвержде-

ние О. А. Сергеева о том, что шведоязычный финн Г. Бреннер впервые в уральском языкознании затронул вопрос о прародине уральских народов и о заимствованных словах в марийском языке. Он же первым в истории марийской письменности зафиксировал «...14 марийских слов. Они по праву являются памятниками письменности марийского языка» (с. 85). В рукописных анкетах известного русского историка XVIII в. В. Н. Татищева, хранящихся в архиве Санкт-Петербургского отделения РАН, наличествует более 60 слов, которые охватывают разные лексико-тематические группы. Самое большое количество лексем (11) – это этнонимы. Они могут дать нам представление о соседних народах, с которыми мари контактировали почти 300 лет тому назад» (с. 104).

Вторая глава «Петербургская академия наук и марийский язык» (с. 106–250), так же состоящая из нескольких подглав, по объему самая большая. Здесь автор скрупулезно составляет четкую научную классификацию имеющихся рукописей. С помощью статистического анализа он фиксирует объем словарей, первичные и вторичные варианты. В дополнение к описательному, статистическому, семантическому методам широко использует сравнительно-исторический подход для освещения основных задач лексикографической практики.

Наибольшее развитие изучение марийского народа, его культуры и языка получило во второй четверти XVIII в. – с открытием Петербургской академии наук. В течение XVIII в. Академия наук снаряжала и отправляла в Поволжье, на Урал и в Сибирь ряд экспедиций, одной из целей которых было для «всех чужих языков пробы собирать» (с. 119). Автор монографии отмечает весомый вклад в фиксацию эмпирического материала, который внесли немецко-русский историк, архе-

граф академик Г. Ф. Миллер и адъютант И. Э. Фишер. Ценным в творчестве Г. Ф. Миллера является то, что он впервые собрал и зафиксировал марийские тамги – знамена, которые в марийском языке служили в качестве письменных знаков. «В своем научном труде по истории Сибири И. Э. Фишер продолжил дело, начатое Г. Бреннером, Н. Витсеном, Д. Г. Мессершмидтом, Ф. И. Страленбергом, Г. Ф. Миллером, и сделал серьезный шаг в уточнении классификации уральских языков» (с. 145).

Большую работу по сбору марийского материала совершила «команда Палласа» (с. 146), куда вошли сам «капитан» – П. С. Паллас, а также И. П. Фальк, И. Г. Георги, И. И. Лепехин и Н. П. Рычков.

На основании приведенного в монографии материала можно констатировать, что в корпусе рукописных словарей, а также изданных трудах сосредоточено множество лексических единиц, являющихся неизвестными для современного марийского языка. Редкие и забытые слова могут оказать неоценимую помощь в обогащении лексики современного марийского литературного языка. Ценные данные, собранные перечисленными выше «первооткрывателями», дали толчок развитию письменного и литературного марийского языка.

Название третьей главы «Первые тексты на марийском языке» (с. 251–341) говорит само за себя. Здесь анализируются первые тексты и слова, а также первые стихи, которые были напечатаны Н. К. Витсеном, Г. Ф. Миллером, И. Ардацким. Наиболее полно исследована молитва «Отче наш», написанная на латинице (Н. К. Витсен) и кириллице (Г. Ф. Миллер, И. Ардацкий). Даны полные характеристики графических изображений, фонетических различий, переводов.

Интересные выводы сделаны автором в результате лингвистического анализа стихотворения “Тынь мямнаъ монъ куце ямше

эдемкане” («Ты нас нашла как пропавшего человека», 1757), написанного в честь посещения Екатериной II новокрещенских школ г. Казани, а также “Тіорамъ піална верецъ уумъ” (1782), в котором рассказывается об открытии Казанского наместничества в Казанской духовной семинарии. В монографии также дается лингвистическая интерпретация стихотворения “Пешъ пура мемнанъ ати” («Милостивейший наш отец», 1795), посвященного архиепископу Амвросию, и текста под названием “Кугу кугужа” («Великий государь»), восхваляющего российского самодержца Александра I.

Первые тексты на марийском языке с XIX в. находятся в центре внимания исследователей, они заложили начало марийской литературы, в частности книжно-письменную традицию в литературе.

Четвертая глава называется «Лингвистический анализ первой марийской грамматики». В 1775 г. в Санкт-Петербурге академией наук были изданы «Сочинения принадлежащія къ

грамматикѣ черемискаго языка». В книге приводится описание, хотя и формально, морфологии, а также лексика, графики и орфографии, фонологии, синтаксического строя марийского языка. Первая грамматика дала толчок для написания в XIX в. других грамматик отечественных и зарубежных авторов.

В конце монографии даются списки условных сокращений (с. 380), литературы (с. 381–417) и использованных источников (с. 417–420), среди которых архивные материалы, хранящиеся в Санкт-Петербургском отделении Российской академии наук, Отделе рукописей Российской национальной библиотеки (Эрмитажное собрание), Архиве Санкт-Петербургского отделения Института востоковедения Российской академии наук и других архивохранилищах страны, журнал “Ончыко”.

Волжские языки уральской языковой семьи в поле зрения западноевропейских ученых и общественных деятелей попадают в конце XVII в. Одним из важнейших достижений этого

периода в истории марийского народа явилось возникновение письменности на родном языке. Нельзя не отметить, что в памятниках письменности четко прослеживаются элементы фольклорного жанра. В XVIII в. в области марийской филологии относительно широкое и многостороннее развитие получила лингвистика – лексикография, диалектология, ономастика, этимология.

О. А. Сергеев провел исключительно кропотливую работу по выявлению источников исследования, хранящихся в разных архивах, рукописных отделах государственных библиотек и университетов. Все иллюстративные примеры, сопровождаемые лингвистической интерпретацией, представлены в соответствии с оригиналом.

Марийское и в целом уральское языкознание пополнились еще одним серьезным исследованием. Работа О. А. Сергеева удачно заполняет брешь в изучении как рукописных, так и печатных памятников XVII–XVIII вв. по уральским языкам.

Валерий Николаевич Максимов –

*кандидат филологических наук,
доцент кафедры марийского языка и литературы,
заведующий НОЦ языковых технологий “Марий йылме”
Марийского государственного университета,
Йошкар-Ола, Россия, sernur@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>*

Valerij N. Maksimov –

*Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor,
Department of the Mari Language and Literature,
Head of the Research Center of Language Technologies
“The Mari Language”,
Mari State University,
Yoshkar-Ola, Russia, sernur@rambler.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-7818-9948>*

РУССКОЯЗЫЧНАЯ
МАРИЙСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА
В ЗЕРКАЛЕ
АВТОРОЛОГИЧЕСКОЙ
ПАРАДИГМЫ

RUSSIAN-LANGUAGE
MARI LITERATURE
IN THE MIRROR
OF THE AUTOLOGICAL
PARADIGMA

Рецензия на книгу: Карпов И. П. Русскоязычная мари́йская литература: моногр. – Йошкар-Ола: Мар. гос. ун-т, 2022. – 180 с.

Book review: Karpov I. P. Russian-language Mari literature: monograph. – Yoshkar-Ola: Mari State University, 2022. – 180 p.

В 2022 г. в Марийском государственном университете издана монография российского деятеля науки, доктора филологических наук, профессора, заслуженного деятеля науки Республики Марий Эл, почетного работника высшего профессионального образования Российской Федерации Игоря Петровича Карпова.

И. П. Карпов являлся одним из немногих исследователей русской и мари́йской словесности, кто занимался поиском и сохранением имен и творчества выдающихся литературных талантов мари́йского края XIX–XX вв. Он считал, что русскоязычная национальная литература – это уникальное явление культурной жизни республики: русскоязычные авторы представляют одновременно обе ветви ее единого литературного процесса – русскую и мари́йскую. Национальные авторы по разным причинам обращаются к русскому языку: С. Чавайн в 1920-е гг. – для поддержания зарождающейся местной рус-

ской литературы; А. Васинов и А. Красноперов – для реализации художественного замысла, так как владели родным языком только на бытовом уровне; З. Каткова – для авторизованных переводов собственных произведений с мари́йского на русский язык.

В монографии И. П. Карпова впервые в истории мари́йского литературоведения проведено

исследование творчества русскоязычных авторов Республики Марий Эл в контексте авторологической концепции, которая стала новым словом в национальном литературоведении. Методология концептуально-авторологического прочтения реализуется в бинарных оппозициях: автор и субъектно-словесная организация произведения; автор и сюжетно-хронотопическая структура; автор и персонаж; авторская религиозность и мари́йское язычество; контекст общественно-политической ситуации и личной судьбы.

Данная концепция позволяет исследователю осветить также проблемы сопоставительного анализа переводных (с мари́йского на русский) и оригинальных (на русском языке) произведений на предмет адекватности идейно-художественных структур оригинала и перевода, наличия парадигматических констант, необходимых для сравнительного анализа разноязычных авторов, таких как авторский эмоциональный

комплекс; интенциональное содержание авторского сознания; объемно-картинное, образное видение жизни; авторское хронологическое отражение родины и государства; планетарное содержание, заключающееся в глобальном восприятии мира и человека. Она блестяще реализована И. П. Карповым при характеристике диады В. Колумб – А. Сычев. Эти разноязычные (марийский и русский) поэты представлены автором как носители «светлого солнечного мировосприятия», присущего послевоенному периоду жизни страны и республики – периоду стабильности и расцвета всех национальных культур. Этническое и общенациональное усматривается и в поэзии А. Васинова, который, сохраняя мировоззрение марийского народа, передает его русскими словами.

В зеркале авторологической концепции отражено практически столетнее развитие марийской русскоязычной литературы поколениями писателей и поэтов, рожденных в разные периоды с 1880-х по 1990-е гг.: I – конец XIX в. (С. Чавайн, Н. Мухин, М. Шкетан, О. Шабдар); II – начало XX в. (Я. Ялкайн, Й. Кырля, Н. Лекайн, О. Ипай, С. Николаев, Ш. Булат, Г. Ефруш); III – 20-е гг. XX в. (А. Мичурин-Азмекей, Й. Осмин, М. Майн, В. Чалай, М. Казаков, В. Юксерн, С. Вишневский, Г. Матюковский, К. Васин, З. Каткова), IV – 2-я половина 30-х гг. – 40-е гг. XX в. (В. Колумб, М. Рыбаков, А. Юзыкайн, Ю. Артамонов, Ю. Галютин-Ялзак); V – 50–60-е гг. XX в. (прозаики В. Бердинский, Ю. Байгуза, В. Крылов, М. Кудряшов, Ю. Соловьев, В. Сапаев; поэты А. Иванова, В. Абукаев-Эмгак, З. Дудина, А. Тимеркаев); VI – 70–80-е гг. XX в. (Т. Пчелкина, С. Бессонова, Р. Сунгурова, П. Шулепов, А. Баев, К. Бурнашев, О. Ребко), VII – 90-е гг. XX в. (А. Ардова, Я. Павлова, О. Чайникова, И. Попов) и др.

Русскоязычная проза в Марийской автономной области начиналась с рассказа С. Чавайна «Девятый мученик» на русском

языке (1928 г., газета «Марийская деревня»), повествующего о трагической судьбе марийского народа в царское время и в первые годы советской власти. Рассказ проанализирован И. П. Карповым с точки зрения авторской религиозности и марийского язычества в контексте общественно-политической ситуации и личной судьбы главного персонажа. Как указывается в монографии, заслуга С. Чавайна заключается в деидеализации своего героя, суеверного, непросвещенного и бедного.

Роман писателя-билингва З. Катковой «Где ты, счастье мое?» рассмотрен в парадигме «Автор и персонажно-хронологическая система», построенной на ценностных оппозициях и авторской оценке Октябрьской революции, Гражданской войны, продотрядов и комитетов бедноты, голода в Поволжье 1921–1922 гг., коллективизации. Хронологическим центром романа представлена марийская деревня.

Наряду с авторологическим исследованием творческого пути русскоязычных авторов-мари, особое внимание в монографии уделено существовавшей в республике обширной критике на русском языке, предметом ко-

торой являлась марийская литература. Примечательно, что именно В. А. Мухину-Сави, первому марийскому критику-литературоведу, принадлежит очерк истории литературы в Марий Эл. И. П. Карпов актуализирует литературоведческие работы критика конца 1920-х – первой половины 1930-х гг. и раскрывает их ценностную проблематику, связанную с революционными событиями в России, современником которых являлся В. А. Мухин-Сави. Марийская и русская поэзия в суждениях критиков 1940–1950-х гг. представлена именами Е. Цинговатовой, Н. Фатова, М. Лебедевой, Е. Тудоровской. Последняя известна как фольклорист, составитель сборника марийских народных сказок, соавтор монографии «Поэтика марийских народных песен».

Таким образом, в монографии И. П. Карпова, первой литературоведческой работе по исследованию русскоязычной марийской литературы с использованием авторологического подхода, автору удалось показать многогранность и «взаимопроникновенность» разными национальными пластами» (с. 12) литературной жизни в национальной республике на протяжении целого века.

Флера Яхиятовна Хабибуллина –

кандидат педагогических наук, доцент кафедры фундаментальной медицины Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Ираида Геннадьевна Иванова –

кандидат филологических наук, доцент кафедры фундаментальной медицины Марийского государственного университета, Йошкар-Ола, Россия, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

Flera Ya. Khabibullina –

Candidate Sc. {Pedagogy}, Associate Professor, Department of Fundamental Medicine, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, khflora@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5438-1828>

Iraida G. Ivanova –

Candidate Sc. {Philology}, Associate Professor, Department of Fundamental Medicine, Mari State University, Yoshkar-Ola, Russia, iraida44@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5247-0125>

**СОХРАНЯЯ
ТРАДИЦИИ:
СОЗДАЕМ БУДУЩЕЕ.
КУЛЬТУРНО-
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ПРОЕКТ
ПО СОХРАНЕНИЮ
КУЛЬТУРНОГО
НАСЛЕДИЯ НАРОДОВ
МОРДОВИИ**

**KEEPING TRADITIONS:
WE CREATE
THE FUTURE. CULTURAL
AND HISTORICAL
PROJECT
TO PRESERVE
THE CULTURAL
HERITAGE
OF THE PEOPLES
OF MORDOVIA**

В сентябре 2022 г. Мордовское региональное отделение Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» в партнерстве с Мордовским государственным университетом им. Н. П. Огарёва, Поволжским центром культур финно-угорских народов завершили работу над проектом «Сохраняя традиции: создаем будущее. Культурно-исторический проект по сохранению культурного наследия народов Мордовии». Проект реализован при поддержке Президентского фонда культурных инициатив в 2021–2022 гг. Руководителем выступила Е. Н. Ломшина, кандидат философских наук, доцент, председатель Мордовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России», заведующий научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры МГУ им. Н. П. Огарёва.

Проект направлен на укрепление межнационального, межкультурного диалога, популяризацию и сохранение культурно-исторического наследия народов, проживающих

на территории Мордовии. В ходе его реализации был проведен цикл мероприятий, но основным результатом стало создание уникальной аудиовизуальной энциклопедии по культуре народов Мордовии «Наследие». Республику Мордовия населяют 119 народов, из них для проекта были выбраны 7 наиболее многочисленных: русские, мордва (мокша, эрзя, шокша), татары, украинцы, евреи, армяне, азербайджанцы.

Уникальность проекта состоит в том, что впервые в Мордовии в формате аудиовизуальной энциклопедии были сняты 7 научно-популярных фильмов, главные герои которых – аутентичные исполнители и коллективы, мастера народных промыслов и ремесел, представляющие культуру своих народов. Эпиграфом к аудиовизуальной энциклопедии могут стать слова советского и российского философа, культуролога, литературоведа Д. С. Лихачева: «Уважение к разным сторонам культуры, к разным ее формам – вот черта истинно культурного человека». Фильмы позволяют сохранить

для будущих поколений лучшие образцы культурного наследия, в то время как часть его, к сожалению, безвозвратно утеряна.

Все фильмы размещены в свободном доступе на странице Мордовского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Ассамблея народов России» социальной сети «ВКонтакте».

Фильм «Мордва»¹ знакомит зрителей с обрядово-праздничной культурой мокши, эрзи и шоки на примере праздников «Акша келу», «Раськень озкс», с народным костюмом, национальной кухней, промыслами. Составная часть фильма – мастер-классы по изготовлению валенок в с. Урусово и выпеканию мокшанских блинов «пачат» в с. Старая Теризморга. Представлено многогранное творчество фольклорных коллективов «Ляйне», «Валскень зоря», «Комолькай», этнокультурных центров в селах Старая Теризморга, Атяшево, Подлесная Тавла.

Фильм «Русские»² приобщает к традициям и обрядам, музыкально-песенной культуре русских в Мордовии. Зрители

¹ https://vk.com/video-210371044_456239022.

² https://vk.com/video-210371044_456239024.

побывают на мастер-классе по росписи матрешек, познакомятся с особенностями народного костюма, секретами изготовления теньгушевской семицветки, деятельностью клуба исторической реконструкции и средневекового фехтования «Владычный полк», Центра русской культуры и Дома-музея Ф. В. Сычкова в с. Кочелаево.

Фильм «Татары»³ рассказывает об этнодуховных ценностях, традициях, бытовом укладе, семейных обрядах, фольклорных коллективах, национальной кухне татар Мордовии. Зрителю предоставляется возможность побывать в Исламском культурном центре в г. Саранске, культурно-спортивном центре «Алмаз» в с. Лямбирь, а также на празднике «Сабантуй», стать участником мастер-класса по изготовлению татарского блюда «эчпочмак».

Фильм «Украинцы»⁴ повествует об истории переселения украинцев в мордовский край, о бережном сохранении ими традиций, обрядов, национальной кухни, особенностей декоратив-

но-прикладного творчества народа. Зрителям предлагаются мастер-классы по росписи яиц, изготовлению национального блюда «налысьники», реконструкция обряда «Щедрый вечер» в исполнении народного хора украинской песни «Крыныця».

Фильм «Армяне»⁵ знакомит с обычаями, обрядами, национальной кухней, этикетом взаимоотношений в семье, традиционными ценностями армянской культуры с помощью гостеприимной семьи Саргсян.

Фильм «Евреи»⁶ представляет культуру евреев Мордовии, рассказывает об истории переселения, духовных традициях, обрядах, особенностях национальной кухни, танцевальной и музыкальной культуре народа. Рецептами национальных блюд делится А. И. Дробин, президент Еврейской национально-культурной автономии Республики Мордовия.

Фильм «Азербайджанцы»⁷ посвящен культуре, традициям и обрядам азербайджанцев, проживающих на территории Республики Мордовия. О них

рассказывает Д. А. Кадималиев, профессор Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва. У зрителей есть возможность узнать особенности национальной кухни и окунуться в мир азербайджанского танца.

Итоги реализации проекта были подведены 30 сентября 2022 г. в рамках круглого стола «Народы Мордовии: фольклор, обряды, промыслы. Традиции и современность», прошедшего в конференц-зале Национальной библиотеки им. А. С. Пушкина. На нем присутствовали члены команды проекта, «герои» фильмов аудиовизуальной энциклопедии «Наследие», ученые, деятели культуры и искусств, представители СМИ, общественных организаций. Участники встречи подчеркнули важность реализации проекта для республики, необходимость сохранения культурного наследия, особенно для молодого поколения разных национальностей. Кроме того, был отмечен высокий профессионализм съемочной группы.

³ https://vk.com/video-210371044_456239025.

⁴ https://vk.com/video-210371044_456239026.

⁵ https://vk.com/video-210371044_456239027.

⁶ https://vk.com/video-210371044_456239028.

⁷ https://vk.com/video-210371044_456239029.

Елена Николаевна Ломшина –

кандидат философских наук, заведующий научно-исследовательской лабораторией финно-угорской культуры Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, enlomshina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7367-4685>

Елена Николаевна Антипкина –

кандидат философских наук, заведующий учебно-практической лабораторией мультимедиа-ресурсов и арт-технологий Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, elana19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8706-0679>

Elena N. Lomshina –

Candidate Sc. {Philosophy}, Head of Research Laboratory of Finno-Ugric Culture, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, enlomshina@mail.ru, [https:// orcid.org/0000-0002-7367-4685](https://orcid.org/0000-0002-7367-4685)

Elena N. Antipkina –

Candidate Sc. {Philosophy}, Head of the Educational and Practical Laboratory of Multimedia Resources and Art Technologies, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, elana19@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8706-0679>

ФИННО-УГОРСКИЙ МИР | FINNO-UGRIAN WORLD В. И. РОГАЧЕВА | OF V. I. ROGACHEV

В июле 2022 г. исполнилось 70 лет доктору филологических наук, профессору кафедры литературы и методики обучения литературе Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева В. И. Рогачеву, заслуженному деятелю науки Республики Мордовия, лауреату Государственной премии Республики Мордовия.

Владимир Ильич родился 25 июля 1952 г. в с. Косогоры Большеберезниковского района Мордовской АССР. В историю культуры мордовского и финно-угорских народов Поволжья он вошел как ученый большой эрудиции, обладающий глубокими знаниями в области фольклора и литературы, истории, краеведения и этнографии финно-угорских и русского народов. Он находится в постоянном поиске, развитии, настойчивом движении вперед, на пути открытий неизведанных страниц прошлого. Наряду с перечисленными направлениями сферой его научных интересов являются кодификационно-семиотические системы народов Поволжья, семантика знаков и символов народного искусства, когнитивные проекции в фольклоре.

Научно-педагогическая деятельность В. И. Рогачева, выпускника филологического факультета Мордовского государственного педагогического института, в стенах родного вуза началась в 1990-е гг. Он пришел сюда уже сформировавшейся личностью, проработавшей значительное время в школе, в советско-партийных органах. Здесь Владимир Ильич

трудился вначале старшим преподавателем, доцентом, затем профессором кафедр мировой и национальной культуры, отечественной истории и этнологии, русской и зарубежной литературы, в настоящее время является профессором кафедры литературы и методики обучения литературе.

В 1995 г. в Мордовском государственном университете им. Н. П. Огарёва ученый защитил кандидатскую диссертацию на тему «Творческое наследие М. Е. Евсевьева в контексте формирования мордовского литературного процесса конца XIX – начала XX в.». Продолжением научно-исследовательской деятельности стала докторская диссертация «Свадьба мордвы Поволжья: обряд и фольклор (историко-этнографические, региональные, языковые аспекты)», успешная защита которой состоялась в 2004 г. в Казани, в Институте языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова.

За время работы в педагогическом университете В. И. Рогачев проявил себя разносторонней, инициативной личностью, талантливым педагогом, увлеченным и настойчивым исследователем. Им разработаны курсы по мировой художественной и национальной культуре, истории народов России, фольклору, истории русской и зарубежной литературы. Ему принадлежат более 300 публикаций, в том числе 25 монографий и учебных пособий, свыше 100 статей, опубликованных в изданиях РИНЦ и ВАК РФ, индексируемых в международ-

ных базах цитирования WoS и Scopus. Сфера его научных интересов распространяется на фольклор и этнографию, историю и краеведение, литературу и когнитивную лингвистику.

Исследования ученого отличаются актуальностью, новизной разработки проблем. Уже в своих первых, но тем не менее глубоко продуманных статьях и монографиях он дает научные биографии лингвиста и фольклориста Хейкки Паасонена, исследователя мордовской материальной культуры Акселя Гейкеля, сведения о которых по крупицам собирает в финских научных журналах.

В монографии «Истоки» (2002 г.), посвященной проблеме историко-культурного и филологического наследия М. Е. Евсевьева, автор показывает пример вдумчивого отношения к организации материала, дает широкий обзор и глубокий анализ деятельности просветителя по вопросам финно-угроведения с учеными Казанского университета Б. Ф. Адлером, М. П. Веске, Н. Ф. Катановым, И. Н. Смирновым, академиками Петербургской академии наук В. В. Радловым, А. А. Шахматовым, раскрывает участие в организации этнографических и фольклорно-лингвистических экспедиций А. Гейкеля, Х. Паасонена, Д. В. Бубриха. Все это позволило В. И. Рогачеву подчеркнуть значимость фигуры М. Е. Евсевьева для финно-угристики и создать его масштабный портрет на фоне эпохи и выдающихся современников.

Благодаря ордерному членению страниц автору удалось

включить в текст предельно сжатые, краткие, но емкие по содержанию очерки с портретами тех ученых, с кем тесно сотрудничал просветитель, в частности Н. И. Ильминского, Н. А. Бобровникова, А. Ф. Юртова, А. Гейкеля, Х. Паасонена, А. А. Шахматова, Д. В. Бубриха, Ф. Ф. Советкина и др. В научный оборот впервые был введен ряд архивных фотографий М. Е. Евсевьева, отражающих быт и культуру мордвы, мари, удмуртов, татар, до настоящего времени представляющих историческую и этнографическую ценность, а также материалы казанского периода жизни просветителя, его тесной совместной работы с А. Гейкелем над книгой "Mordvalaisten rukuja ja kuoseja" (1896) («Одежда и орнамент мордвы»), помощи Х. Паасонену в организации фольклорно-лингвистических экспедиций по сбору языковых и устно-поэтических материалов, позже вошедших в состав восьмитомника "Mordowinische Volksdishtun" («Мордовская народная поэзия») (1938–1987).

Историческое образование (второе высшее), полученное В. И. Рогачевым в стенах Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва в 1993 г., обогатило его новыми знаниями по истории, финно-угорской культуре, расширило научные горизонты ученого. Циклы его статей и монографий связаны не только с фольклором и литературой, но и с другими острыми и актуальными проблемами духовной культуры народов России. В публикациях исследуются вопросы взаимосвязи язычества, мифологии и фольклора, их проекции на материальную и духовную культуру, историко-этнографические, мифологические, региональные и языковые аспекты культуры, кодификационно-семиологические системы финно-угорских народов, отразившиеся в семейно-родовых знаках этносов Поволжья, в семантике знаков декоративно-прикладного искусства, явления когнитивной

лингвистики в устном народном творчестве, мировоззренческие аспекты и их мифологические проекции на духовную культуру, обрядность и фольклор. Впервые в мордовской этнографии и фольклоре осуществляется осмысление терминологических составляющих орнаментальных мотивов в декоративно-прикладном искусстве мордвы.

Работа на кафедре мировой и национальной культуры, подкрепленная постоянным стремлением совершенствоваться, за короткий срок позволила ученому выйти на новое направление, собрать обширный материал, обработать и издать в 2003 г. в виде монографии исследование «Семейные знаки народов Поволжья (на примере знаков собственности эрзи и мокши)». В ходе работы над книгой в архивах и экспедициях было собрано более тысячи знаков, рассмотрены кодификационно-семиотическая система мордовского народа, история ее возникновения и функционирования в сопоставительно-сравнительном аспекте со знаками других финно-угров: марийцев, удмуртов, коми, а также тюркских этносов: татар, чувашей, ногайцев, казахов. Семейно-родовые знаки анализировались в контексте языческой философии, изучалась их проекция на вышивку, декор жилища, ритуальные и культовые

предметы, домашнюю утварь, орудия охоты и труда.

Эта актуальная тема была развита и в последующем издании 2005 г. «Семантика знаков декоративно-прикладного искусства (на примере орнамента эрзи и мокши)», посвященном анализу символики декоративно-прикладного искусства, сформировавшегося в глубинах древней истории в тесной связи с мифологическим мировосприятием. Обе монографии насыщены богатым иллюстративным материалом, реконструкциями знаков, символов, обнаруженных в архивах древних актов, в ходе кропотливой работы в полевых экспедициях, этнографических музеях. Успех книгам обеспечило и то, что в их оформлении участвовал профессиональный художник Н. Д. Чикринов. Издания явились важным вкладом В. И. Рогачева в исследование кодификационно-семиотической системы мордовского народа, стали новой страницей в науке и вызвали неподдельный интерес людей, неравнодушных к финно-угорской культуре.

Ученого отличают неизменное стремление двигаться вперед, жажда открытий. В 2004 г. в рамках подготовки и защиты докторской диссертации он выпустил монографию «Свадьба мордвы Поволжья (историко-этнографические, мифологиче-

ские, региональные и языковые аспекты)», в которой обряд исследуется как историко-культурный, фольклорно-этнографический феномен, воплощающий в себе существенный пласт устно-поэтического и художественного наследия народа, отражающий его религиозные взгляды, древнее мировоззрение, представления о семейной жизни, морально-этические нормы и нравственные принципы.

Брачный обряд в монографии дан в широком контексте национальной культуры как неотъемлемый элемент культуры, квинтэссенция национального духа, где наиболее ярко и полно отразились целостное синкретическое мировосприятие окружающей действительности, отголоски суеверий и языческой обрядности, культовые мотивы, представления о человеке, размышления о семье и детях, преемственности поколений и смысле жизни. Автор показал свадьбу как настоящую сокровищницу национального искусства слова, выдающийся памятник художественного таланта народа, в котором отчетливо видны особенности его словесно-художественного мышления, сложность и специфика языка, изобразительных средств, образов, жанровое разнообразие и тематическое богатство семейно-обрядовых произведений, поэтическая одаренность этноса, художественные эстетические вкусы и представления, глубина психологизма в лирике, острота ума и наблюдательность, щедрость и широта души, поэтическое восприятие мира, расцвеченного творческой фантазией древнего человека, способного еще в те далекие времена к эстетизации сложных жизненных явлений. Книга отличается тщательно продуманным и богатым иллюстративным рядом. В ее оформлении принял участие народный художник Республики Мордовия Н. С. Макушкин.

Непрекращающийся творческий рост, постоянная напряженная работа – важные черты

научной деятельности В. И. Рогачева. С начала 2000-х гг. по мере своего научного и творческого становления он много и результативно работает над сбором материалов по мордовскому и русскому фольклору, этнографии, истории и краеведению, делает проспекты и макеты книг, решает финансовые и издательские вопросы. В это время он один и в соавторстве готовит и издает серию важных для финно-угорской культуры монографий, хрестоматий, содержащих ценные архивные и полевые материалы, которые могли быть утрачены для науки: «Мордовская свадебная обрядность и поэзия (по фольклорно-этнографическим материалам Шугуровского брачного округа)» (2004), «Дубёнка ёнксонь койтне ды моротне» («Обряды и песни Дубенской стороны») (2006), «Живая память поколений: духовная культура мордвы Zubovo-Полянского района: хрестоматия народной культуры» (2009), «Русский фольклор Поволжья» (2011), «Мотивы родимой земли: духовная культура жителей Zubovo-Полянского района Республики Мордовия: хрестоматия народной культуры» (2011), «Обряды и фольклор мордвы-мокши: теория и практика проблемы (по фольклорно-этнографическим материалам Zubovo-Полянского района)» (2012), «Мокшанский фольклор» (2014). Кроме того, ученый участвует в реализации крупных республиканских издательских проектов: «Мордовия: Энциклопедия» (в 2 т. 2003; 2004), «Мордовская мифология» (в 2 т. 2013; 2020), пишет главы для коллективных монографий «Очерки по истории, этнографии и культуре мордовского народа» (2004; 2012), «Наследие народов Российской Федерации: Сокровища культуры Мордовии» (2012).

Ни на минуту не прерывается исследовательская деятельность ученого, обращенная к «белым» страницам национального фольклора и этнографии, отраженным в на-

званиях публикаций: «Кодификационно-семиологическая система восточных финнов» (1999), «Свадебные песни финнов и мордвы: соответствия и параллели» (2002), «Свадьба по умершей» у эрзи и мокши» (2011), «Печь как сакральный локус в фольклорной картине мира» (2011), «К проблеме обряда имянаречения невесты (на примере свадьбы эрзи и мокши)» (2012), «Свадебные обряды и фольклор финно-угорских народов, связанные с культом воды» (2012), «Отражение мифологических представлений финно-угров в этнографических реалиях» (2013), «К вопросу об особенностях погребального обряда мордовского народа (по фольклорно-этнографическим материалам)» (2013), «Этнографические особенности мордовского обряда бракосочетания: обычаи похищения и купли-продажи невест» (2014), «Типологическая и генетическая общность свадьбы и похорон (на примере мордовской обрядности)» (2014), «К вопросу реконструкции мифомодели мира финно-угорских народов (на примере мифологии и декоративно-прикладного искусства)» (2014), «Пространственные и атрибутивно-объектные аспекты в мордовском фольклоре» (2014), «Мифологическая основа символики украшений финно-угорских народов Поволжья» (2015), «Основные группы мордовских украшений и их семантическое значение» (2016) и т. д.

Профессор активно участвует в оппонировании кандидатских и докторских диссертаций в Саранске, Казани, Ульяновске, находится в курсе событий по изданным новинкам в области фольклора, литературы и этнографии, рецензирует сборники произведений и монографии по финно-угристике и тюркологии Н. Г. Юрченко-вой (2010), Н. В. Шестеркиной (2012), Р. В. Кирилловой (2014), А. В. Арапова (2014), Ю. А. Мишанина (2014), К. А. Тангалычева (2014), О. И. Марискина

(2016), И. Г. Закировой (2017), А. С. Лузгина (2017), В. А. Юрченко (2017), Н. И. Ворониной (2019), Г. Г. Грязева (2021), антологию «Современная литература народов России. Детская литература» (2017) и др.

Ученый относится к числу тех редких авторов из мордвы после М. Е. Евсевьева, чьи статьи были опубликованы в авторитетном журнале Русского географического общества «Живая старина» (2011; 2014; 2015; 2016).

Исторически сложилось так, что в Среднем Поволжье мордва проживает дисперсно с русскими, татарами, чувашами, башкирами и на протяжении сотен лет взаимодействует с ними. В. И. Рогачев внимательно проследживает интегративные процессы между русскими и мордвой в статьях «Социальные движения и интегративные процессы в Нижегородском крае (на примере свадебной обрядности и фольклора мордвы и русских)» (2004), «Прошлое и настоящее мордвы-терюхан Нижегородской губернии» (2018), «На земле предков» (2018). Им подробно рассматриваются мордовско-татарские этнокультурные связи и их отражение в материальной и духовной культуре «Свадебные причитания мордвы и татар: типологическое сходство, взаимодействие, различия» (2015), «Финно-угорское и тюркское этнокультурное пространство Поволжья: уровни взаимодействия (на примере устного народного творчества и литературы мордовского и татарского народов)» (2016), «Тюркская свадебная терминология в обрядовом фольклоре мордвы-каратаев Камско-Устьинского района Республики Татарстан» (2014), «Взаимосвязи в фольклорно-эпическом наследии татар и мордвы-каратаев (на примере фольклорной лексики)» (2020). Истории становления каратаев как этнографической группы на территории Республики Татарстан посвящены статьи «К проблеме формирования этнографиче-

ской группы мордвы-каратаев Камско-Устьинского района Республики Татарстан» (2012), «Мордва-каратаи как этнокультурный феномен взаимодействия мордвы и татар» (2018), теме сходства кодификационно-семиотических кодов – «Реконструкция бытования родоплеменных знаков финно-угорских и тюркских этносов: исторический экскурс, сравнительный аспект» (2013).

Вузовская жизнь требует постоянной напряженной работы в режиме поиска нового. В последнее время В. И. Рогачев обращается к вопросам когнитивных проекций в фольклоре и публикует ряд статей по этой проблематике: «Функционирование растительного кода в традиционной культуре народов Поволжья (на примере фольклора мордвы-эрзи и мокши)» (2019), «Мифопоэтика дороги (на материале народных русских загадок)» (2020), «К вопросу о растительных образах-символах (кодах) в устной народной поэзии народов Среднего Поволжья» (2020), «Пространственно-временные маркеры в фольклоре и языке мордвы-эрзи (на примере материалов села Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия)» (2020), «Мифопоэтика растительного кода в традиционной культуре мордовского народа» (2022).

Вопросы русской культуры и литературы, которые также интересуют ученого, нашли отражение в статьях «Реплика: к вопросу о «сватах» в «Слове о полку Игореве»» (2014), «Поэтика «плача» и «славы» в «Слове о полку Игореве»» (2019), «Многоаспектность изображения времени и пространства в «Слове о полку Игореве»» (2021) и др.

В. И. Рогачев явился инициатором издания и одним из авторов серии историко-краеведческих научно-популярных книг по материальной и духовной культуре мордовских и русских сел республики: «Край отшумевших ярмарок, базаров... Быль и

новь села Новотроицкое» (2009, 2-е изд., доп. 2013), «Косогоры: историко-этнографические и литературные очерки» (2016), «Село Шугурово: история, люди, культура (историко-этнографические и филологические заметки)» (2018), «По следу времени: этнографические и филологические заметки по истории села Косогоры» (2018). Им запущена в производство важная для культурной идентификации и нравственной памяти российских народов книжная серия «Народонаселение России: крестьянство»: «Летопись села Никольское, Старые Косогоры тож (по материалам юридических актов XIX–XX вв.)» (2017), «Ново-Троицк: Летопись (по данным метрических книг XVIII–XIX вв.)» (2018). Подтверждением правильности выбранного направления стала высокая оценка читателями опубликованных изданий.

При реализации указанных проектов проявились лучшие личностные качества В. И. Рогачева как человека и ученого, его организаторские способности, умение спланировать вокруг себя небольшие творческие коллективы, ставить задачи и нацеливать людей на результат, создавать вокруг себя спокойную творческую рабочую обстановку, изыскивать финансовые средства, продумывать эскизы, макеты, оформление книг, заниматься версткой, формировать иллюстративный ряд, работать с оформителями и редакторами.

Труды Владимира Ильича вызывают глубокий интерес у научного сообщества, в них осмысливаются этнические мировоззренческие аспекты, проблемы когнитивной лингвистики, их экстраполяция на фольклор и декоративно-прикладное искусство, связь мифа с этнической символикой, декором, орнаментикой, прокладываются концептуальные связи между фольклором и литературой, много внимания уделяется реконструкции фольклорных фактов, взаимодействию русской и

мордовской культур на протяжении 1000-летней совместной истории. Исследователь использует современный научный инструментарий и методологию в разработке пространственно-временных концептов при изучении мифопоэтического сознания и следов язычества в фольклоре.

Ученый принимает активное участие в работе международных, всероссийских научно-практических конференций, выступает с докладами на конференциях в Москве, Казани, Уфе, Йошкар-Оле, Пензе, Ульяновске.

Научной деятельности В. И. Рогачева свойственны широта, открытость, подлинный интернационализм во взглядах на культуру народов России. Им выдвигаются новые идеи, разрабатываются перспективные направления. Его высокая публикационная активность проявляется в издании монографий, статей по актуальной тематике в журналах, рецензируемых ВАК РФ, индексируемых в Scopus и WoS, участии в совместных научно-исследовательских и издательских проектах с учеными Москвы, Казани, Нижнего Новгорода, Ижевска, Уфы. Для исследовательской работы характерны высокая результативность, широкий круг научных интересов, нацеленность на освоение новых меж-

дисциплинарных подходов, тесная связь теории и практики, апробация научных результатов в процессе учебно-педагогической работы.

Профессор активно сотрудничает с научно-образовательными учреждениями Москвы, Казани, Ижевска, Уфы и Республики Мордовия. Он также является экспертом, консультантом, председателем и членом жюри различных районных, городских и республиканских олимпиад, конкурсов. Серьезное внимание уделяет подготовке научно-педагогических кадров для средних общеобразовательных школ, высших учебных заведений Республики Мордовия. Долгое время являлся членом и председателем диссертационного совета Д. 212.118.02 по защите докторских и кандидатских диссертаций при МГПИ имени М. Е. Евсевьева.

В. И. Рогачева отличают профессионализм, компетентность, нацеленность на новаторские и инновационные подходы в учебном процессе и науке, ответственность и трудолюбие, требовательность к себе, желание прогрессировать, быть результативным и качественно решать задачи, стоящие перед ним, что свидетельствует о его высоком научном, творческом потенциале, реализмом в повседневной кропотливой работе. Он целе-

направленно формирует информационный блок научных материалов по фольклору, литературе, истории и этнографии мордовского народа, стремится создать базу данных, где была бы сосредоточена информация о мордовском этносе как части финно-угорского мира.

Работы ученого представляют собой инновационные исследования на стыке нескольких смежных дисциплин. В них, благодаря панорамному видению и глубокому осмыслению автором диалектических связей, финно-угорский мир предстает во всей своей привлекательности и красоте как неотъемлемая часть, одна из цивилизационных основ российской культуры.

Научно-педагогическая деятельность юбиляра – яркий пример служения родному народу, финно-угорскому миру, России. Успехи и достижения В. И. Рогачева по достоинству отмечены званиями, наградами, среди которых Почетная грамота Главы Республики Мордовия и Почетная грамота Госсобрания Республики Мордовия, медаль «За заслуги. В ознаменование 1000-летия единения мордовского народа с народами Российского государства» (2012), почетный знак Главы Республики Мордовия «За личный вклад в развитие Республики Мордовия» (2022).

Ольга Ивановна Налдеева –

доктор филологических наук, профессор кафедры родного языка и литературы Мордовского государственного педагогического университета имени М. Е. Евсевьева, Саранск, Россия, naldeeva_oi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4031-8905>

Olga I. Naldeeva –

Doctor of Philology, Professor, Department of the Native Language and Literature, Mordovian State Pedagogical University, Saransk, Russia, naldeeva_oi@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4031-8905>

ДМИТРИЙ СТЕПАНОВИЧ ЖЕЛТОВ. НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

DMITRY STEPANOVICH ZHELTOV. UNKNOWN PAGES OF THE BIOGRAPHY

Благодарности: Материал подготовлен в рамках выполнения прикладной НИР Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва г/б 20-22 «Проблемы укрепления законности в Мордовской АССР в довоенный период (1938 – июнь 1941 г.)» (приказ № 1743-л от 19.04.2022 г.).

Республика Мордовия – полноправный субъект Российской Федерации и согласно ст. 5 Конституции РФ 1993 г. является государственным образованием. Основы национальной государственности мордовского народа были заложены еще в 1920-х гг. Заметный вклад в дело создания мордовской автономии внес Дмитрий Степанович Желтов.

Д. С. Желтов родился в с. Напольном Алатырского уезда Симбирской губернии (ныне Поречский район Чувашской Республики) в эрзянской крестьянской семье, в 1910 г. окончил Поречскую учительскую семинарию, в 1910–1914 гг. работал помощником классного наставника в реальном училище г. Алатыря, учителем сельской школы в с. Сабанчеево Алатырского уезда Симбирской губернии (ныне Атяшевский район Республики Мордовия).

С июля 1914 по декабрь 1917 г. служил рядовым в царской армии, писарем, а затем стал курсантом школы прапорщиков Виленского военного училища в г. Полтаве. После возвращения на родину и демобилизации в 1917–1918 гг. работал учителем в сельской школе с. Сабанчеево, школьным инспектором Алатырского уездного отдела народного об-

разования, инструктором школы I ступени. 18 декабря 1918 г. был принят в ряды РКП(б). В марте 1919 г. участвовал в подавлении кулацкого восстания в Карсунском уезде Симбирской губернии (ныне Карсунский район Ульяновской области).

С 1919 г. Д. С. Желтов находился в рядах Рабоче-крестьянской Красной армии, занимал должности заведующего политпросветотделом Алатырского уездного военкомата, по совместительству являлся заведующим организационно-агитационным отделом, секретарем, членом редакционной коллегии Алатырского уездного комитета РКП(б). В 1920 г. был назначен помощником уездного военного комиссара, а затем служил в штабе Приволжского военного округа. 1 мая 1920 г. по ходатайству Симбирского губернского комитета ВКП(б) был откомандирован в губернский Революционный трибунал, где до 16 июля занимал должность председателя выездной сессии Революционного трибунала по делам дезертиров Алатырского и Ардатовского уездов. По распоряжению политуправления штаба округа был направлен в 4-й отдел Революционного военного трибунала Запасной армии Республики в г. Симбирск, где до 31 августа 1921 г. являл-

ся заместителем председателя и членом коллегии трибунала, после чего был откомандирован в распоряжение ЦК РКП(б).

В составе Симбирской губернской партийной делегации Д. С. Желтов участвовал в работе 1-го Всероссийского съезда коммунистов мордовской национальности, проходившего в г. Самаре 10–14 июня 1921 г. На съезде он выступал с докладом о выделении мордвы в автономную область. Для разработки проекта автономии и работы в Центральном бюро мордовских секций при ЦК РКП(б) и других учреждениях съезд избрал 25 коммунистов, в том числе и Дмитрия Степановича. 18 июля 1921 г. Оргбюро ЦК РКП(б) утвердило Центральное бюро мордовских секций, в состав которого вместе с ним вошли М. К. Евсеев и Е. С. Окин, а 2 декабря 1921 г. он был утвержден секретарем мордовской секции подотдела национальных меньшинств при агитационно-пропагандистском отделе ЦК. С этого времени главной целью его жизни становится создание автономии мордовского народа.

5 октября 1922 г. Д. С. Желтов представил в Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац) РСФСР доклад об организации

мордовской автономной области. 21 октября 1922 г. коллегия Наркомнаца, рассмотрев вопрос о выделении автономной мордовской области, не приняла положительного решения ввиду отсутствия мотивированных заключений со стороны руководства губерний, территории которых должны были составить указанную область. Попытки разработать новый проект мордовской автономии не увенчались успехом.

В Москве Д. С. Желтову часто приходилось встречаться с И. В. Сталиным, возглавлявшим Наркомнац. Требования со стороны отдельных коммунистов немедленно предоставить автономии мордовскому народу без соответствующего обоснования и учета социально-экономических и культурных условий жизни населения края вряд ли были приемлемы для И. В. Сталина. Впоследствии, во второй половине 1930-х гг., многие мордовские партийные и советские работники были обвинены в национализме и репрессированы.

После завершения работы в аппарате ЦК в сентябре 1924 г. Д. С. Желтов занимал различные должности в хозяйственных организациях страны: в 1924–1934 гг. работал управляющим делами Плодовинодельческого союза РСФСР, инспектором Сельхозбанка РСФСР, членом правления Туркменского сельхозбанка в г. Ашхабаде Туркменской ССР, старшим инспектором, заместителем управляющего Московской конторой Центрального сельхозбанка; в 1934–1935 гг. – заместителем наркома земледелия Бурят-Монгольской АССР (ныне Республика Бурятия) в г. Улан-Удэ; в 1935–1936 гг. – заместителем директора Чуйского треста ново-лубяных культур в г. Фрунзе Киргизской ССР (ныне г. Бишкек Кыргызской Республики). В 1922–1926 гг. обучался на сельскохозяйственном отделении экономического факультета Института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова, где получил специальность агронома.

В декабре 1936 г. Д. С. Желтова исключили из рядов ВКП(б) за «покровительство» троцкистам. 13 июня 1937 г. он был арестован НКВД Киргизской ССР и этапирован в г. Саранск в распоряжение УНКВД по МАССР, где ему предъявили обвинение в участии в антисоветской фашистско-националистической организации. По решению тройки при НКВД МАССР от 5 ноября 1937 г. за контрреволюционную, террористическую и повстанческую деятельность Д. С. Желтов заочно был приговорен к заключению в исправительно-трудовой лагерь (ИТЛ) сроком на 10 лет. Наказание отбывал в Томско-Асинском ИТЛ в Томской области.

Материалы следственного дела были сфальсифицированы работниками НКВД. По постановлению Особого совещания при НКВД СССР от 14 сентября 1938 г. решение тройки в отношении Д. С. Желтова было отменено и дело направлено на доследование, однако постановлением того же органа от 10 сентября 1940 г. «за участие в антисоветской националистической организации» он вновь был приговорен к заключению в ИТЛ сроком на 5 лет. Наказание отбывал в Вятском ИТЛ в Кировской области, из которого был освобожден 27 июля 1942 г., но задержан в лагере до окончания Отечественной войны на положении вольнонаемного рабочего без права выезда с территории ИТЛ.

В 1942–1949 гг. Д. С. Желтов проживал в Кайском районе Кировской области, работал агро-

номом Вятского ИТЛ. 11 июня 1949 г. он был вновь арестован и по постановлению Особого совещания при МГБ СССР от 6 августа 1949 г. «за принадлежность к антисоветской националистической организации» сослан на вечное поселение в Венгеровский район Новосибирской области.

Реабилитация Д. С. Желтова стала возможной после смерти И. В. Сталина, когда была демонтирована карательная система. Определением судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 27 июля 1955 г. постановление внесудебного органа от 10 сентября 1940 г. и от 6 августа 1949 г. в отношении Д. С. Желтова были отменены, а уголовные дела производством прекращены с освобождением его от ссылки на спецпоселение. В декабре 1955 г. решением Комитета партийного контроля при ЦК КПСС он был восстановлен в рядах КПСС.

Постановлением Президиума Верховного суда Мордовской АССР от 3 сентября 1956 г. постановление тройки при НКВД МАССР от 5 ноября 1937 г. было отменено, дело антисоветской фашистско-националистической организации производством прекращено, а Д. С. Желтов полностью реабилитирован. Долгие годы о суровых испытаниях этого славного сына мордовского народа не было известно широкой общественности республики. Приоткрывая трагические события в истории Мордовии, надеемся, что имя Дмитрия Степановича останется в памяти потомков.

Евгений Николаевич Тязин – старший преподаватель кафедры теории, истории государства и права и международного права Мордовского государственного университета им. Н. П. Огарёва, Саранск, Россия, etyazin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1951-0986>

Evgeniy N. Tyazin – Senior Lecturer, Department of Theory, History of State and Law and International Law, National Research Mordovia State University, Saransk, Russia, etyazin@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1951-0986>

ПАМЯТИ НАСТАВНИКА И ДРУГА МИХАИЛА ВАСИЛЬЕВИЧА МОСИНА

2 декабря перестало биться сердце известного ученого-финно-угроведа, доктора филологических наук, профессора Михаила Васильевича Мосина.

Михаил Васильевич родился 2 ноября 1940 г. в с. Жабино Ардатовского района Мордовской АССР. Здесь же после окончания Ардатовского культурно-просветительного училища в 1959 г. начал трудовую биографию в качестве заведующего сельским клубом. В 1961 г. поступил на филологический факультет Мордовского государственного университета. Став дипломированным специалистом, продолжил образование в аспирантуре при кафедре финно-угорского языкознания Тартуского университета. В 1971 г. в Тарту успешно защитил кандидатскую диссертацию «Мордовско-эстонские лексические отношения». В 1987 г. там же, в Тарту, состоялась защита его докторской диссертации «Эволюция структуры финно-угорской основы слова в мордовских языках».

Преподавательская и научная деятельность М. В. Мосина неразрывно связана с Мордовским государственным университетом им. Н. П. Огарёва, где он прошел путь от ассистента до профессора, заведующего кафедрой (общего и сравни-

тельно-исторического языкознания; финно-угорского и сравнительного языкознания), декана филологического факультета. Находясь на посту декана на протяжении 28 лет, он приложил немало усилий для повышения престижа как самого факультета, так и профессии учителя.

Научные интересы Михаила Васильевича были сосредоточены на изучении проблем фонетики, морфологии, словообразования, семантики и исторической лексикологии финно-угорских, и в первую очередь мордовских, языков. На его счету сотни публикаций, в том числе монографий, словарей, учебников и учебно-методических пособий для школ, вузов Мордовии, часть из которых издана за рубежом.

За годы его научной деятельности под руководством профессора сформировалась блестящая плеяда лингвистов-финно-угроведов, ныне кандидатов и докторов наук, была создана научная школа по проблемам мордовского и финно-угорского языкознания. Имя М. В. Мосина хорошо известно за рубежом: он преподавал русский язык в университетах разных стран: в Клагенфурте (Австрия) и Тампере (Финляндия), эрзянский – в Хельсинки и Турку (Финляндия), Будапеште, Дебрецене и Сегеде (Венгрия), являлся членом координационного совета при Туркуском университете, Общества литераторов Финляндии, ряда международных общественных организаций, был постоянным участником международных конгрессов финно-угроведов. Для зарубежных, как и для отечественных, коллег его авторитет был непререкаем.

Горечь утраты усиливает то, что Михаил Васильевич – один из основателей нашего журнала. Долгие годы он был членом редакционного совета и научным редактором; в Межрегиональном научном центре финно-угроведения заведовал сектором филологии и журналистики. Светлая память наставнику и другу!

*Редакция журнала и коллектив
Межрегионального научного центра финно-угроведения*

Рецензируемый научный журнал «**Финно-угорский мир Finno-Ugric World**» основан в 2008 г. и считает своей миссией всемерное распространение знаний о финно-угорских народах, популяризацию языков, литературы, народной культуры и искусств, истории родного края.

Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников согласно Номенклатуре специальностей научных работников. Проводится научное рецензирование поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки.

К рассмотрению принимаются оригинальные работы (научные статьи, обзоры, рецензии и отзывы), тематически связанные с проблемами финно-угорского мира. Набор материалов осуществляется по следующим научным направлениям:

«Исторические науки» – **5.6. Исторические науки.**

Учредителем и издателем журнала является федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва».

С 2012 г. журнал входит в утвержденный Министерством образования и науки Российской Федерации Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

Главный редактор:

Макаркин Николай Петрович, доктор экономических наук, профессор, президент ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва», руководитель Межрегионального научного центра финно-угроведения.

Научные редакторы:

Мосина Наталья Михайловна, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка для профессиональной коммуникации ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Филологические науки»;

Корнишина Галина Альбертовна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Исторические науки»;

Бояркин Николай Иванович, доктор искусствоведения, профессор, ведущий научный сотрудник Межрегионального научного центра финно-угроведения ФГБОУ ВО «МГУ им. Н. П. Огарёва» – рубрика «Культурология».

В состав редакционного и экспертного советов входят ученые, организаторы науки, представители государственной власти, национальных общественных объединений, деятели культуры и искусств финно-угорских регионов Российской Федерации, Финляндии, Венгрии, Эстонии, Франции и Литвы.

Журнал индексируется и архивируется в следующих базах данных:

Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science

Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)

ERIH PLUS

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich's Global Serials Directory

The peer-reviewed academic journal “**Finno-Ugric World**” was founded in 2008. It seeks to develop Finno-Ugric studies, Finno-Ugric languages, literature, folk culture and arts, and the history of the native land.

The names and content of the journal’s sections correspond to the groups of specialties of academic staff in accordance with the Nomenclature of Specialties of Academic Personnel. The journal follows a double-blind peer review process to maintain its high standard of the editorial expert assessment.

The journal seeks papers and book reviews on various aspects of Finno-Ugric Studies. It covers the following research areas:

“History” – **5.6. Historical sciences.**

The founder and publisher of the journal is Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “National Research Ogarev Mordovia State University”.

Since 2012, the journal is included in the “List of Russian peer-reviewed academic journals approved by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation to publish research results of Dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences”.

Editor in Chief:

Nikolay P. Makarkin, Doctor of Economics, Professor, President of National Research Mordovia State University, Head of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies

Editorial Board:

Natalya M. Mosina, Doctor of Philology, Professor, Department of English for Professional Communication, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Philology”;

Galina A. Kornishina, Doctor of Historical Sciences, Professor, Department of Russian History, National Research Ogarev Mordovia State University, section “History”;

Nikolay I. Boyarkin, Doctor of Art History, Professor, Leading Researcher of the Interregional Research Center of Finno-Ugric Studies, National Research Ogarev Mordovia State University, section “Cultural Studies”.

The editorial board includes scholars, academics, representatives of State Bodies, National Public Associations, and representatives of culture and arts of the Finno-Ugric regions of the Russian Federation, Finland, Hungary, Estonia, France and Lithuania.

The journal is indexed and archived:

Russian Science Citation Index (RSCI) on the Web of Science platform

Russian Science Citation Index (RISC)

European Reference Index for the Humanities and the Social Sciences (ERIH PLUS)

Directory of Open Access Journals (DOAJ)

OASPA

Ulrich’s Global Serials Directory

Главный редактор *Н. П. Макаркин*
Заместитель главного редактора *А. В. Родняков*

Научные редакторы:
Н. И. Бояркин, Н. М. Мосина, Г. А. Корнишина

Редактор *Е. С. Руськина*
Верстка и дизайн *Л. В. Калачина*
Корректор *Е. В. Савойская*
Перевод *О. С. Сафонкина*

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Рукописи не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей

Перепечатка материалов, размещенных в журнале, допускается только с разрешения редакции

На обложке: 1-я стр. – рисунок Ф. Солнцева «Эстонка»;

*4-я стр. – творческая работа А. Михалкиной «Солярный знак»,
декоративное панно. Вышивка, 2018*

Editor in Chief *N. P. Makarkin*

Assistant Editor *A. V. Rodniakov*

Editorial Board:
N. I. Boyarkin, N. M. Mosina, G. A. Kornishina

Editor *E. S. Ruskina*
Layout design *L. V. Kalachina*
Correction by *E. V. Savoiskaia*
Translation by *O. S. Safonkina*

The journal is included in the list of Russian peer-reviewed journals to publish research results of the dissertations for the academic degrees of Doctor and Candidate of Sciences

The Editorial board reserves the right not to return manuscripts.
Editorial opinion may not coincide with the views of the authors of articles

Articles reprinting is allowed only with the permission of the Editors

On the cover: page 1 – F. Solntsev “Estonian woman”;

page 4 – creative work by A. Mikhalkina “Solar sign”, decorative panel. Embroidery, 2018